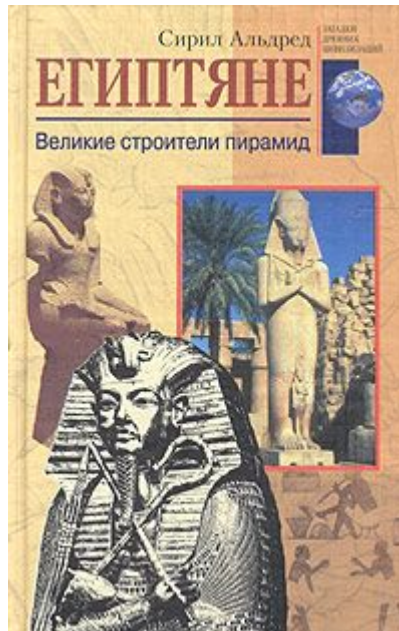

Сирил Альдред Египтяне. Великие строители пирамид

Центрполиграф
2004

Автор рассказывает о жизни народа плодородной долины Нила с древнейших времен. Вы узнаете о становлении уникального централизованного государства во главе с фараоном, о культуре и искусстве Древнего Египта. Ярким и образным слогом повествуется о жизни различных слоев населения, о церемониях, обычаях, традициях жрецов, придворных, ремесленников, крестьян и рабов.

ISBN 5-9524-1267-X

Оригинал: Cyril Aldred, "The Egyptians"

Перевод: М. Якушина

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1.
ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Глава 2.
ДРЕВНИЕ МЕСТА

Глава 3.
ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Глава 4.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕГИПТА

Глава 5.
ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАСЦВЕТА ВО ВРЕМЕНА ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Глава 6.
ПЕРВОЕ ПАДЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВО ВРЕМЕНА
СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Глава 7.
ВТОРОЕ ПАДЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВО ВРЕМЕНА НОВОГО
ЦАРСТВА

Глава 8.
УПАДОК И ПОДЪЕМ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД

Глава 9.
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Глава 10.
ОБРАЗ ЖИЗНИ ЕГИПТЯН

Глава 1.

ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Нет ничего удивительного в том, что первыми египтологами стали сами древние египтяне. Уважение к прошлому почти всегда проявлялось в течение долгой истории этого народа. Поэтому можно было ожидать, что египтяне с их глубоким уважением к святости прецедента положат начало этой науке. К примеру, когда фараон Неферхотеп (приблизительно 1750 год до н. э.) решил заказать новую статую Осириса, царя мертвых, то велел отыскать в архивах библиотеки Гелиополя древнее изображение бога, для того чтобы сделали его точную копию. Шестью столетиями позднее Рамсес IV продемонстрировал сходные знания в области антиквариата; есть много других примеров того, как творения известного правителя в точности копировали его последователи.

Однако не только фараоны стремились показать себя наследниками предшествующих поколений и проявляли искренний интерес к прошлому. Во времена Нового царства было ясно, что множество древних зданий стали фактически национальными памятниками, и к ним регулярно прибывали посетители. Когда царица Хатшепсут (приблизительно 1480 год до н. э.) выстроила свой громадный погребальный храм в Дейр-эль-Бахри, посягнув при этом на окраины гораздо более древней гробницы царицы Неферу, она позаботилась при строительстве оставить узкий проход, по которому посетители могли добраться до знаменитой усыпальницы Неферу. Надписи, которые эти люди оставили на стенах, дают возможность определить, что они мало отличались от нынешних «коллег».

Такие граффити находят и на других монументах. К примеру, на одном из нескольких зданий, окружающих Ступенчатую пирамиду, есть составленная из стереотипных фраз надпись, рассказывающая о том, что писец Яхмос пришел посмотреть на храм фараона Джосера и нашел, что «внутри как будто солнце встает на небе». Это говорит о том, что монумент был открыт для посетителей приблизительно через тысячу лет после своего создания. Предметом такого интереса к древности были не только впечатляющие гробницы сильных мира сего. Скромные усыпальницы частных лиц в Фивах через девять столетий после смерти их обладателей были доступны для любопытных, а в саисские времена произошло возрождение гордости достижениями прошлого: отдельные рельефы и рисунки тщательно очистили и аккуратно скопировали. Благодаря редкостной игре случая саисская копия и оригинал (оба на барельефе) уцелели; в наше время они точно так же заслуживают восхищения.

Бывало, что древние египтяне небрежно относились к изучению прошлого, но некий Иби, построивший себе гробницу поблизости от Фив во времена правления фараона Псамметиха I (приблизительно 600 год до н. э.) с удивительной педантичностью скопировал на ней сцены с гробницы времен Шестой династии (она находится в Дейр-эль-Гебрави, на две сотни миль дальше к северу). Возможно, это было связано с тем, что ее хозяин носил то же имя и похожий титул.

РАННИЕ ОТЧЕТЫ ПО ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Вероятно, Манефон, верховный жрец в храме Гелиополя, имел доступ к огромному множеству записей, когда при Птолемеи II начал писать по-гречески свою «Историю Египта» (приблизительно 250 год до н. э.).

Полностью эта работа не сохранилась; она дошла до нас лишь в виде фрагментарных и искаженных пересказов, сохранившихся в записях Иосифа и других классических авторов. Они использовали цитаты в основном для того, чтобы поддержать свою точку зрения в полемике с другими авторами. Между тем сомнительно, что даже весь труд имел бы научное значение. Манефон имел намерения рассказать образованным классам египетского общества историю своей страны, но он был вовлечен в соперничество Птолемея и Антиоха Сирийского (каждый из которых стремился доказать, что его земля древнее), и у него были свои предпочтения.

Манефон почти наверняка имел доступ к архивам, дошедшим до нас в урезанном виде, в

том числе к записям из Абидоса и Карнака, отображавшим традиции Верхнего Египта; к спискам из Сахары и Туринскому папирусу. Камень из Палермо, от которого осталось множество разрозненных фрагментов, в то время мог хранить в неприкосновенности летописи древних фараонов Египта вплоть до середины Пятой династии. Конечно, кроме этого, у Манефона должны были быть другие, более полные документы, не сохранившиеся до наших дней; вполне возможно, что его династическая хронология не страдала особыми неточностями. Сомнительно, однако, что интерпретация фактов в его произведениях достойна доверия, ведь ему приходилось полагаться на сообщения о событиях, достоверность которых сомнительна, как мы увидим впоследствии.

За неимением «Истории» Манефона особое значение приобретает отчет, который греческий путешественник Геродот (приблизительно 450 год до н. э.) дает во второй книге своей «Истории», где пишет о поездке по долине Нила. В рассказах о виденном своими глазами он обычно проявляет глубокую проницательность, и его мнение достаточно ценно; но многое из написанного в этой книге — всего лишь сплетни. Геродот, по-видимому, никогда не встречался с людьми из образованных классов египетского общества и зависел от местных переводчиков, проводников и мелких чиновников, которые готовы были предложить доверчивому слушателю выдуманное объяснение любого события. По этой причине Геродот сохранил для нас множество сказок того времени, многие из них представляют большой интерес для антрополога, но вряд ли имеют значение с точки зрения историков. Несмотря на это, на Геродота ссылались такие классические географы, как Диодор Сицилийский, Страбон и Плиний. На их отчеты о жизни Древнего Египта ученым приходилось полагаться вплоть до недавнего времени, поскольку после 394 года н. э., когда последняя из известных иероглифических надписей была высечена в правление Феодосия Великого, долгая тишина спустилась над страной и скрыла все, что можно было узнать о ее прошлом. Впрочем, непрерывный ход развития национальной культуры был прерван за столетия до того: когда Птолемей унаследовал египетскую часть империи Александра и начал прививать правящей касте чуждые ей греческие привычки. Процесс эллинизации Египта шел не слишком успешно; к тому времени, когда в 30 году до н. э. Рим оккупировал страну, греческая культура создала лишь тонкий слой на национальной основе. Захватчики жестоко эксплуатировали страну как источник дешевого зерна для городской черни Рима, а поборы сменявшихся друг друга префектов давали пищу национальной культуре сопротивления, который нашел себе поддержку в христианской религии. Это патриотическое и религиозное движение, поощрявшее возрождение египетского языка в форме коптского, записанного греческими буквами и с заимствованиями из того же языка, не привело к возвращению интереса к языческому прошлому.

Отрешение коптского Египта от его древнего наследия завершилось в 693 году н. э., когда Амр во главе арабской армии захватил страну для халифа Омара и превратил ее в исламское государство, на тысячу лет потерявшее тесные связи с христианской Европой. Мусульмане не проявляли интереса к египетским древностям, только свалили несколько монументов в надежде откопать легендарные сокровища, якобы закопанные у их подножия. Вообще на древние памятники смотрели косо, как на творения неверных, к которым следует относиться равнодушно или даже враждебно; некий шейх Мохаммед изуродовал Великого сфинкса в Гизе, думая так порадовать Бога. Позже интерес к древним реликвиям проявили не сами жители страны, а он явился извне.

В конце Средних веков Западная Европа вновь вдохновилась классическим наследием. Этот процесс начался в Италии, где меньше пренебрегали традиционным обучением. Здесь повсюду лежали руины былого величия, вдохновлявшие исследователей на изучение языческого прошлого, причем не только собственного, но и чужого. Некоторые из египетских монументов, перевезенных императорами в Рим, еще стояли, другие (выписанные из Египта, чтобы украсить галереи, пристроенные к императорским баням и виллам) нашли в XVI и последующих веках при строительстве. Появление в 1499 году книги Колонны *«Hypnerotomachia Polipbili»*, в которой средневековый символизм сочетался с новым, образным стилем, можно считать первой в Европе попыткой перевести иероглифы в соответствии с эзотерической системой, ведущей свое происхождение от толкования Горуполлона. Вплоть до начала XIX века сохранялась вера в то, что египетские надписи

символически выражают религиозные и философские концепции. Эта теория нигде так ярко не выражена, как в писаниях Афанасия Кирхера (1650 год н. э.), чья репутация одного из первых коптских ученых оказалась подпорчена благодаря фантастическим интерпретациям иероглифических надписей. Для него шесть знаков, составлявших имя фараона Акориса (390—378 годы до н. э.), значили, что «статуя сокола с пером и священной вазой Нила должна быть установлена для того, чтобы молитвой превозмочь Момфту и позволить Нилу осуществить его плодородный разлив».

При таком интуитивном изучении продвижение вперед зависело от открытия новых памятников и надписей. В этот период их небольшая часть начала изучаться, в основном благодаря молодым людям, которые в том возрасте, когда положено отправляться в путешествие для завершения образования, уезжали на Ближний Восток.

По этой причине преподобный Ричард Покок, позднее епископ Митский, посетил Нил. Он опубликовал отчет о своей поездке, в который включил гравюры с изображениями редкостей, виденных или собранных по дороге. Он вместе с такими путешественниками, как Норден и Перри, а также антикваром Уильямом Стакли, являлся членом недолго просуществовавшего Египетского общества (первого в череде подобных), созданного в 1741 году для содействия распространению египетского и других «античных учений». Именно над такими дилетантами посмеялся Аддисон в своем первом номере «*The Spectator*», когда описал свое вымышленное путешествие в Каир с целью измерить пирамиды.

Растущий в течение всего XVIII века интерес к Древнему Египту был одним из аспектов движения романтизма, находившего аромат прошлого неотразимо привлекательным и приверженного красочному ориентализму. Беркхард путешествовал в местном наряде под именем шейха Ибрагима не только для того, чтобы избежать риска встречи с ближневосточной разведкой. Любовь к красочному Леванту и его *башибузукам*, грациозно позирующим среди руин на фоне пустынного ландшафта, пришла в литературу и другие виды искусства. Пытливый путешественник, вооруженный карандашом и записной книжкой, и его небольшая группа слушателей — кабинетных ученых, склонных к беспочвенным догадкам, были, конечно, только любителями, эклектичными и в основном бесплодными. Но они представляли два основных потока деятельности, которые даже теперь важны для египтологии.

ЗАРОЖДЕНИЕ ЕГИПТОЛОГИИ

Закат новой эры внезапно произошел в 1798 году, когда французы совершили драматическое воплощение идеи получить Суэцкий канал, сокращающий путь в Индию. Попытка воплотить эту идею в жизнь досталась Наполеону; как настоящее дитя своего времени, он взял на себя и ответственность за исследование прошлого Египта во время похода. Высказывание, обращенное к войскам: «Солдаты, на вас глядят сорок столетий», поднимает завесу над романтическим прошлым Египта. В обозе его армии ехали почти две сотни французских ученых, которые должны были исследовать, описывать древности и даже заниматься раскопками. До тех пор научная экспедиция таких размеров еще ни разу не оказывалась в ни в одном из мест античной культуры; в новом столетии она послужила образцом для многих других. Хотя военная авантюра Наполеона потерпела полный крах, он полностью утвердил французское превосходство в области египетской культуры. Тридцать шесть иллюстрированных томов, в которых Виван Денон и его коллеги описали монументы, найденные в Египте, появились между 1809-м и 1813 годами и вызвали живейший интерес.

С этого момента и впредь в XIX веке исследования прошлого вызывали такой же ажиотаж, как в нашем поколении — исследование глубокого космоса. Результаты египетской экспедиции оказались многообещающими, но это не всегда шло на пользу науке. Французы действовали ради национального престижа не в меньшей степени, чем ради научных достижений. Египетские древности теперь стали залогом в игре международного соперничества, в которую великие державы играли друг с другом в различных вариантах. В ней приобретение таких колоссов, как Мемнон или Озимандий, давало нации чувство величественного достижения, сравнимое с современным запуском на орбиту спутника. Это

соперничество обозначилось в самом начале столетия, когда при капитуляции Александрии британцы завладели камнем из Розетты — большим куском базальта, испещренным греческими, демотическими и иероглифическими надписями, который французский офицер нашел, копая в районе Розетты (Западная Дельта) траншею. После этого консулы различных держав и их агенты соперничали друг с другом в поисках самых лучших и самых больших «антиков». Этот процесс заполнил музеи самых больших столиц Европы огромными монументами, которые для несведущего человека даже теперь являются практически единственным источником информации о египетских древностях. За период разнузданного грабежа уничтожено оказалось не меньше, чем сохранено. Гробницы открывали с помощью таранов или пороха; драгоценные записи превращали в разрозненные клочки; происхождение практически любой вещи уже невозможно установить. В этом уничтожении наследия древних египтян их потомки участвовали с не меньшим наслаждением, чем все остальные; они рады были продать за французское золото случайные находки, значения которых не понимали и не ценили. Древности, изображенные на фото 58 и 39, оказались поделены между несколькими коллекционерами: голову статуи приобрел один агент, а тело — другой, его соперник. Папирусы разрезали на части и продавали их по отдельности, поэтому они навсегда оказывались разрозненными.

В то время как искатели приключений всех мастей собирали богатый урожай древностей и набивали себе карманы, ученые тоже не сидели сложа руки. Открытие камня из Розетты дало ключ к загадке иероглифов, жившей уже столетиями. Когда камень еще находился в руках французов, Наполеон велел скопировать иероглифы и разослал рисунки ученым по всей Европе. Греческий текст, конечно, можно было прочесть; это оказалась ода в честь Птолемея V (196 год до н. э.). Ясно было, что остальные две надписи — демотическая, сделанная на языке египетского простонародья, и иероглифическая — представляют собой копии того же документа. Ученые стали предпринимать шаги для расшифровки этих иероглифов. Энциклопедист Томас Янг создал специальную методику во время изучения камня из Розетты и предположил, что определенная группа значков в другой двуязычной надписи, привезенной ученым-любителем Бэнксом в 1810 г., означала имя Клеопатра.

По-видимому, это открытие было замечено французским ученым Жаком Франсуа Шампольоном и помогло ему создать известную теорию о том, что иероглифами обозначали не звуки, а символы. В отличие от соперников Шампольон прекрасно смог использовать возможности своего прорыва, зная также коптский язык. Начав с осознания того, что иероглифы являлись средством выразить с помощью рисунков понятия языка, он быстро продвигался вперед. В 1822 г. его знаменитое «*Lettre à M. Dacier*» <Письмо к месье Дасьеру (фр.)> представило миру научную систему расшифровки египетских иероглифов. Феноменальный успех, которого он добился за короткие десять лет до своей ранней смерти, закреплен в работе «*Précis*» (1824), в грамматике и материалах для словаря, которые он оставил для дальнейшей публикации. Почти сразу же началось научное исследование Древнего Египта: впервые со времен Феодосия заговорили египетские письмена. Статуя Мемнона снова обрела голос.

Последователи Шампольона усовершенствовали процесс исследования древнего языка, и сегодня филологи располагают обширным и разнообразным материалом из этой области. Исследования Лепсиуса, Бирча, Годвина, Бругша, Шаба, де Ружа, Масперо, Стерна, Эрмана и других ученых XIX века не только дали богатые плоды в области коптского языка, но и способствовали изучению иератических и демотических надписей. В следующем столетии благодаря работам многих филологов, в особенности Моддера, Гриффита, Гунна и Гардинера, стало возможным прочесть большую часть египетских текстов даже с большей грамматической точностью, чем это смогли бы сделать сами древние авторы даже в случае, если значение написанного нашим современникам не вполне ясно. Больше всего не хватало самих текстов: то, что сохранилось, представляло собой разрозненные отрывки из античной литературы.

Свободный доступ к новым материалам, в особенности относящимся к области литературы, права, науки или истории, был жизненно необходим не только для того, чтобы расширить понимание прошлого, но и для того, чтобы не дать академическому изучению

египетского языка опуститься до уровня лапутянской салонной игры слов.

Поскольку благодаря открытиям Шампольона среди европейских ученых распространилась новая информация об этом языке, стало ясно, что для более точного обследования египетских памятников необходима еще одна экспедиция. В 1828—1829 годах сам Шампольон совместно с Росселини, итальянским египтологом, начал подобный проект, но наиболее знаменательным среди подобных путешествий оказалась прусская экспедиция Рихарда Лепсиуса (1842—1845 годы). В 1859 году обширный материал по надписям из Египта и Судана был опубликован в виде двух огромных томов его работы *«Denkmöler am Aegypten»*, состоявшей только из вкладок. Описания появились позднее, между 1897-м и 1913 годами, в пяти томах. Труд этот по-прежнему является фундаментальным и вряд ли будет когда-либо превзойден, поскольку многие памятники, записи о которых в нем содержатся, уже уничтожены или изуродованы. К сожалению, точность этой книги оставляет желать лучшего. Экспедиционные художники работали на основе заранее сложившихся убеждений и не смогли воспроизвести характер египетских рисунков.

Рис. 1. Оркестр и танцоры: гравюра по рисунку сэра Д. Гарднера Уильямса, изображающему часть росписи гробницы, который в настоящий момент находится в Британском музее

Впрочем, предвзятость и личные симпатии можно обнаружить в работах любых других копиистов — это в особенности относится к Роберту Хэю из Линплума (1799—1863), который вместе с художниками Катервудом, Бономи и Арунделем несколько раз посещал Египет до 1838 года с целью скопировать статуи и начертить планы. К сожалению, бесценные манускрипты Хэя никогда не печатались, кроме как в отрывках. Среди других любителей можно назвать Джона Гарднера Уилкинсона (1797—1875), который в 1821 году поддался магическому воздействию Древнего Нила и следующее десятилетие провел там, занимаясь копированием и раскопками. Большинство результатов его работы воплотились в книге *«Манеры и обычаи»* (1837) с ее причудливыми и интересными гравюрами. Труд этот оказал заметное влияние на процесс популяризации египтологии в среде образованных классов викторианской Британии и представляет определенную ценность. Позднее в том же веке достаточно точное воспроизведение памятников стало одним из самых значительных предприятий появившихся в Европе сообществ египтологов. В особенности стоит упомянуть работы Картера, Блэкмена, Нормана и Нины Дэвис, сделанные для Фонда исследования Египта (позднее общества), заслуживающие высочайшей оценки и установившие новые стандарты. Работа по точному копированию вида памятников все еще ведется (в особенности Восточным институтом в Чикаго), в процессе которой находят применение новейшие методы фотографии и других современных технологий, позволяющих сохранить и публиковать заслуживающие доверия записи. Между тем в этой конкретной области многое еще предстоит сделать.

В середине XX столетия Египет оказался на пороге новой эры. По-видимому, династия албанского искателя приключений Мохаммеда Али прочно занимала престол; двор и правящие классы европеизировались. Множество европейских врачей, инженеров, банкиров, купцов, миссионеров и им подобных стремились поддержать потуги Египта приобрести звание современной державы. Суэцкий канал и железные дороги готовы были сделать путешествие в Египет и по нему быстрее и безопаснее. Египет внезапно очнулся и понял, что его памятники являются ценным «аттракционом» для туристов. Старые консульские покровители и их фавориты практически исчезли; появились новые люди, готовые в поисках знаний исследовать и копать. Такие энтузиасты, как Говард Вайз (1784—1853) и Перринг (1813—1869), сохранили

пирамиды в Гизе, Абу-Раваше, Дахшуре и других местах. Можно упомянуть и Александра Ринда (1833—1863), который, как и Уилкинсон, впервые приехал в Египет для поправки здоровья, а затем остался для изучения и исследования страны.

ДОСТИЖЕНИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ СТО ЛЕТ

В 1854 году произошло событие, которое оказало далеко идущее влияние на процесс повторного открытия прошлого Египта. Молодой чиновник французского Лувра Огюст Мариетт был направлен в Египет для сбора коптских манускриптов, но обнаружил во время визита в Саккару нечто, показавшееся ему полужасыпанными песками памятниками в месте, описанном Страбоном, пренебрег своей миссией и «почти украдкой» начал копать. На завершение этого предприятия у Мариетта ушло четыре года; в результате он открыл древний Серапеум и необыкновенно обогатил Лувр древностями различных периодов. Кроме того, открытие решило его судьбу: в 1858 году хедив Сайд назначил молодого человека хранителем памятников. После этого вся его жизнь была подчинена раскопкам и сохранению древностей Египта на родной земле. Создание и развитие службы древностей, способствовавшей должному проведению археологических изысканий, основание Национального музея для показа и сохранения экспонатов, помощь в исследованиях стали делом жизни Мариетта. Он мужественно выполнял свою миссию, невзирая на многочисленные препятствия: интриги торговцев и чиновников, наживавшихся на нерегулируемой продаже *антиков*, зависть других ученых и переменчивый, предательский характер самого хедива.

Крушения, которые терпел в своей работе Мариетт, подорвали бы здоровье и дух менее сильного человека; можно сказать, что со своей энергией и волей к победе он полностью соответствовал требованиям времени. Нововведения Мариетта касались сферы политики и администрации, но слишком много было попыток, в которых распылялись ресурсы, надзор был слабым, полевые заметки велись плохо, и мало было публикаций. Труды Мариетта нельзя недооценивать, но многое из достигнутого было бы потеряно, если бы его непосредственный преемник (еще один француз) Гастон Масперо не оказался на посту генерального директора в 1881 году. За время долгой и дипломатичной, хотя прерывавшейся время от времени службы Масперо на этом посту закрепились позиции службы древностей, появился достойный уважения музей и начались постоянные публикации результатов. Его знания, деятельный характер и способности одинаково замечательны.

Он был последним из великанов, объединявших почти все разделы египтологии в своем обширном уме и использовавших в своей интерпретации прошлого воображение и интерес.

К 80-м годам XIX столетия усилия таких ученых создали египтологии нового покровителя — образованный средний класс Европы и Америки, который, объединяясь в ученые общества, готовился предложить финансовую поддержку. До тех пор деньги давали только богатые одиночки или американские толстосумы. Много добра в этой области делалось втайне из-за публики, воспитанной в глубоком почтении к классикам и Библии. Таким образом, первичной целью Фонда исследований Египта, основанного в 1882 году, было вести раскопки «с точки зрения разъяснения истории и искусств Древнего Египта и иллюстрирования рассказов Нового Завета, а также исследовать места, связанные с ранней греческой историей». Эти цели честно и полностью выполнялись в ходе ранних экспедиций фонда, который в 1884 г. направил для исследований в Танисе малоизвестного исследователя Уильяма Мэттью Флиндерса Петри (1853—1942), который совершил революцию в технике египетских раскопок. У Петри не было систематического образования, но имелись исключительные природные таланты, которые в течение своей долгой жизни он полностью посвятил занятиям египетской и персидской археологии. Применяя принципы ведения раскопок, изобретенные в Британии генералом Питт-Риверсом, и развивая их, он полностью порвал с традициями старых любителей, заинтересованных в открытии больших зданий, засыпанных песком, или перевозке колоссальных монументов в музеи. Он уделял внимание множеству неучтенных мелочей, которые раньше не замечали или упускали из виду: царапинам на черепках, остаткам сломанных амулетов и колец, осколкам грубой домашней глиняной посуды. Многие тогдашние

нововведения теперь так широко распространены в археологии, что трудно поверить, будто их в свое время считали революционными. Это касается использования расплавленного воска для защиты хрупких объектов; раскопки фундаментов для определения возраста зданий и пропорций, даже если они лежат в руинах; типология таких вещей, как оружие, посуда, каменные сосуды, также в большой степени принадлежит ему. Его основным достижением в египтологии было определение доисторических культур и метод датировки по осколкам глиняной посуды. Кроме того, он открыл много материальных остатков культуры древних династий и привел их в исторический порядок даже в тех местах, где раньше поработали менее умелые археологи. Здесь мы не можем перечислить все важные памятники, которые он открыл и сохранил в ходе своей работы, но из огромного множества можно выделить дощечку фараона Нармера, статуэтку Хеопса из слоновой кости, раскрашенную мостовую из глиняных кирпичей в Амарне и портреты мумий из Файюма. Мы могли бы вспомнить и другие достижения, например обнаружение местонахождения городов Дафне и Навкратиса в болотах Дельты и других обширных полей исследований, которые затем разрабатывали другие. Полстолетия он следовал обычной процедуре: вел раскопки в зимние месяцы, а в летние публиковал результаты. Его публикации представляют собой неистощимый источник информации, даже несмотря на некоторые огрехи, вызванные спешкой.

Все это достигнуто при минимальном финансировании. Он скромно жил в своем лагере, часто сам фотографировал, делал анализы, копировал, рисовал и копал. Немногие из сотрудников могли выдержать его суровый стандарт, теперь вошедший в легенду. Этот человек обучил два поколения рабочих для раскопок и большинство из них пережил, а методы приняли и закрепили другие. У него были критики, но, когда предвзятые мнения исчезнут, окажется, что Петри (как и Мариетт) был человеком, без которого египтология стала бы значительно беднее.

Тем не менее это не значит, что в Египте археологам почти не осталось работы. Верно утверждение, что мы лишь слегка коснулись огромной поверхности. Для того чтобы обеспечить постоянный приток финансирования, нужно было каждый сезон проводить раскопки и обеспечивать видимые результаты; поэтому археологи, зависевшие от частных или государственных фондов, работали в основном в Верхнем Египте, где сухие пески лучше сохраняли экспонаты. Важные, но сложные исторические места Дельты, где раскопки могли не дать эффекта, обычно оставались в небрежении, хотя усилиями местного населения они постоянно разрушаются. Для того чтобы не потерять все, необходимо немедленно провести серьезные работы. Залежи раннего династического периода в Саккаре и Иераконполе тоже требуют систематического изучения. Украденные рельефы фараона Четвертой династии могут быть погребены в разрушенной пирамиде Аменхета I в Лиште, необходимо изучить фундаменты всех зданий в Фивах — этот список можно расширять постоянно. При проведении новых строительных и ирригационных работ в Египте присутствие квалифицированного археолога необходимо, однако в последние годы американские и европейские экспедиции отказались от выполнения своей миссии перед лицом чересчур суровых правил. Но в настоящее время египетское правительство решило стимулировать участие иностранцев в археологических исследованиях на территории Египта и Нубии. Если это решение будет воплощено в жизнь, то продолжение взаимодействия службы древностей и иностранных ученых откроет новую страницу в работе по сохранению прошлого.

Глава 2. ДРЕВНИЕ МЕСТА

В июле Голубой Нил, переполняясь из-за сильных дождей, превращается в огромный мощный поток, сметающий все на своем пути. Яростный поток выходит из своего русла и на тысячи миль разносит плодородный ил. Этому природному обстоятельству Египет обязан своим плодородием и самим существованием, именно оно определило характер его древней цивилизации.

Возле современного Хартума Голубой Нил сливается с Белым, который течет из обширного природного резервуара великих озер Центральной Африки и в летние месяцы дает постоянный приток чистой воды. В сезон дождей третья крупная река Атбара, текущая с Абиссинской равнины, вливает свои воды в Нил двумястами милями ниже Хартума. В другое время она питает множество мелких водоемов, окружающих песчаное русло.

С этих мест и дальше к северу великая река течет широким потоком между холмами нубийского песчаника. Ее путь проходит через жаркие, избитые ветрами места, которые сменяют рифы из черного вулканического камня, отполированные водой до зеркального блеска и образующие пороги, окруженные скалистыми архипелагами. Между Четвертым и Третьим порогом стоит Гебел-Балкар — самый южный предел Египта во времена великих завоеваний Нового царства, когда страна Куш (так в древности называли территорию нынешнего Судана) находилась под властью великой державы и управлялась наместником-египтянином. К северу от него лежат засыпанные песком руины сторожевых постов империи, построенные в этот период в Сесеби, Солебе и Амаре.

У острова Дал Нил входит в узкое, нависающее над его потоком ущелье Батн-эль-Хагар в сто миль длиной, где пенится между скалистыми выступами блестящих гранитов, сланцев и порфиров, которые образуют Второй порог. В его южном конце лежит Семна, граница Египетского государства во времена Среднего царства, где не так давно французский археолог Жан Веркоттер обнаружил дамбу раннего периода, построенную Аменемхетом III около 1800 года до н. э. Развалины фортов-близнецов к западу и востоку поблизости от Семны на каменистых холмах еще видны; к северу оттуда можно найти остатки шести других крепостей, большей частью основанных при Сенусерте III для того, чтобы объединить Верхний Египет и Нижнюю Нубию и создать могущественную провинцию, которую легко можно защитить. Эти укрепления сильно напоминают по назначению форты, выстроенные британцами в Северной Африке в ранний колониальный период и предназначенные не только для того, чтобы держать в повиновении дикие и воинственные племена, населяющие регион, но и для использования в качестве торговых постов, собирающих и передающих по назначению местные товары: слоновую кость, эбеновое дерево, золото, шкуры, страусовые перья, смолы, каучук и минералы. Эти форты по праву можно было считать небольшими городами, где солдаты гарнизона жили вместе со своими семьями. Как минимум, один из них назван по имени правящего фараона, как и английские укрепления называли в честь короля Георга. Их массивные стены из глиняных кирпичей, достигающие толщины тридцати футов, усиленные деревянными балками, сухие рвы, сложные системы укреплений, бойниц, навесных башен и подъемных мостов могут выдержать сравнение со средневековым замком Шато-Гайар. Наиболее уязвимым местом этих построек являлась система водоснабжения, но благодаря находящемуся рядом Нилу ее возможно было содержать в порядке. Гарнизоны постоянно поддерживали между собой связь, то и дело обмениваясь депешами; о начавшихся в одном районе передвижениях немедленно сообщали близлежащим постам. Несмотря на эти предосторожности и мощные укрепления, форты пали, не вынеся штурма, и были уничтожены (в основном с помощью огня) в период анархии, которая последовала за крахом Среднего царства.

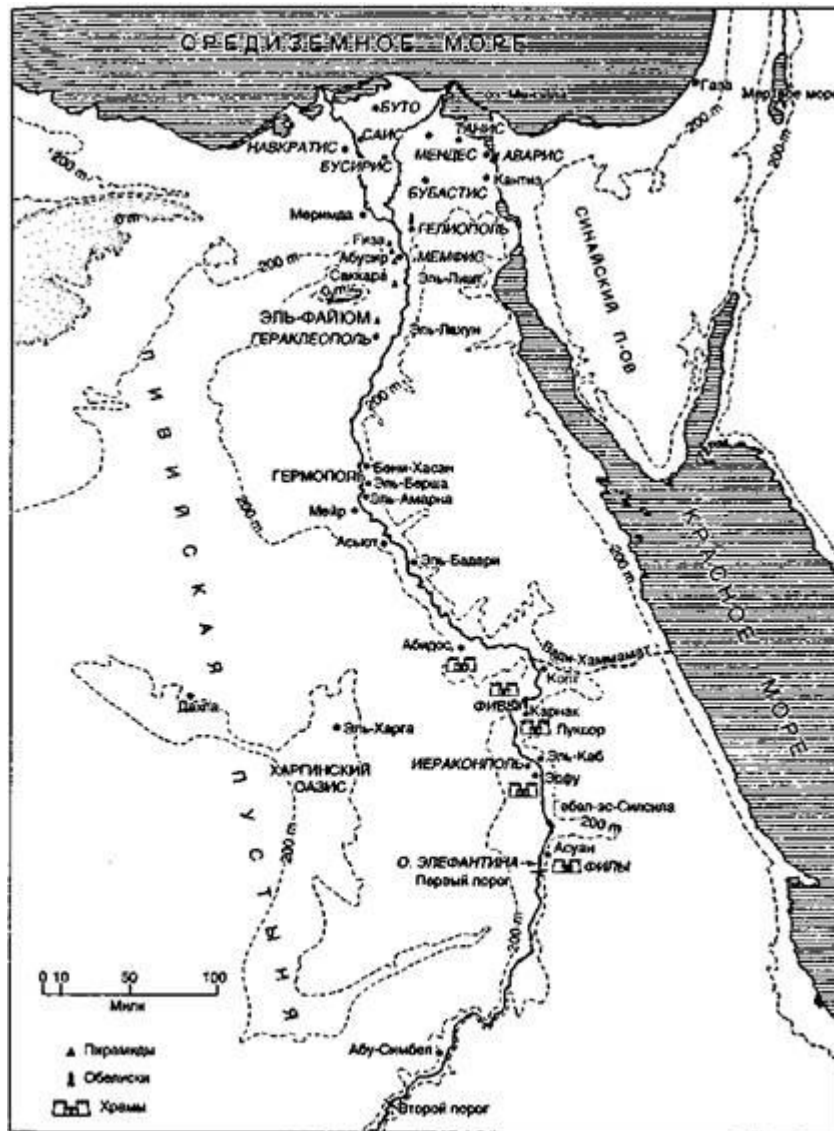

Рис. 2. Приблизительная карта Египта и Нубии с указанием основных исторических мест (греческие названия обозначены большими буквами, современные арабские — маленькими)

В том месте, где Нил покидает Батн-эль-Хагар, гостеприимные, но скучные места оживляют полосы богатых зеленых посевов, в особенности там, где крутые холмы отодвигаются от речных берегов. Здесь, между Вторым и Первым порогом, особенно хорошо видны следы египетского владычества древних времен. Напротив современного Вади-Халфа лежит Бухен, где находился самый большой город-крепость, который обещает дать потрясающие результаты, если его удастся расчистить полностью. Бухен отмечает границу между Кушем и Ваватом — так в древности называли Нижнюю Нубию. К северу оттуда, вдоль берегов реки, там и сям рассеяны руины храмов, построенных фараонами Нового царства, самыми замечательными из которых являются две огромные святыни, высеченные в скале по приказу Рамсеса II близ Абу-Симбела. Огромные статуи самого большого храма все еще улыбаются, когда солнце всходит между двумя холмами, глядящими друг на друга; так было три тысячи лет тому назад и так будет до тех пор, пока они не будут затоплены при постройке дамбы у Асуана. Путь древнеегипетских наместников и других официальных лиц, перемещавшихся от одной правительственной резиденции к другой, отмечают многочисленные храмы, стелы и надписи, вырезанные в скалах и отчасти отображающие события, происходившие в этом регионе.

Рис. 3. Фрагмент депеши, написанной иератическим письмом в крепости недалеко от Абу-Симбела, в которой сообщается об обнаружении следов тридцати двух человек и трех ослов. Приблизительно 1839 г. до н. э. Высота — 4,5 дюйма

Чуть выше Асуана Нил покидает Нижнюю Нубию и, пробив себе проход в заграждении из красных гранитных холмов, которые когда-то его мощь превратила в цепочку островков, входит в Египет у Первого порога, немного дальше Элефантины. Здесь не происходит внезапной перемены; река по-прежнему струится в ущелье меж рыжевато-коричневыми утесами, а раса, язык и культура нубийцев сохраняют свое главенство до самого Гебел-эс-Силсила. Однако в Эдфу, семьдесятю милями дальше к северу, нубийский песчаник уступает место более мягкому нуммулитовому известняку, в котором Нил в древности проточил себе русло. Следующие триста пятьдесят миль он течет между полосами богатой аллювиальной почвы, по обеим сторонам окаймленными бесплодными пустошами. На западе лежит Ливийская пустыня — огромная, выветренная равнина, которую пересекают линии песчаных холмов и впадины, заполненные плодородной почвой (они идут почти параллельно течению Нила).

Эти оазисы снабжают водой подземные колодцы, питаемые Нилом; их обитатели с древнейших времен успешно торгуют с египтянами, поставляя им ароматическое дерево, кукурузу, фрукты, шкуры, а также соль, соду и другие минералы. Ландшафт арабской пустыни к востоку внушает страх: ее ограждают барьером пустынные, бесплодные горы, вздымающиеся на высоту до семисот футов; они расположены между долиной Нила и Красным морем. Они испещрены глубокими сухими руслами, которые могут превратиться в ревущие потоки, когда над пустынными холмами разражается жестокая буря (особенно часто это происходит зимой). В таких случаях дождевая вода собирается в естественных цистернах, и богатая флора пустыни быстро разрастается и покрывает каменистую землю до тех пор, пока ее снова не сожжет

солнце. Кроме того, редкую растительность поддерживают ручейки, также дающие возможность существовать кочевым племенам бедуинов. Эти негостеприимные пустыни почти по всей длине окружают полосу обработанной земли, редко бывающую шире семи миль, на которой расположен Египет; они и защищают его от врагов.

У Эдфу воды Нила струятся мимо древней столицы второго нома (района) Верхнего Египта, где стоит храм бога-солнца Гора, построенный в 257—237 годах до н. э. во времена заката Египта, — это наиболее хорошо сохранившийся памятник Древнего мира. Дюжиной миль к северу, у Ком-эль-Ахмар и Эль-Каб, находятся руины Нехена и Некнеба, возможно образывавшие столицу Верхнего Египта в доисторический период. В последнем месте раскопки велись лишь время от времени, но были найдены важнейшие памятники древности, датирующиеся поздним доисторическим и ранним династическим периодами. Местным божеством Нехена был бог-сокол, в то время как богиней города Нехеба являлась Нехебет, которая со временем стала главным божеством всего Верхнего Египта и часто соседствует со своей соперницей, богиней-коброй Эдجو из Буто и Нижнего Египта. Ста двадцатью милями дальше на север на восточном берегу Нила стоит современный город Луксор, который вместе с примыкающей к нему деревушкой Карнак и другими местечками занимает место, на котором некогда стояли Фивы, южная столица периода высочайшего расцвета Египта во времена Нового царства. Из здешних гробниц и храмов появились многочисленные древности, украшающие коллекции Европы и Америки, а также большое количество документов о прошлом Египта. Теперь возникает опасность, что мы будем воспринимать его историю пристрастно, с точки зрения жителей Фив.

Возле города окаймляющие русло реки холмы уступают место широкой полосе возделанных земель, которые даже сухой справочник Бедекера заставляют выразить своеобразное лирическое одобрение: «Зеленеющие повсюду всходы и пальмы заставляют путешественника, только что покинувшего пустыню, развеселиться; яркие краски придают долине Нила каждое утро и каждый вечер неотразимую прелесть; чистый, не затененный облаками свет солнца омывает каждый предмет даже зимой и делает древние Фивы похожими на волшебную страну, щедро осыпанную дарами вечного процветания». Возможно, то же чувство во времена правления Рамсеса II заставило неизвестного поэта написать серию произведений в честь города и его бога Амона, хотя он чересчур увлекся выбранной темой и высказал не подтвержденные претензии на то, чтобы считать Фивы древнейшим городом мира. Город приобрел свою славу в период Среднего царства, когда местные властители проложили себе дорогу к верховной власти и сделались фараонами, правящими вновь объединенным Египтом. В течение всей истории своего существования Фивы оставались центром сопротивления чуждому правлению с севера. После того как их властители изгнали гиксосов, город приобрел высокий престиж и богатство как основная резиденция правительства. Там фараонам высекали гробницу в скале на западном берегу, а его храм строили поодаль на равнине. Там была найдена в полной неприкосновенности только одна усыпальница, принадлежавшая Тутанхамону; остальные несколько раз подверглись разграблению в древние времена. Их сиятельных обитателей несколько раз поспешно переносили из одного укрытия в другое, пока большинство не нашло более долговечное, хотя и недостойное прибежище в двух массовых захоронениях. Их придворные, заполонившие своими гробницами близлежащие холмы, испытали не лучшую судьбу, но расписанные стены их усыпальниц сохранили для нас имена и много живописных сцен из жизни того времени.

Разумеется, возвышение Фив усилило влияние и богатство бога Амона, чей храм в Карнаке стал подобием национальной святыни, к которой фараоны последующих времен добавляли пристройки и для процветания которой не скупилась на жертвоприношения. Короткое, но запомнившееся правление так называемого фараона-еретика Эхнатона в конце Восемнадцатой династии, переместившего столицу Египта в Амарну, нанесло жестокий удар по могуществу Фив и их бога-покровителя, от которого они со временем оправались, но так и не вернули себе целиком ушедшее величие. После этого город перестал быть резиденцией фараонов, хотя до окончания Нового царства традиция хоронить их в этих местах ревностно соблюдалась. Постепенно Фивы стали священным городом Амона, который сперва правил окрестностями через своего верховного жреца, а позднее через дочь фараона и ее управителя.

Закат города был долгим и кровавым. В VII веке до н. э. его разграбили ассирийцы. Через полтора столетия на Фивы напали персы во главе с Камбисом. При Птолемах его влияние почти исчезло, а затем частично было возвращено после восстания против Птолемея V. При Птолемеях X город опять восстал и был захвачен после длительной осады, нанесшей ему огромный ущерб. Невзирая на свою несчастную судьбу, Фивы противостояли жестокому правлению римлян в 30 году до н. э. и за это были почти опустошены. Теперь от «стовратных Фив», описанных Гомером, осталась только дюжина сильно поврежденных пилонов среди развалин храма.

В нескольких сотнях миль к северу от Фив по течению Нила находится Абидос, следующая достопримечательность древности, лежащая поблизости от современной деревни Эль-Араба. Абидос был основан очень давно: еще правящие семьи Первой династии и их последователи строили здесь свои гробницы и кенотафы. Изначально местным божеством было черное богоподобное существо, известное как «глава обитателей Запада» (то есть царства мертвых); однако к концу Древнего царства произошло его слияние с другим, более сильным богом смерти Осирисом, который, возможно, был обожествленным доисторическим вождем, почитатели которого расселились из города Бусириса в Дельте по некоторым частям Египта. Слава Абидоса в качестве главного центра культа быстро росла благодаря тому, что в нем хранилась голова расчлененного бога. Египетские собиратели древностей Восемнадцатой династии, искавшие здесь реальные доказательства правдивости древних мифов, ошибочно приняли кенотаф фараона Джера из Первой династии за гробницу бога и поэтому направили туда вереницы набожных паломников, столетие за столетием жаждавших поклониться святыне. Это паломничество в священный город Абидос стало важнейшей из погребальных церемоний. Те, кто не имел возможности построить себе усыпальницу близ гробницы Осириса, приказывали на лодках отправлять туда свои мумии перед захоронением, чтобы так принять участие в водной феерии, составлявшей часть мистерий Осириса; в другом случае эти люди могли совершить путешествие по доверенности. Другие почитатели бога довольствовались мемориальными досками или статуэтками, которые устанавливали в окрестностях храма Осириса. Кроме этих частных символов, в Абидосе были воздвигнуты кенотафы нескольких фараонов. Наиболее знаменитым из них является выстроенный Сети I подземный комплекс под естественной возвышенностью.

С ним связан величественный погребальный храм, созданный из хорошего плотного известняка, который позволил создававшим рельефы скульпторам в полной мере выразить себя, создав тонкое и технически блестящее произведение. Однако его совершенство вызывает ощущение бессмыслицы из-за того, что рельефы изображают повторяющиеся религиозные церемонии. Сети I, один из самых набожных фараонов, правивших Египтом, поощрял восстановление древних верований после исчезновения нововведений Эхнатона. Он целиком связал с образом Осириса в храме множество обожествленных предков, начиная с Мины — первого фараона. Не последней по значимости особенностью этих рельефов является знаменитый список Абидоса, в котором перечислены семьдесят шесть предшественников Сети, которых он считал важными и законными правителями. Фараон был так увлечен своим великим предприятием, что построил в городе дворец, из которого мог следить за ходом работы.

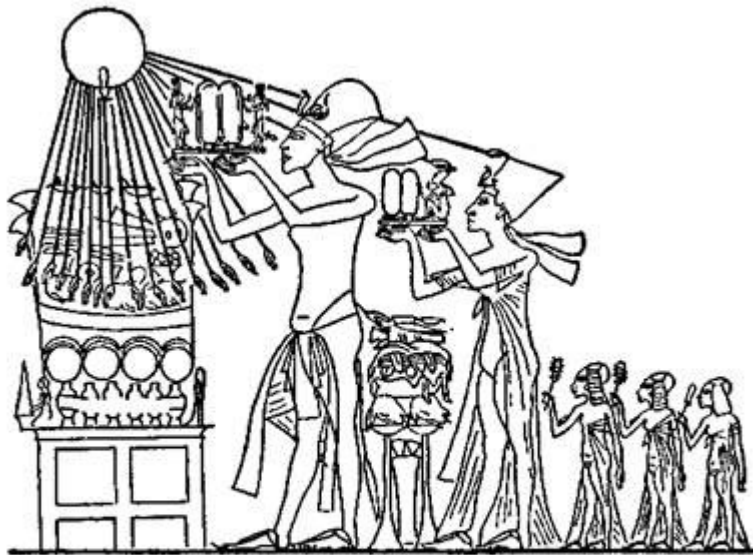

Рис. 4. Фараон Эхнатон, царица Нефертити и три их дочери, подносящие флаконы для благовоний сложной формы изображению Атона в виде солнечного диска с лучами, заканчивающимися человеческими ладонями; это часть рельефа в гробнице Апи в Амарне. Приблизительно 1362 г. до н. э. Масштаб 1:15

Ничто не может служить более яркой противоположностью этой твердыне ортодоксальности, чем следующий великий памятник, находящийся в сотне миль ниже по течению — современный Тель-эль-Амарна, древняя столица ереси. В этом месте окружающие берег утесы отходят назад, создавая большой амфитеатр восемь миль длиной. Здесь разыгралась одна из самых впечатляющих драм Древнего мира, когда юный фараон Эхнатон по вдохновению избрал это место для своего «горизонта Атона» — столицы, посвященной новому единому богу. Четырнадцать огромных, высеченных в скалах стел до сих пор отмечают его границы, а наполовину завершенные гробницы на восточных утесах и пустая гробница фараона в долине рядом все еще позволяют увидеть отблеск угасшего света. Благодаря этим рельефам и надписям сформировались многие из наших представлений о событиях тех далеких времен кризиса и нововведений, о семейной жизни фараона, публичных церемониях вступления в должность, приеме иностранных послов, щедрых жертвах Атону, гимнах и литургиях новой веры. Погребенные под землей свидетельства говорят не менее громко. Амарна — рай для археолога, где на девственной почве была построена, населена и покинута огромная столица, — все это произошло в течение двух десятилетий. Прошлое в Амарне сохранилось до такой степени, что мы и сейчас можем на поверхности песка в вечерних отсветах разглядеть дорожку, которую протоптал во время ежедневного перехода между домом и храмом Пенхазы верховный жрец Атона. В процессе раскопок ученые много узнали о планировке города и архитектуре домов Древнего Египта. В Амарне были сделаны два наиболее эффектных открытия на земле, которая и без того богата сенсационными находками. Одно из них произошло при работе немецкой экспедиции в 1911 — 1912 годах: археологи обнаружили развалины студии скульптора с множеством статуй, гипсовых слепков, портретных головок, включая знаменитый бюст супруги фараона, давший нам новый взгляд на египетское искусство и технику изготовления произведений. Более раннее открытие было сделано в 1888 году, когда пожилая женщина неожиданно извлекла на свет из земли забытые архивы аналога министерства иностранных дел в виде трех сотен глиняных табличек, по большей части заполненных аккадской клинописью — международным языком дипломатов тех времен. Эти таблички, заметно пострадавшие за время, когда переходили от одного перекупщика к другому, оказались копиями переписки между египетским двором и правящими домами Ассирии, Вавилонии, Анатолии и Кипра. Однако основная часть этих записей касается взаимоотношений между фараоном и его вассальными городами-государствами Палестины и Сирии. При исследовании этих, к сожалению, поврежденных кусков засохшей глины глазам археологов открылась невероятно живая и неожиданная картина. Мы видим мир образованных людей 2-го тысячелетия до н. э.: привилегированных чиновников, дипломатических курьеров, послов и чрезвычайных послов, путешествовавших от одного дворца к другому с документами, согласно

которым заключались брачные союзы, велась торговля, поступали запросы о выдаче преступников, обсуждались дипломатические альянсы, выражались протесты, высказывались требования, предупреждения и просьбы о помощи. Здесь была вся сложная система международных взаимоотношений со своим протоколом, который мало чем отличается от дипломатических протоколов современной Европы. Чувствуется, что и за ней стоят долгие века постепенного развития.

Рис. 5. Письмо из музея Метрополитен, Нью-Йорк, написанное ассирийским правителем фараону с предложением установить дипломатические отношения и примечанием, что к письму прилагается подарок в виде колесницы с лошадьми. Приблизительно 1350 г. до н. э. Высота $3\frac{1}{4}$ дюйма

На холмах, окружающих Амарну, находится множество известковых карьеров, из которых более всего известен кальцитовый карьер Хат-Нуб, который египтяне называли «золотым». Здесь осталось множество надписей, нацарапанных или выбитых на стенах теми, кто добывал известняк, начиная со времен Древнего царства и позже. Они представляют собой ценные свидетельства о жизни более широких слоев населения Египта, чем мы можем узнать в галереях, разглядывая забытые произведения искусства.

Рис. 6. Разрушенная пирамида Сенусерта I в Лакхуне. Центральная часть — обнаженная скальная порода, поверх которой была сделана надстройка из глиняных кирпичей высотой около 160 футов, укреплена каменными стенами и внешней кладкой из известняка, позднее снятой рабочими Рамсеса II. Под мусором на высоте одного фута был обнаружен вход и гробница дочери фараона, Ситхаторюнет (фото 27). Приблизительно 1880 г. до н. э.

На западном берегу Нила напротив Амарны стоит Хмун — древний Гермополь, центр культа бога Тота, изображаемого с головой ибиса. Он считался покровителем письма и учения, которого греки отождествляли с Гермесом. Рамсес II воздвиг здесь храм, в основном выстроенный из камня, привезенного из Амарны. Его недавно открыли археологи. В прошлом это было знаменательное место, а во времена Среднего царства даже стало столицей района, чьи могущественные правители упокоились в скальных гробницах Дейр-эль-Берша на другом берегу реки. Статую одного из них нашли даже в Мегиддо (Сирия). Следуя дальше на север по течению Нила, мы все глубже погружаемся в прошлое по мере того, как памятники Верхнего Египта, преимущественно созданные во времена Нового царства, уступают место центрам Нижнего Египта, относящимся к Среднему и Древнему царствам. Район вокруг Гермополя во времена первого промежуточного периода и раннего Среднего царства был полон процветающих провинциальных городков до тех пор, пока Сенусерт не положил конец претензиям местных феодальных властителей. В Дейр-Рифе, Асилте и Мейре к югу и Бени-Хазан к северу находятся важные скальные гробницы и кладбища данного периода, сильно пополнившие наши знания о культуре и политике Среднего царства. Но район, который ближе всего связан с этим временем, лежит ниже по течению в низине Файюм, которая

является самым восточным оазисом на Ливийском плоскогорье и лежит в нескольких милях к западу от Нила. Землю Файюма и расположенное там озеро Биркет-Курун питает древний канал, входящий в низину через промежуток в цепи ливийских холмов возле Эль-Лахун. Он снабжает водой все окрестности. С давних пор Файюм славился своим исключительным плодородием и приятным климатом, винами, оливками, пшеницей и бобами. Именно здесь нашли самое раннее доисторическое поселение Египта. Отважные правители Двенадцатой династии в 1790 году до н. э. помогли его процветанию, усовершенствовав систему ирригации на границе между Верхним и Нижним Египтом. У Эль-Лахун, Дахшура и Хавары на краю пустыни они воздвигали свои пирамиды из камня, которым с трудом удалось устоять под влиянием времени. Здесь удалось найти сокровища, принадлежавшие супругам фараонов Двенадцатой династии, и теперь мы можем оценить вкус и технические умения придворных ювелиров того времени. Во времена римлян Файюм пережил второй период исключительного процветания; в гробницах и погребениях сохранилось множество классических текстов всех видов, переписанных на папирусе, которые в предыдущем столетии вызвали настоящий переворот в изучении классического периода — но это уже другая история.

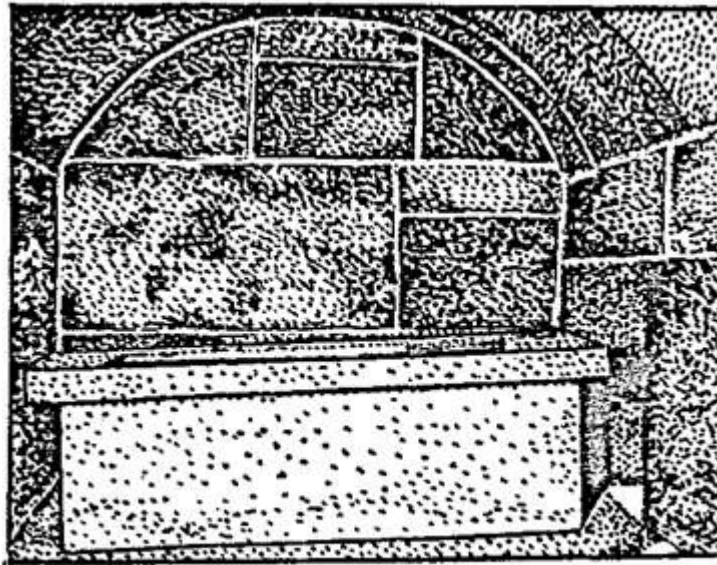

Рис. 7. Выложенная гранитом погребальная комната в пирамиде Сенусерта II с пустым гранитным саркофагом фараона 9 футов длиной

Эти разрушенные пирамиды Среднего царства образуют южную часть цепочки таких сооружений, идущих по западному берегу Нила и отмечающих местоположение резиденций правителей Древнего царства на всем пути в Каир и дальше на север до самого Абу-Раваша. В Медуме, находящемся к югу от Дахшура, как и в самом Дахшуре, находятся несколько самых ранних пирамид, которые стоят возле рассыпающихся останков памятников Двенадцатой династии. Вокруг каждой из них теснятся гробницы придворных и чиновников того времени. Каменные стены храмов и комнат для приношений неизменно украшены барельефами и расписаны сценами, являющимися основным источником наших знаний о повседневной жизни, погребальных ритуалах и верованиях «века пирамид». Отдельная комната, называемая *сердаб*, обычно запечатана, но соединяется с храмом глазком. Здесь хранились статуи владельца и его семьи, обычно сделанные из дерева или песчаника, очень редко — из гранита. Статуи из некоторых гробниц представляют собой настоящие произведения искусства того времени, хотя на данный момент их состояние заметно ухудшилось. Большая часть этих памятников погребена глубоко в песках Саккары, где фараоны Третьей, Пятой и Шестой династий строили свои погребальные монументы. Другие находятся в Дахшуре, некоторые в Гизе поблизости от самых знаменитых древних захоронений — трех каменных пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина из Четвертой династии.

Эти кладбища находились поблизости от северной столицы Мемфиса, от которой, кроме них, практически ничего не осталось. Некогда это был главный город Египта, огромная метрополия, чьи «Белые Стены», по преданию, воздвиг первый фараон Мина на орошаемых землях, где граничат Верхний и Нижний Египет. В течение всей его истории это был великий

религиозный и административный центр. Здесь же концентрировалась торговля, благодаря чему в Мемфисе процветали все виды ремесел от кораблестроения до кузнечного дела; им покровительствовал бог города мастер Птах, чей верховный жрец гордо нес титул «величайшего из ремесленников».

Рис. 8. Приблизительная карта местоположения основных пирамид Древнего и Нового царств

Даже во времена римлян Мемфис процветал по-прежнему; его упадок и разрушение начались с приходом завоевателей-арабов, которые разбирали его каменные здания для того, чтобы в десяти милях к северу на противоположном берегу Нила выстроить свою столицу Каир. Современная деревня Мит-Рахина стоит на том месте, где располагался храм Птаха. Рядом с ее пальмовыми рощами столетиями покоятся, олицетворяя павшее величие, колоссальные статуи, которые воздвиг Рамсес II. Впрочем, недавно за железнодорожной станцией в Каире (памятником нового времени) нашли более мелкие образцы из красного гранита: исполненные по обету статуи и другие монументы из храма недавно увидели свет в результате эпизодических раскопок. Но большая часть Мемфиса лежит под слоем принесенного рекой ила и никогда систематически не исследовалась. Наши знания о Древнем Египте не будут полными до того момента, когда древнюю столицу откроют полностью.

Рис. 9. Фрагмент кувшина с ярлыком из музея Метрополитен, Нью-Йорк. На ярлыке обозначена дата — 38 г. правления Аменхотеса III. Взято из развалин его дворца в Фивах. Приблизительно 1360 г. до н. э. Высота — 9 3/4 дюйма

В древности несколькими милями ниже Мемфиса Нил разделялся на несколько рукавов, растекаясь по широкой полосе аллювиальной почвы Дельты и затем вливаясь в море. Это всегда был в высшей степени плодородный район, а во времена античности его с востока и запада окружали широкие луга, на которых паслись козы, овцы и другой скот. Отличные пастбища давали молоко и мед; богатые египтяне отправляли туда на откорм свою скотину. Вдоль «Западной реки» (предположительно, канопской ветви Нила) тянулись богатые поместья, из которых фараоны получали свои лучшие вина. Ярлыки, которые в то время рисовали чернилами на самих сосудах, содержат год изготовления вина, имя винодела и качество вина. Это позволяет предположить, что у фараонов или их управляющих был весьма изысканный вкус. На этой богатой равнине среди потоков стояли знаменитые города Нижнего

Египта: Гелиополь, Бубастис, Саис, Буто, Мендес и Танис.

Гелиополь, библейский Он, был центром культа Солнца. Его храм был самым крупным на всей территории Египта, не считая Фив, а высшие жрецы традиционно считались мудрейшими людьми Египта даже в поздний период, когда интеллектуализм и почитание Солнца переживали упадок. Объектом поклонения был *Бенбен* — кусок камня пирамидальной формы, обычно находившийся на высоком подиуме и образовавший вместе с ним обелиск; такие монументы, воздвигнутые Сенусертом I, еще стоят среди полей в отдалении, отмечая место, где был великий храм. Пара таких обелисков, выстроенных более поздним фараоном, Тутмосом III, в настоящий момент украшает Лондон и Нью-Йорк под неуместным названием «игл Клеопатры».

Дальше к северу лежат развалины Бубастиса. Это древний город, восходящий к временам правления фараона Хеопса, а может быть, и более раннему периоду. Он на короткое время приобрел известность при фараонах Двадцать второй династии, сделавших Бубастис своей резиденцией и расширивших храм, где проводились веселые праздники в честь богини-покровительницы города. Паломничества на лодках с пением флейт и звоном кастаньет прекрасно описал Геродот, которого также сильно потрясло количество выпиваемого во время праздника вина.

К северо-востоку от Бубастиса, у берегов озера Мензала, находятся руины Таниса, библейского Зоана, который исследовал и Мариетт, Петри и недавно французский египтолог Пьер Монте. Местоположение храма отмечают разбросанные там архитравы, колонны и фрагменты статуй. В основном он был создан при Рамсесе II и украшен памятниками, незаконно взятыми у его предшественников и перевезенными сюда из других храмов Дельты. Во времена позднего Нового царства Танис был процветающим центром торговли с Левантом, а при правлении фараонов Двадцать первой династии стал резиденцией правителей. Непосредственно перед войной Монте сделал блестящее открытие: в развалинах храма он обнаружил группу гробниц с останками шести фараонов этого периода и их родственников. Все погребения некогда были разграблены и заново восстановлены, но, несмотря на некоторые повреждения, Монте смог получить очень богатую коллекцию погребальных принадлежностей, включая множество золотых и серебряных изделий. Он пролил свет на новые области искусства, верований и ресурсов века, когда жил и Соломон во всей его славе. Танис находился недалеко от великой крепости Тьель, последнего сторожевого поста на северо-восточной границе, и всегда был подвержен азиатскому влиянию. Поблизости от него находился Аварис, укрепленный лагерь, выстроенный гиксосами для устрашения египтян (по свидетельству Манефона); существуют ученые, которые отождествляют его с Танисом. Неподалеку находился Пер-Рамсес — огромный город и хранилище сокровищ, резиденция фараонов, основанная правителем Девятнадцатой династии. Поэт того времени описывает ее как «украшенную балконами и сияющими холмами ляпис-лазури и бирюзы; место, откуда командуют воинами на боевых колесницах и где собирается пехота; где встают на якорь военные корабли, когда привозят дань». Рассыпающиеся развалины домов из глиняных кирпичей и дворец Квантира — вот все, что осталось от славы города, за исключением огромного количества синей и многоцветной фаянсовой черепицы в разных коллекциях с тех холмов, о которых упоминал поэт.

От Саиса, богатой резиденции могущественного фараона Двадцать шестой династии, остались только развалины возле современного Са-эль-Хагара. Геродот посетил этот город в период расцвета и описал замечательный храм местной богини Нейт с гигантскими монолитными усыпальницами и обелисками и его священные озера. Кроме того, он говорит о гробницах фараонов в храмах, соответствующих более ранним склепам в Танисе. Теперь из этого не сохранилось ничего.

Буто также служил доисторической столицей Нижнего Египта; от него осталось лишь несколько насыпей возле Тель-эль-Фарейна в пятнадцати милях к северу; однако во времена Геродота это был цветущий город со знаменитым оракулом в храме Эджо, которому покровительствовала богиня-кобра, считавшаяся тогда гением всего Нижнего Египта. С верхушки пилона храма, наверное, можно было бы разглядеть к северу за равнинами то, что наши египетские гиды называли бы Великим Зеленым, а мы называем Средиземным морем.

Глава 3. ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Внутри границ Древнего Египта можно было обнаружить достаточное количество ресурсов. Если разлив Нила оказывался не чересчур сильным, но и не чересчур слабым, невероятно богатая почва давала четыре урожая в год: пшеница и ячмень, фиги, виноград и финики, дыни, огурцы, лук (обычный и лук-порей), латук, редис, горох и бобы. Вино делали из винограда или получали методом ферментации из фиников и пальмового сока. Пиво, напоминающее современный нубийский напиток боуза, в больших хозяйствах изготавливали ежедневно. Растительные масла, которые использовали в приготовлении пищи, для освещения, в косметических и медицинских целях, в основном получали из местных плодов. Оливы появились в Египте сравнительно поздно и никогда не были важным источником масла. В Дельте и неосушенных районах Верхнего Египта разводили папирус, который использовали целиком, начиная с корней, пригодных для еды, и заканчивая стеблем, из которого делали корабельный такелаж. Из льна с огромных полей изготавливали полотно самого разного качества, от самого тонкого для лучших одеяний до грубой мешковины. Корзины и циновки египтяне плели из трав, тростника и листьев финиковой пальмы.

В стране содержали большое поголовье скота. Обычно основным церемониальным приношением богам служила говядина — голова, ноги, ребра и потроха. Египтяне также содержали огромные стада овец, свиней и коз. Хотя свидетельств того, что поедание их мяса имело ритуальное значение, в развалинах дворца Аменхотепа III в Фивах нашли таблички с кувшинов, содержащих козлий жир. Определенные предметы одежды, например накидки, изготавливали из шерсти овец и коз с древнейших времен, хотя они, очевидно, считались нечистыми с точки зрения религиозных церемоний и не встречаются в ранних погребениях.

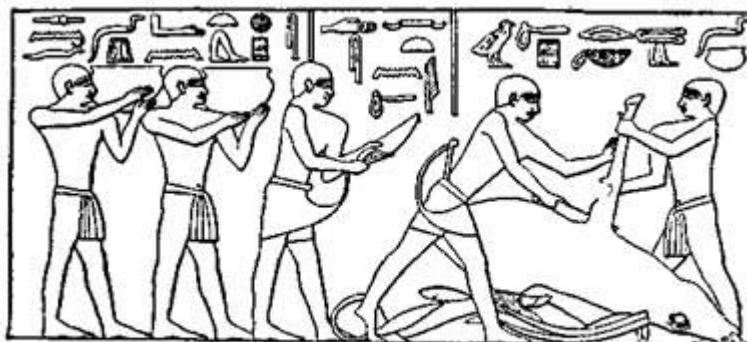

Рис. 10. Мясники, режущие священного вола, — с рельефа на гробнице Ти в Сахаре. Приблизительно 2380 г. до н. э. Масштаб 1:6

Пергамент, козлиную кожу и шкуры дубили и красили для множества целей, начиная от изготовления материала для письма и обивки мебели и заканчивая конской упряжью и обувью.

Молоко было важным продуктом производства; на фермах из него изготавливали масло и сыр (правда, доказательства этого немногочисленны). Поля, на которых скотина откармливалась до такой степени, что ноги отказывались держать разжиревшие тела, давали и мед, который до недавних времен в Европе использовали в качестве основного источника сахара. Для того чтобы подслащивать кушанья, египтяне употребляли и плоды рожкового дерева.

Нил и его бассейны изобиловали рыбой, а на озерах водилась водоплавающая птица. Соль и природная кристаллическая сода для сохранения рыбы и мяса всегда были под рукой; впрочем, продукты можно было и просто вялить на солнце.

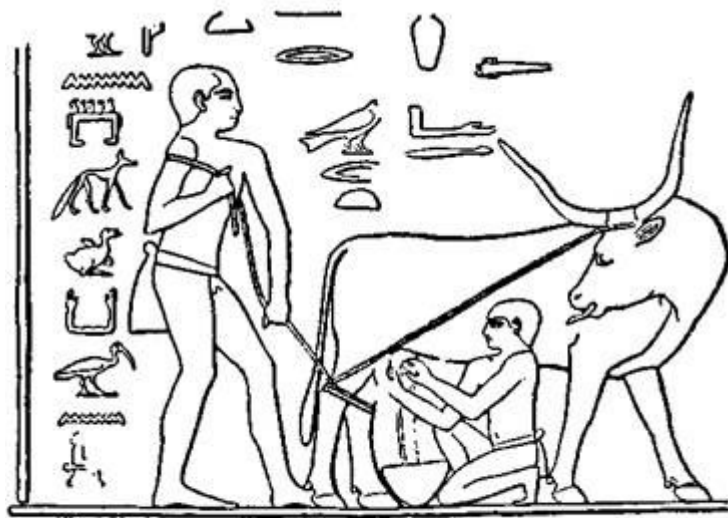

Рис. 11. Сцена доения с рельефа из гробницы в Саккаре.
Приблизительно 2330 г. до н. э. Масштаб 1:6

Египетские животноводы поначалу пытались одомашнить таких животных, как гиены, газели и журавли, но ко времени Древнего царства сдались и прекратили оказавшиеся бесплодными усилия. Однако с самых давних времен они разводили гусей, снабжавших своих хозяев яйцами, мясом и жиром.

Котов, гусей, обезьян и собак часто держали в качестве домашних любимцев. Начиная со времен правления Первой династии рядом с захоронениями хозяев можно встретить гробницы их любимых собак. Не считая декоративных собачек, наподобие такс, египтяне держали породу, использовавшуюся для охоты. На границах обработанных земель всегда можно было выследить и подстрелить льва, дикий скот, сернобыка, альпийского козла, зайца или страуса. К историческому времени гиппопотамы уже стали достаточно редкими животными и потеряли свою значимость в качестве источника пропитания, но на них по-прежнему иногда охотились из спортивного интереса. Уже в доисторический период слон считался в Египте вымершим, но его ценные клыки по-прежнему привозили из Судана, где слоны водились во множестве. Единственным вьючным животным был осел, а для пахоты иногда использовали коров. Лошадей в Египте не было до конца Среднего царства, да и после этого их использовали только для передвижения в легких колесницах. До классического периода египтяне не были знакомы с верблюдами. Для полного процветания стране не хватало одного: хорошей древесины для строительства, которую приходилось импортировать из Ливана, — этот вид торговли восходит ко времени строительства первых морских судов. Местная древесина (основную часть составляли акация и сикомор) была чересчур сучковатой и не отличалась упругостью; ее использовали только для изготовления простой домашней мебели, ящиков и гробов, которые для улучшения внешнего вида часто украшали вставками из слоновой кости, эбенового дерева и других ценных пород древесины. С давних пор египтяне артистически умели использовать тростник и камыш для изготовления плетеных изделий: столиков, подставок, стульев и коробов. Что касается строительства, то превосходный материал всегда был под рукой: при смешивании нильского ила с соломой получался очень пластичный состав, из которого готовили кирпичи, подсушивая их на солнце. Эту древнюю технологию используют и по сей день: современные археологи строили жилые помещения для экспедиции из остатков древних кирпичей, при нехватке на месте изготавливая новые. Строительным раствором и штукатуркой служила та же полужидкая смесь грязи и соломы. В зданиях, выстроенных из такого кирпича, прохладно летом и тепло зимой; поскольку дождь в Египте редкость, они успешно противостоят капризам погоды. Все жилые здания в Египте, от простой лачуги крестьянина до побеленных и расписанных дворцов фараона, строились таким образом. Обновить поврежденный пол или стены было самым простым делом: достаточно было изготовить нужное количество кирпичей из материала, в котором никогда не было недостатка.

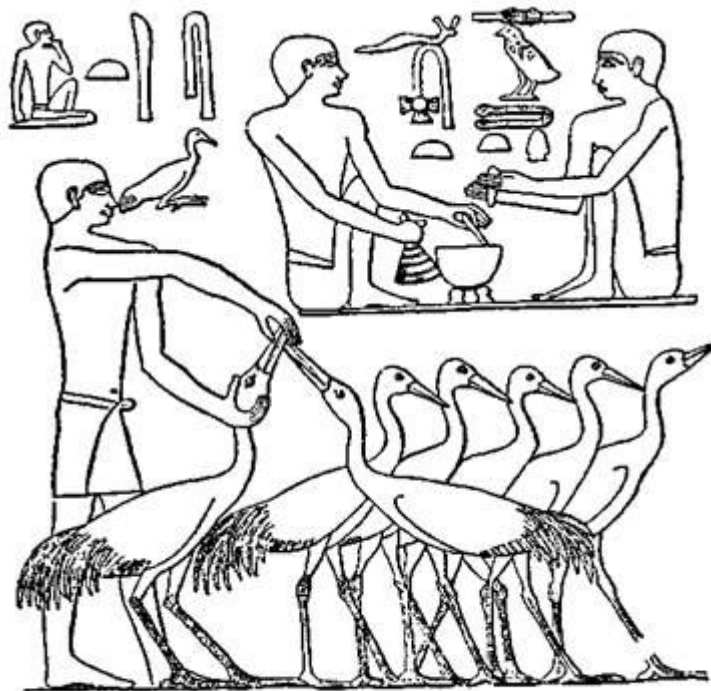

Рис. 12. Откорм журавлей специально приготовленными шариками пищи — с рельефа в гробнице Ти в Саккаре. Приблизительно 2380 г. до н. э. Масштаб 1:6

Но практически с самого начала египтяне стремились строить «вечные жилища» для богов из более прочного материала. Для этого использовался камень, которого тоже хватало: в Верхнем и Среднем Египте это был известняк из Нижней Нубии, который было легче всего по слоям разбивать на блоки. В дополнение к этому применяли твердые, неподатливые породы: граниты, базальты, кварциты, которые часто добывали в отдаленных районах (например, в Вади-Хаммамат или в Нубийской пустыне).

Рис. 13. Собака под креслом хозяина, с росписи гробницы № 21 в Фивах. Приблизительно 1480 г. до н. э. Масштаб 1:10

Большую часть своей истории Египет прожил в бронзовом веке (или, скорее, в медном, поскольку бронза вошла в широкое употребление не ранее Нового царства). Медную руду добывали в Синае и в некоторых местах Аравийской пустыни; позднее медные слитки импортировали из Сирии и с Кипра. Богатые источники этого жизненно необходимого металла можно было найти и внутри страны. В области обработки железа египтяне сильно отставали от других народов Ближнего Востока. Они не принимали участия в раннем периоде развития железного дела и позднее с трудом поспевали за своими соседями. Но Египту принадлежали невероятно богатые золотоносные земли в Аравийской пустыне, Нубии и Нижнем Судане; все они активно использовались со времен античности. В естественных условиях находили этот металл в вариациях от чистого золота до белого золота, которое египтяне считали серебром (это еще более редкий материал, чем желтое золото).

Золото принесло авторитет Египту в мире, который признавал «золотой стандарт» при международной торговле. У других народов Ближнего Востока бытовала поговорка, что египтяне не видят разницы между золотом и грязью.

Эти природные ресурсы и некоторые из местных производств, например ткацкое дело, изготовление папирусов и тонкие столярные работы, сделали страну богатой и могущественной, позволили ей играть лидирующую роль в период расцвета. Должно быть, израильтяне в пустыне горько сожалели о потере египетских богатств, которыми могли наслаждаться хотя бы в качестве подчиненного народа.

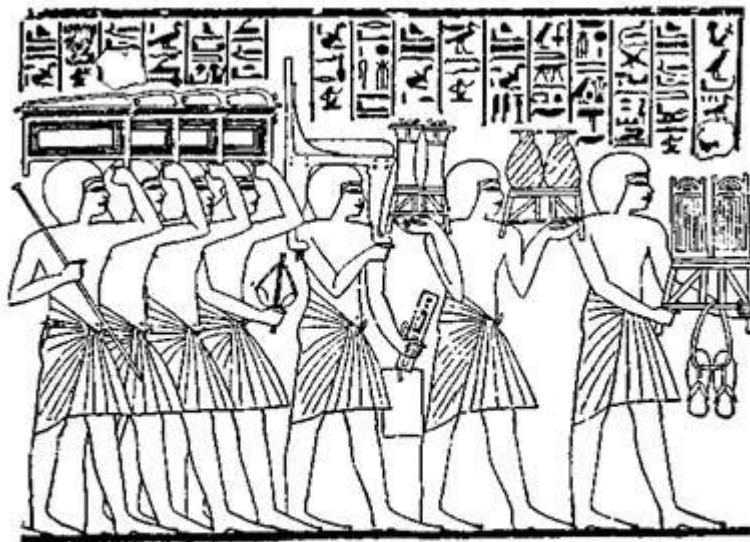

Рис. 14. Слуги советника Рамоса, несущие стойки для спешной работы и деревянные ящики в его погребальной процессии. Фрагмент росписи с гробницы № 55 в Фивах. Приблизительно 1368 г. до н. э. Масштаб 1:10

Если проследить путь Нила через египетские земли в наше время, нельзя не отметить определенные различия между обитателями речных берегов, возникающие при продвижении на север. Жители Верхнего Египта отличаются более темной кожей и тонким телосложением от своих менее подвижных соседей с севера и говорят на другом диалекте. Это было ясно даже в древнейшие времена, когда все безоговорочно признавали, что уроженец Элефантины будет плохо чувствовать себя в Дельте. Выглянув за пределы небольшого окультуренного участка земли подле Нила, обитатель Верхнего Египта видел враждебную человеку пустыню, окружающую его со всех сторон, и знал, что только тяжелым трудом можно удержать наступление красных песков. По большому счету работа по орошению и расширению границ плодородной черной почвы не имела успеха, поэтому обитатели Верхнего Египта рано поняли необходимость объединиться с ближайшими соседями. Река, текущая широким потоком по всему региону, способствовала процессу установления связей, давая простые и надежные средства коммуникации.

Нижний Египет представлял собой широкое пространство, на котором потоки, ручьи и ручейки разделяли большие пастбища. Средиземноморский климат был более влажным и комфортным, чем сухой южный. Нил, объединивший Верхний Египет, в то же время разделил Нижний, разлившись на двенадцать основных рукавов, отметив границы дюжины отдельных районов, в каждом из которых имелся большой город и правительство. Если жители Верхнего Египта могли смотреть только на своих богатых северных соседей, Нижний Египет граничил с морем, откуда приходили люди и идеи с Восточного Средиземноморья. В начальный период этот район считался более культурным, чем сельскохозяйственный юг. В исторические времена, в особенности в Древнем царстве и позднем периоде, установилось его превосходство в качестве центра искусств и ремесел, привлекающего из близких и далеких мест умелых рабочих и ученых писцов. Тем не менее, он всегда отставал от южного соседа вследствие неоднородности политического уклада.

Противостояние между Верхним и Нижним Египтом признавали сами египтяне, которые смотрели на свой мир как на арену противостояния двух равных по силе соперников. Такое отношение усиливало имевшиеся контрасты, поскольку, несмотря на заметные различия, обе части государства были похожи. У них было одно и то же население из хамитов, однородное на юге и с некоторой примесью средиземноморской крови на севере, говорящее на одном языке и обладающее одинаковой материальной культурой и взглядами на духовные материи.

Доисторические египтяне принадлежали к средиземноморской расе; это были худощавые люди с длинными головами и овальными лицами. Волосы на голове у них были темными и волнистыми, но на теле росли мало. Предполагается, что они говорили на хамитском языке, похожем на наречие берберов Ливии или сомали Восточной Африки. Будучи сначала охотниками и скотоводами-кочевниками, они, подчиняясь обстоятельствам, осели в долине

Нила и начали обрабатывать землю. В ранний период эта основная раса изменилась из-за примеси крови широкоголовых переселенцев из Палестины смешанного анатолийского и семитского происхождения. Так возникли исторические египтяне: среднего телосложения, с массивными черепами и крепкой костью, с толстыми запястьями и лодыжками. Женщины в основном были меньше ростом и тоньше мужчин; как и современные крестьянки, на которых они очень похожи, редко толстели. В течение всего исторического периода с севера проникали люди арменоидной крови, благодаря которым сложился расовый тип, включающий в себя тяжелых, мускулистых северян и худощавых, обожженных солнцем жителей Верхнего Египта.

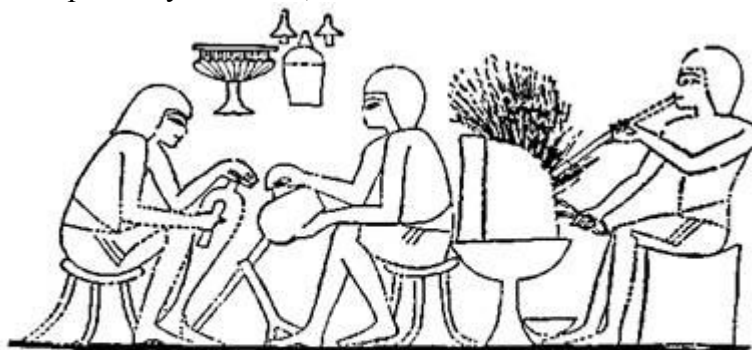

Рис. 15. Золотых дел мастера, чеканящие, льющие и паяющие металлические сосуды. Фрагмент росписи гробницы двух скульпторов № 181 в Фивах. Приблизительно 1380 г. до н. э. Масштаб 1:4

Примесь азиатской и африканской крови в древние времена отразилась в языке, на котором они говорили. Большая часть словаря и грамматика взяты из семитской группы, но есть черты и от хамитского источника; это напоминает изменения в англосаксонской речи, к которой добавился норманнский французский, что в результате дало английский язык. Египетская речь имеет свои особенности; если верно изречение, что в языке отражается дух народа, то нужно отметить, что характерными чертами египтянина являются сдержанность, реализм восприятия и сильно развитая наблюдательность. Как указывает Гардинер, в нем отдается предпочтение статическим выражениям перед динамическими, если не считать некоторых исключений. Этот язык похож на египетское рисуночное письмо, в котором благодаря остроте глаза писца понятие объекта сводится к сокращенному смысловому образу, с помощью которого трудно выразить абстрактные идеи, хотя техника совершенствовалась и развивалась тысячелетиями. Основной расовый тип жителей Древнего Египта практически не претерпел изменений в течение всей его истории, он по-прежнему часто встречается среди крестьян отдаленных районов Верхнего Египта, которые (если не замучены непосильным трудом и болезнями) обладают необыкновенно кипучим и изобретательным характером. Эти люди нетребовательны и расточительны, вспыльчивы, но не злопамятны. Судя по тому, что мы знаем о древних египтянах, они были такими же.

Геродот считал жителей Верхнего Египта того времени одним из наиболее здоровых народов мира. Этот район с постоянным солнечным светом и сухой зимой привлекал больных со времен римских завоеваний. Однако патологоанатомы, исследовавшие мумии египтян, выявили признаки некоторых болезней, которыми страдают и современные феллахи, в первую очередь это относится к ревматизму и болезням, передающимся через воду. Уровень рождаемости в Древнем Египте был очень высок, но не был низким уровень детской смертности. Об этом можно судить на основе того, что население во времена правления Одиннадцатой династии не намного превышало один миллион человек.

Древние египтяне молили богов о продлении жизни и считали идеальным ее сроком сто десять лет, но средний срок человеческого существования в греко-римские времена оценивался в тридцать шесть лет, и нет никаких оснований полагать, что во времена фараонов он был выше. По этой причине египтяне, как и многие народы античного Средиземноморья, рано взрослели: возрастом возмужания считались двенадцать лет, а период зрелости для мужчины начинался не позже шестнадцати. Люди, которых мы сейчас считали бы детьми, брали на себя громадную ответственность. Некий номарх сообщает, что фараон сделал его владыкой провинции, когда его рост был еще очень мал, и тогда же велел учиться плавать вместе со

своими детьми. Высший жрец Амона Бакенкхон, который стал служителем бога уже в зрелом возрасте, до того несколько лет уже служил начальником тренировочных конюшен Сети I. Три следующих друг за другом фараона Восемнадцатой династии начинали править своим огромным государством раньше, чем им исполнилось двенадцать, шестнадцать и девять лет соответственно. Конечно, эту статистику нельзя принимать в качестве средней величины; например, короткому правлению юного Тутанхамона можно противопоставить времена Пиопи II, который занимал трон в течение самого долгого времени, известного в истории. Тем не менее существует достаточное количество доказательств того, что большая часть достижений Египта объяснялась деятельностью юного населения, воспитанного в строгом почитании традиций и предпочитающего основываться на них, а не на личном опыте.

Глава 4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕГИПТА

Наши знания о ходе исторических событий в Древнем Египте получены из различных источников. Существуют разрозненные сведения, полученные Геродотом, Манефоном и многими исследователями, все менее надежные по мере того, как они углубляются в прошлое. Ветхий Завет оставил нам несколько пристрастных ссылок на события того времени или даже более ранние; существуют и другие, но очень скудные источники сведений, например архивы Ассирии и Вавилона.

Источники, находившиеся внутри страны, делятся на два типа: литературные и археологические. К первому относятся письма, автобиографии, перечни правителей, храмовые надписи и т. д. Хотя все эти материалы дошли до нас в сильно поврежденном и неполном виде, некоторые имеют величайшее значение. Можно упомянуть для примера лаконичный перечень наиболее важных достижений каждого фараона, найденный на фрагменте Камня из Палермо или иностранную корреспонденцию из Амарны, но их трудно расположить в правильном хронологическом порядке. Надо сказать, что многие официальные документы, оставленные фараонами для потомков, представляют собой всего лишь пропагандистские лозунги, призванные утвердить божественный статус правителя. В прошлом египтологи ошибочно признавали их кажущуюся ценность. Вообще сомнительно, чтобы египтяне имели представление об истории в том смысле, в котором ее понимаем мы.

По словам Стивена Гленвилла, «кажется в высшей степени сомнительным, что даже самое терпеливое и длительное изучение почти безграничного количества останков этой цивилизации позволит нам сделать для них то, чего они не пытались сделать для себя, то есть написать их историю». Тем не менее, нам нет необходимости полностью принимать это продиктованное отчаянием мнение. Благодаря археологическим находкам вполне возможно уточнить сведения из официальных документов (там, где они существуют), выправить линию повествования и придать ей более логичную форму, выполнив работу редакторов древних рукописей. Этот процесс напоминает деятельность службы разведки в военное время, которой необходимо раскрыть истинные планы и возможности противника. Каждую кроху информации в ходе работы необходимо включить в сложную мозаику, и здесь очень важную роль будут играть дедукция и косвенные доказательства. В качестве примера этой техники изысканий можно вспомнить, как Винлок сумел восстановить порядок правления фараонов Шестнадцатой и Семнадцатой династий с помощью путевых заметок комиссии, посещавшей гробницы властителей из этих династий около пятисот лет тому назад. Однако следует признать, что большая часть подобных свидетельств совершенно не убедительны даже в том случае, если имеют материальную форму. Так, мы знаем благодаря исследованию мумии фараона Тао II, что он погиб от ужасных ран, но были они получены в бою или от руки убийц, установить не представляется возможным. Проблема выявления истинных событий в Древнем Египте очень сложна и не становится легче оттого, что у нас на руках имеется богатый (но очень неравномерно распределенный во времени) материал, который часто не помогает, а вводит в заблуждение, заставляя ученых погружаться в исследование несущественных деталей. Например, сорок лет назад времена Амарны казались поразительной, четко выраженной интерлюдией к египетской истории. Сегодня, после изучения новейших данных, полученных в ходе раскопок, происходивших между войнами, границы этого периода заметно расплылись, и ученые вступили по этому поводу в жаркую дискуссию.

В этой и следующих четырех главах мы попытаемся набросать краткий очерк истории культуры Египта от раннего доисторического периода до смерти последнего фараона-египтянина в 341 году до н. э. С этой целью мы используем проверенную Манефоном и временем хронологию правления фараонов, разделенную на тридцать одну династию, которые египтологи позднее разделили по группам на Древнее, Среднее, Новое царства и поздний период, каждый из которых характеризуется гомогенной цивилизацией и отделяется друг от друга периодами политической нестабильности. Египтяне датировали события по времени правления каждого фараона, начиная с первого его года и далее, а при приходе к

власти нового правителя все начиналось снова. Однако только в немногих случаях мы точно знаем время каждого царствования. Иногда возникают даже сомнения в том, что до нас дошел полный перечень фараонов в верном порядке. Поэтому современным ученым пришлось устанавливать египетскую хронологию на основе опорных точек, определенных благодаря описаниям некоторых астрономических явлений. Так, удалось вычислить, что гелиактический восход звезды Сириус, датируемый 7-м годом правления Сенусерта III, по нашему летоисчислению произошел в 1872 году до н. э. Но и в последних исследованиях погрешность при вычислении все еще велика, в особенности там, где речь идет о самых ранних периодах. Находки доисторического периода до сих пор определялись согласно археологическим исследованиям определенных мест в Верхнем и Нижнем Египте; недавно их датировку удалось проверить с помощью радиоуглеродного анализа.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

В позднем палеолите исчезновение ледяного покрова в Европе вызвало климатические изменения в Северной Африке, которая постепенно становилась суше. Нил из огромного внутреннего озера постепенно превращался в реку с руслом, которое мы видим в наше время, проходя восемь террас, окружающих холмы Ливийской и Аравийской пустынь; на четырех нижних террасах находили обработанный руками человека кремль раннего каменного века. В поисках воды обитатели этого района постепенно вынуждены были перебираться ближе к берегам Нила, и здесь неизбежно должен был произойти переход от экономики, основанной на охоте, к производству продуктов питания. Первые поселенцы обнаружили долину, полную заросших тростником болот и мелей, которые каждый год оставлял после разлива Нил, наполнив их рыбой, водоплавающей птицей, гиппопотамами и крокодилами. Такие условия долго сохранялись и в исторические времена, хотя постепенно ситуация менялась и со временем болотистые, полные разнообразных обитателей местности сместились к Верхнему Судану. Реку окружали луга и низкие кустарники, в которых скрывались львы, дикие ослы, берберийские овцы, альпийские козлы, антилопы и пустынная дичь, на которую охотились поколения египтян в доисторические времена и во времена фараонов.

Должно быть, первые поселенцы без большого труда сменили кочевую жизнь на оседлое хозяйство. В долине легко было охотиться, добывая ловушками птицу и рыбу, находить съедобные корни и плоды, например дикие абиссинские бананы, которые можно было собирать по мере того, как они поспевали. Более поздние переселенцы, в особенности приходившие из Палестины, принесли с собой новое умение — земледелие. Они сеяли ячмень или пшеницу на землях, которые увлажнял разлив или ливни с ураганами, и селились поблизости до того момента, когда урожай созреет и его можно будет собрать. В какой-то момент этого покрытого мраком прошлого одна семья или группа таких земледельцев сделала решительный шаг и поселилась в одном месте навсегда, чтобы растить хлебные злаки в качестве основного источника пропитания. Все было за то, чтобы они именно так поступили. Получить обильный урожай можно было, бросив семена во вспаханную землю, которую разлив Нила орошал и удобрял, а затем забросать сверху землей легким движением ноги. Зерно прорастало и наливалось спелостью за теплую зиму и весну. Производство большого количества зерна, которое можно было долго хранить (особенно в сухих окраинах пустыни), стало первым шагом к замене кочевого, плохо обеспеченного существования цивилизацией, основанной на сельском хозяйстве. При этом решались вопросы, связанные с хранением избытка продовольствия, приручением животных, появлением досуга, специализацией в различных видах искусства и ремесла, умением в разумных пределах управлять своим будущим. В Египте, когда население стало заметно расти, это привело к попыткам направить ежегодные разливы Нила, распределив их на максимальной площади. Вскоре египтяне обнаружили, что максимальный эффект от такой работы достигается путем объединения общих усилий в масштабных проектах. Деятельность по превращению разрушительных разливов в благодетельную силу приучила их к организованной жизни и побудила создавать местные политические и религиозные институты, способные направлять общую деятельность и обеспечивать успех в работе. Неизбежным

результатом этого процесса в исторические времена стало объединение всей страны под властью одного правительства: отдельные семьи поселенцев создавали деревенские общины, те соединялись в номы, или провинции, по мере того, как более интенсивной становилась эксплуатация доступных земель.

РАННИЙ ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Таблица А
РАННИЙ ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Дата до н. э.	Северный или Нижний Египет	Южный или Верхний Египет	Основные места	Период
Прибл. 5000	Файюм «А»	Тасийский	Низина Файюм Дейр-Таса, Мостагедда	Неолит
Прибл. 4000	Меримда	Бадарийский	Эль-Бадари, Меримда	Халколит
Прибл. 3600		Амратский	Эль-Амра, Нагада, Эль-Баллас, Ху, Абидос, Махасна	Ранний додинастический

Этапы долгого пути Египта к цивилизации были определены благодаря раскопкам в различных исторических местах. Но очертания этих периодов остаются весьма расплывчатыми, а последовательность событий определена приблизительно. В настоящий момент возможно выделить две фазы развития. К первой, раннему додинастическому периоду, относится большая часть найденного при раскопках неолитических стоянок в Дейр-Таса на юге, Файюме «А» и Меримде, а также останков карколитской культуры в Эль-Бадари и Эль-Амре поблизости от Абидоса.

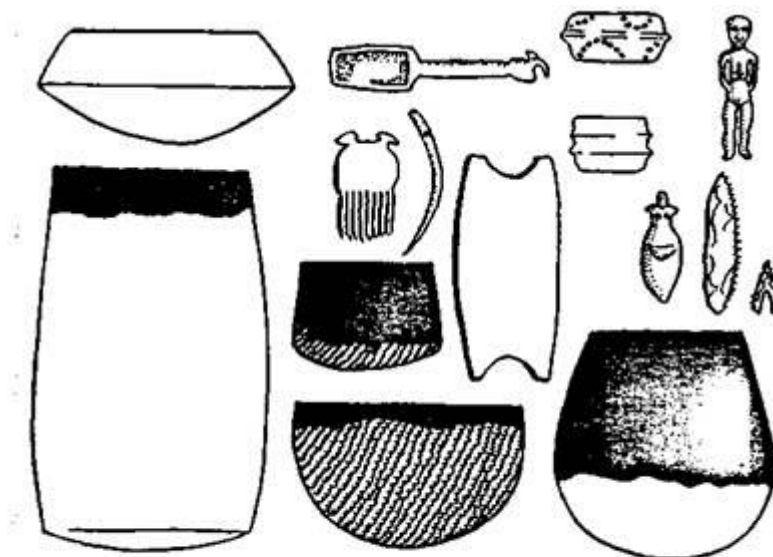

Рис. 16. Группа бадарийских артефактов: керамика с черным верхом; кремневое лезвие серпа и наконечник стрелы; лопаточка слоновой кости, браслеты, игла и гребень; статуэтка женщины из глины и слоновой кости. Приблизительно 4000 г. до н. э.

Из исследований этих находок стало ясно, как ранние египтяне постепенно адаптировались к сельскохозяйственному образу жизни, который к концу этого периода, наступившему около 3600 года до н. э., возможно, мало отличался от современной жизни языческих племен нынешних верховий Нила. В это время поселенцы выращивали ячмень и пшеницу и урожай хранили в ямах, выложенных циновками. Они плели корзины и развивали технику тканья полотна. Одежду шили из шкур животных; ее можно было выдубить и сделать

мягче. Иглы делали из кости. В ходу были браслеты из слоновой кости, раковин и камешков с отверстиями. Постепенное развитие косметического производства — вещи необходимой в жарком и сухом климате Египта — выразилось в использовании краски для глаз из зеленого малахита, который растирали на аспидных дощечках с очищающими маслами, выжатыми из диких касторовых бобов. Гребни из простой или слоновой кости украшали фигурками животных. Инструменты и оружие в то время делали только из кремня или другого камня, а стрелы снабжали наконечниками из кремня или кости. Бумеранг для охоты на диких птиц по форме мало отличался от того, который позже использовали во времена фараонов. Булава с каменной головкой в виде груши вошла в обиход к концу амратского периода. Пища тогда была в изобилии. Египтяне приручили собак, коз, овец, гусей и свиней, к тому же повсюду в изобилии водились дикие птицы. Вероятно, зерно варили для изготовления каши или мололи и пекли из него хлеб. Сосуды для готовки и хранения продуктов были керамическими или глиняными, причем ясно виден переход от грубых глиняных чашек и мисок Файюма «А» к изящной, обожженной посуде из красной глины, украшенной белым линейным орнаментом. Кроме того, в этот период из камня делали вазы, которые со временем стали одним из самых характерных продуктов исторического Египта.

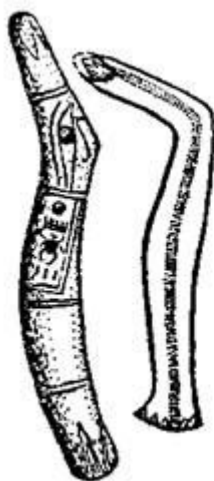

Рис. 17. Модели бумерангов: один из дерева из Бадари, приблизительно 4000 г. до н. э.; другой — из синего фаянса из гробницы Тутмоса IV. Приблизительно 1397 г. до н. э. Масштаб 1:5

Духовная жизнь этих ранних обитателей долины Нила не будет известна нам никогда. Они определенно верили в загробную жизнь, поскольку в доисторических погребениях тела расположены в таком положении, как будто ожидают возрождения, и рядом стоят горшки, лежат оружие, косметические принадлежности, иногда грубые фигурки женщин из глины или кости, предполагающие, что в загробном мире человек (по крайней мере, мужчина) будет иметь те же потребности, что и на земле.

Слабые отголоски примитивных верований, которые должны относиться к доисторическим временам, можно обнаружить в религии периода правления фараонов. По ним мы можем догадываться, что ранние египтяне поклонялись богам неба и звезд, а их вожди, без сомнения, умели вызывать дождь; как и в Судане до недавнего времени, их церемониально казнили (возможно, топили или расчлняли) в том случае, если сила вождя убывала. Политическая система, управлявшая жизнью этих людей, известна нам лишь в общих чертах. Вероятно, общины были небольшими, самодостаточными и изолированными в рамках деревни, но медные булавки и глазурованные стеатитовые бусы в бадарийских и амратских залежах свидетельствуют о том, что по всему региону наиболее развитые племена вели оживленную торговлю.

ПОЗДНИЙ ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Таблица Б
ПОЗДНИЙ ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

считать успешными, поскольку в Египет постепенно приходили идеи и технологии, которые его жители могли приспособить к своим конкретным потребностям. Так средиземноморская культура бронзового века слилась с культурой коренных жителей Африки и породила египетскую цивилизацию. Изолированность положения Египта на Ближнем Востоке в древности была сильно преувеличена. Его жители обменивались товарами, технологиями и различными предметами материальной культуры со своими соседями, подвергались внешнему влиянию и сами влияли на них в ответ. Ярко выраженный характер эта цивилизация приобрела благодаря политическим институтам, а они, как мы увидим, родились из африканского компонента.

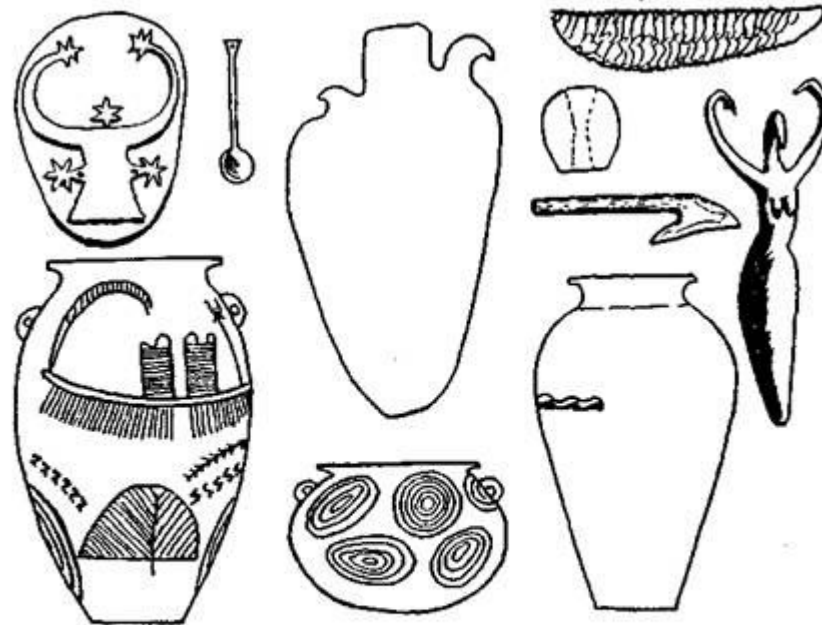

Рис. 19. Группа герзейских артефактов: керамика с красными рисунками; грифельные доски, одна с головой Хатор в виде священной коровы; ложка слоновой кости; глиняная фигурка таниовщицы; кремневый нож; головка булав из камня; медный наконечник гарпуна. Приблизительно 3300 г. до н. э.

Следы культуры позднего додинастического периода можно найти в Эль-Герзе и других местах Файюма; в Нагаде и Эль-Балласе (близ Копта) они вытесняют признаки амратской культуры. Теперь горшечники изготавливали кувшины с витыми ручками (похожие на те, что можно найти в Палестине), легкие розовые или желтые сосуды, на которых красным цветом изображены примитивные гробницы, эмблемы, представляющие божества, растения, животные и фигуры людей. Некоторые горшки по форме и украшениям воспроизводят каменные вазы, которые вошли во всеобщее употребление, возможно, благодаря изобретению кремневых сверл с рукояткой. Сама работа с кремнем достигла несравненного совершенства при производстве ножей тонкого сечения с лезвиями правильной формы. В работе с этим материалом египтяне показали потрясающее техническое умение.

В поздний герзейский период (приблизительно 3400—3200 годы до н. э.) появляются свидетельства растущей политической активности — по общему мнению, тогда началась вечная борьба за главенство между Верхним и Нижним Египтом. В обоих регионах основной единицей правления была местная община; группы деревень объединялись под покровительством одного из богов, и их возглавляли могущественные вожди. Эти номы, как их называли греки, были самыми малыми единицами, на которые во времена анархии рассыпалась страна. Следует отметить, что города-государства Дельты были более развитыми, независимыми и ревнивыми в том, что касалось местных традиций, чем более простые народные коммуны Верхнего Египта; им было гораздо труднее собраться в единое целое. Возможно, тогда сложился шаблон, по которому много раз разворачивались события в Египте: амбициозный властитель (всегда с юга) прекращал анархию, объединяя под своим началом районы Верхнего Египта и поглощая владения местных правителей Севера, создавая

государство из соперничающих земель. Характер объединения Египта в начале Среднего царства, Нового царства и Пятнадцатой династии (эфиопской), возможно, является образцом, по которому достигнуто было единство в первый раз, на заре династической эпохи.

АРХАИЧНЫЙ ПЕРИОД

Первая и Вторая династии, приблизительно 3200—2660 гг. до н. э.

Таблица В

АРХАИЧНЫЙ ПЕРИОД (ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ДИНАСТИИ)

Прибли- зительная дата до н. э.	Основные фараоны	Погребальные обычаи	Значимые события
3200	Первая династия Мина (Нармер) Ити I (Хор-Аха) Ити II (Джер)	Погребение фараонов в основных гробницах Саккары Кенотафы в Абидосе	Развитие письма, медных орудий и оружия
	Мербнапен (Ааджиб)		Торговля с Левантом Путешествия в Судан
2900	Вторая династия Хотепсехем Небра Нинечер Перибсен Хасехемуй	Частные погребения возле гробниц и кенотафов фараонов	Использование камня при строительстве и создании статуй Религиозные и политические столкновения Умиротворение двух земель
2660			

Объединение Египта традиционно приписывают Мине — первому фараону, которого египтологи отождествляют с Нармером (возможно, Меринаром) — правителем, чьи статуи найдены в Иераконполе и Абидосе, возле которого зародилась династия. Материальное наследие этого периода немногочисленно и в основном извлечено из сильно поврежденных гробниц Саккары и не менее разрушенных кенотафов Абидоса. Возможно, если бы мы имели более полную картину происходившего, то могли бы увидеть, что переход от додинастического Египта к государству фараонов был постепенным, но с такого расстояния во времени представляется, что это был один решительный шаг. По словам Геродота, Мина воздвиг «Белые Стены» в качестве своей резиденции (позднее этот город назвали Мемфисом) на земле, где на границе Верхнего и Нижнего Египта Нил менял свое течение. Кроме того, он предпринял большую работу по ирригации и осушению окрестных земель: политика, которую вынуждены были проводить последующие фараоны, поддерживая свою репутацию магов, способных управлять разливами Нила, чтобы удовлетворить требования растущего населения. Стабильно растущее процветание приводит к строительству все более крупных и величественных гробниц фараонов этой династии. Огромные деревянные стропила и балки крыш этих строений позволяют предположить, что в то время велась оживленная торговля с Ливией. Скальный рельеф третьего фараона этой династии недавно открыли близ Бухена в Судане — это говорит о том, что правитель предпринимал попытки установить контроль над дикими племенами, населявшими этот отдаленный регион, с помощью вооруженных набегов.

Монументы Второй династии встречаются реже, чем памятники Первой. Гробницы фараонов этого периода до сих пор не найдены; возможно, они еще ждут исследователей в песках Сахары. Однако в Абидосе Петри удалось найти несколько кенотафов. Похоже на то (как это часто случалось в египетской истории), что новые правители недоброжелательно отнеслись к семье, которую им удалось вытеснить. В сохранившихся фрагментарных записях можно различить эхо восстаний и религиозных противостояний. Все гробницы и кенотафы Первой династии некогда горели, а от огромных сокровищ, которые там хранились, почти ничего не осталось. Распри на самом вершине замедляли рост государства фараонов, уменьшали

его престиж и процветание. Этому пришел конец с приходом к власти южанина Хасехемуи, который помирил враждующие половины и заново объединил страну под своим владычеством. Его сын стал первым правителем Третьей династии, и с этого момента начался золотой век Древнего царства.

Рис. 20. Рисунки с фрагмента рельефа на скале возле Бухена. Изображение павших врагов-нубийцев и пленных, привязанных к носу судна. Два похожих на колеса глифа изображают захваченные города. Правление фараона Джосера, приблизительно 3020 г. до н. э.

Архаичный период первых двух династий ожидает дальнейших археологических изысканий, но вряд ли откроется нам целиком. Литературные памятники того времени немногочисленны, их интерпретация часто тенденциозна. Мы оказываемся в сильной зависимости от фрагментарного материала, с помощью которого трудно судить о достижениях культуры. Обработка камня и создание сосудов продолжались с использованием таких материалов, как алебастр, порфиры, диориты и другие камни. Иногда египтяне с поразительным мастерством вырезали из камня подносы и блюда в форме листьев, похожие на металлические прототипы. А горшечники разучились создавать прекрасные формы и перешли к простым утилитарным вариантам, упростив свою работу изобретением гончарного круга.

Рис. 21. Два фрагмента мебели эбенового дерева с вырезанным узором и ящик с отделениями для хранения игровых фишек из гробницы, возможно принадлежащей Джосеру. Приблизительно 3010 г. до н. э. Масштаб 1:7

Повсеместно распространились медные орудия. В одной из гробниц фараонов близ Саккары нашли много медных инструментов, оружия и брусков металла; кроме того, там были миски, большие кувшины и вазы, выполненные из медных листов. Это первые из металлических сосудов, которые создавали в течение всей истории Древнего Египта. Золотые сосуды того же типа наверняка присутствовали в таких местах, но не избежали острого взгляда грабителей могил. Медь использовали и для других целей: в записях на Камне из Палермо упоминается статуя фараона Хасехемуи, сделанная из этого металла. Скорее всего, она была сделана из дерева и только обита медными листами, как статуи фараона Пиопи I и его маленького сына, выполненные в натуральную величину; они сохранились со времен правления Шестой династии в Гераклеополе, правда, в поврежденном виде. Растущее умение в обработке меди, которое мы отмечаем в архаичный период и в раннем Древнем царстве, отражает общий подъем в области технических умений: к примеру, огромный гранитный саркофаг фараона Четвертой династии наверняка был вытесан медными пилами более восьми футов длиной, причем в качестве абразивного материала использовался кварцевый песок. Из развалин гробницы архаичного периода были извлечены превосходно обработанные куски слоновой кости, эбенового и другого дерева; это говорит о том, что предметы домашнего обихода

владельца были на редкость роскошны. Впрочем, совершенно ясно, что большая часть этих предметов — варианты из более долговечных и дорогих материалов, повторяющие давний архетип. Несколько коробов с разными отделениями сохранились практически в неприкосновенности; они созданы с учетом функциональных особенностей дерева: мастер прекрасно понимал, как его использовать.

Возможно, что эти металлические, костяные и деревянные изделия египетские мастера создавали под влиянием идей и технологий, общепринятых в Восточном Средиземноморье, но в этот период сделаны и некоторые открытия, где они могут претендовать на первенство. Первое — это пластичная субстанция, которую обычно называют египетским фаянсом. Этот фаянс изготавливали из крошек кварцевой гальки; его можно было лить, резать, придавать ему форму и обжигать для того, чтобы получить материал вроде сверкающей синей или зеленой глазурованной глины. Эта технология в ходе истории постепенно совершенствовалась: появлялись белые, желтые, фиолетовые, красные и черные глазури, предметы двух и более цветов. Из фаянса делали все — от бус и инкрустаций до статуй, но чаще всего это были сосуды, из которых некоторые являются произведениями больших художников. Другое ремесло, свойственное только Египту, — тонкая обработка камня. Начиная с архаичного периода мастера искали камни, из которых можно было сделать полезные и красивые предметы. Из крупных кусков гранита начали делать балки, перемычки, косяки и другие конструктивные элементы. Кроме того, теперь из гранита, сланца и более мягкого известняка делали статуи.

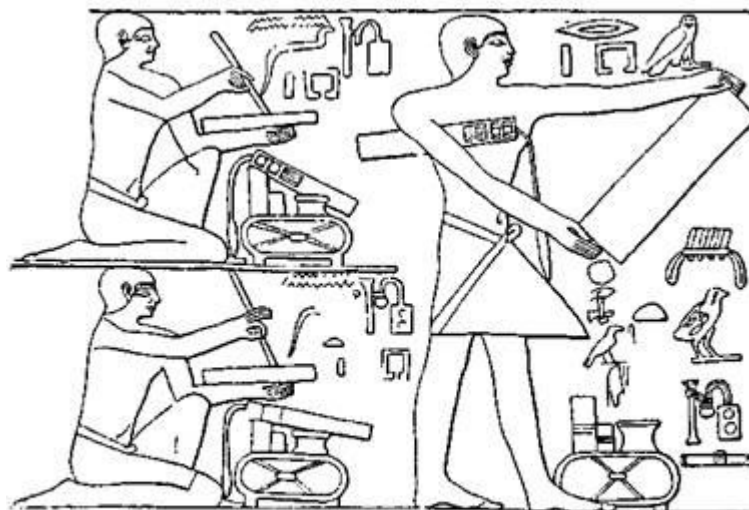

Рис. 22. Управитель читает список со свитка папируса, который подготовили его писцы. С рельефа из гробницы Мереруки в Саккаре. Приблизительно 2330 г. до н. э. Масштаб 1:4

Третьим, возможно наиболее важным материалом, происходящим из Египта, является папирус, который делали из сердцевины одноименного растения. Он появился в начале исторического времени. В дополнение к папирусу, свиткам кожи, которые также использовали для письма (они были более долговечны), египтяне изобрели черные и красные чернила. Система скорописи, приспособленная для использования этих материалов, определила дальнейшее развитие египетской письменности в течение веков. Древние египтяне изобрели удобный метод создания записей, вычислений и ведения документации по всем делам государства. Их можно было хранить в портативном и долговечном виде, по желанию копировать и избавиться от необходимости полагаться на ненадежную человеческую память. На большие расстояния можно было передавать четкие инструкции и получать ответы из отдаленных мест. Классический пример работы этой системы во времена Древнего царства — переписка между молодым фараоном Пиопи II и исследователем Харкуфом, который по возвращении из четвертой экспедиции в Судан написал правителю о том, что прибыл в Асуан и привез пигмея-танцора, похожего на маленького человека, которого столетием раньше вывез из Пунта некий Баверджед. Фараон в ответ прислал Харкуфу детальные инструкции, в которых повелел немедленно явиться во дворец вместе с удивительным пигмеем, а также поручить заботу о нем надежным слугам. Он обещал, что если пигмей прибудет в добром здравии и

расположении духа, то награда будет еще более щедрой, чем когда-то получил Баверджед.

Рис. 23. Часть математического папируса из Британского музея, где рассматривается вопрос треугольников. Приблизительно 1600 г. до н. э. Масштаб 1:2

Без такого инструмента, как письменность, невозможно было создать высокоорганизованную администрацию, существовавшую в Египетском государстве; возникновение единого правления вряд ли было возможным до изобретения и широкого распространения письма.

Параллельно с письменностью шло развитие науки вычислений. В додинастический период уже существовало десятичное счисление; вероятно, в архаичные времена выводы египетских математиков строились на этой основе. Мотив для развития этой науки был сугубо утилитарным: централизованное государство сталкивалось со множеством практических проблем, и его богатство зависело от целесообразности системы налогообложения. Разливы Нила часто уничтожали старые вехи, и периодически нужно было проводить тщательное исследование для восстановления прежних границ согласно письменным источникам. Линейные единицы длины были похожи на те, которые использовались в Европе до появления метрической системы. Они основывались на пропорциях человеческого тела: пальца, ладони, предплечья и так далее, египтяне изобрели и методику измерения объема, пригодную для подсчета урожая кукурузы, вина и масла. В важной для археологов гробнице фараона Джосера, правившего в начале Третьей династии, обнаружили нарисованный на стене набор из четырнадцати деревянных и кожаных кадок с делениями для измерения объема необходимого налога. Наука исчисления времени не отставала в развитии от науки выполнения измерений. Процветание сельскохозяйственной общины зависело от возможности предсказывать ежегодный подъем Нила и его возможный уровень. Также считалось очень важным уметь правильно выбрать благоприятный момент для проведения праздника или религиозной церемонии, призванных обеспечить успех любого предприятия. Египтяне додинастического периода, раскидывая свой лагерь под звездным ночным небом, вряд ли могли не заметить повторяющиеся астрономические феномены, в том числе гелиактический восход звезд на горизонте, который мог помочь определить время. Астрономию изучали в Гелиополе, центре культа Солнца, чьи ритуалы напрямую были связаны с определением времени и положения небесных светил. Архитекторы и инженеры Гелиополя могли точно произвести ориентацию пирамид и обеспечить их геометрическое совершенство. В течение архаичного периода был введен новый календарь, в котором были двенадцать месяцев по тридцать дней каждый с пятью прибавленными для согласования праздничными днями. Он заменил устаревший сельскохозяйственный лунный календарь, существовавший с додинастических времен. Третий, наиболее точный календарь появился около 2500 года до н. э.; им египтяне полностью обязаны Гелиополю.

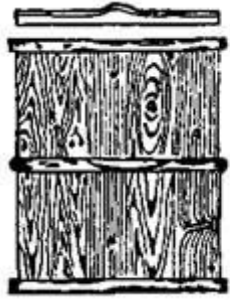

Рис. 24. Деревянная бадейка для кукурузы с крышкой, рисунок с гробницы в Саккаре. Приблизительно 1650 г. до н. э. Масштаб 1:7

В течение четырех столетий архаичного периода было заметно брожение во всех областях знаний; некоторые ученые считают, что в это время происходил переход к научному мышлению. Организованный мир древних египтян, скорее всего, возник путем логических размышлений, а не методом проб и ошибок. Эту точку зрения подтверждают два литературных памятника, которые по ряду признаков относятся к Первой династии. Первый — это трактат по хирургии (в нем основное внимание уделяется переломам), известный как папирус Эдвина Смита и замечательный эмпирическим подходом к проблеме. Манефон утверждает, что второй фараон этой династии был известным врачом и писал работы по анатомии. Другая работа — это теоретическое сочинение, описывающее создание Птахом вселенной, главным в которой является идея поиска первопричины всего сущего. По преданию, культ Птаха был основан в Мемфисе Мином. Возможно, что одновременно с процессом создания Египетского государства шел и другой — образование синкретической мемфисской теологии. Если же научный подход и существовал в то время, его жизнь оказалась недолговечной; консолидация египетской культуры в следующий период положила конец экспериментам.

Глава 5. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАСЦВЕТА ВО ВРЕМЕНА ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Третья — Четвертая династии, приблизительно 2660—2180 гг. до н. э.

Таблица Г
ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО (ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ ДИНАСТИИ)

Дата и годы правления до н. э.	Главнейшие фараоны	Основные города	Погребальные обычаи	Значительные события
Прибл. 2660	Третья династия			
19	Санахт	Саккара	Погребение в Ступенчатой пирамиде	Крупномасштабное строительство и камешные скульптуры
6	Нетерхет (Джосер)	Синай	Частные мастабы поблизости от гробницы фараона	
24	Секемхет			
Прибл. 2600	Четвертая династия			
24	Хуни	Медум	Развитие настоящих пирамид и его кульминационный момент	Великолепное владение и искусная обработка большинства материалов Классический век Древнего царства
23	Снофру	Дахшур		
23	Хуфу (Хеопс)	Гиза		
31	Хафра (Хефрен)			
18	Менкаура (Микерин)	Бубастис	Частные погребения в мастабах и иногда в скальных гробницах	
Прибл. 2500				

Развитие, начавшееся при двух первых династиях, достигло апогея в годы правления двух следующих. На различных рельефах поблизости от мест добычи медной руды и бирюзы в Синае мы видим агрессивные арменоидные черты Санахта и его брата Джосера, непохожие на классические лица бедуинов, обитателей этого района. Но правление Третьей династии отмечено удивительным умением сохранять мир, в чем героем можно считать не фараона, а его ближайшего советника Имхотепа, знавшего учение Гелиополя. Это первый из известных нам гениев исторических времен: его мысли и воображение обогнали век и направили культуру человечества в новое русло. В более поздний период он стал знаменит как астроном, архитектор, писатель, мудрец и прежде всего как врач, которого со временем обожествовали и сделали покровителем медицины. Фигура Имхотепа принадлежит к позднему периоду и имеет мифический оттенок, но на основании статуи фараона Джосера, найденной в Саккаре, выбиты его имя и титулы, подтверждающие легенды. Сегодня величественный мемориал Имхотепа является, без сомнения, самым обширным памятником, который он воздвиг для Джосера; он известен как Ступенчатая пирамида.

С доисторических времен архитекторы продвинулись много дальше постройки лачуг и камышовых навесов, по-прежнему дававших приют крестьянам, вынужденным большую часть жизни проводить на открытом воздухе. Изобретение глиняных кирпичей и импортное дерево принесли большие перемены в архитектурном дизайне и методах строительства, хотя многие декоративные мотивы все еще определялись устаревшими формами и конструкциями, в которых использовались связки стеблей папируса, подвесные циновки, пальмовые листья, прутья и мазанки. В архаичный период при постройке зданий стали использовать камень, но переход к строительству из одного камня не был сделан даже для «вечных жителей» гробниц фараонов до эпохи правления Джосера.

Рис. 25. Фараон Сенахт в Белой короне Верхнего Египта со скипетром. С рельефа на скале в Синае. Приблизительно 2665 г. до н. э. Масштаб 1:5

Концепция монументальной архитектуры возникла в Египте из-за необходимости помещать тела умерших фараонов в гробницы, которые будут существовать вечно.

Существуют записи о том, что во время правления Хасехемуи был построен каменный храм, в котором одна из погребальных палат была выложена резным песчаником, но традиционно начало строительства зданий из камня приписывают Имхотепу. Безусловно, его Ступенчатая пирамида является самым ранним зданием такого размера, которое было построено человеком на Земле. Гробница Джосера находилась под гигантской каменной пирамидой из шести ступеней; сооружение поднималось к небесам более чем на двести футов. Ее окружали многочисленные дворики и здания, которые находились внутри массивной стены с бастionsами периметром более мили и высотой более тридцати футов. Она, вероятно, должна была имитировать белые стены Мемфиса и охранять резиденцию покойного фараона. В архаичный период гробницы правителей в Саккаре приняли форму склепов, послужившую моделью для обыкновенных жилых домов Нижнего Египта и кенотафов Абидоса. В погребальном монументе Джосера гигантский холм-склеп Верхнего Египта принял образ ступенчатой надстройки, возможно, под влиянием идей ученых Гелиополя, а другие строения этого комплекса скорее ассоциируются с обычными домами. Таким образом, мы видим в архитектурном исполнении сочетание дополняющих друг друга идей. Позднее во времена Древнего царства фараонов погребали в каменных склепах, помещенными в саркофаг, украшенный наподобие дворца.

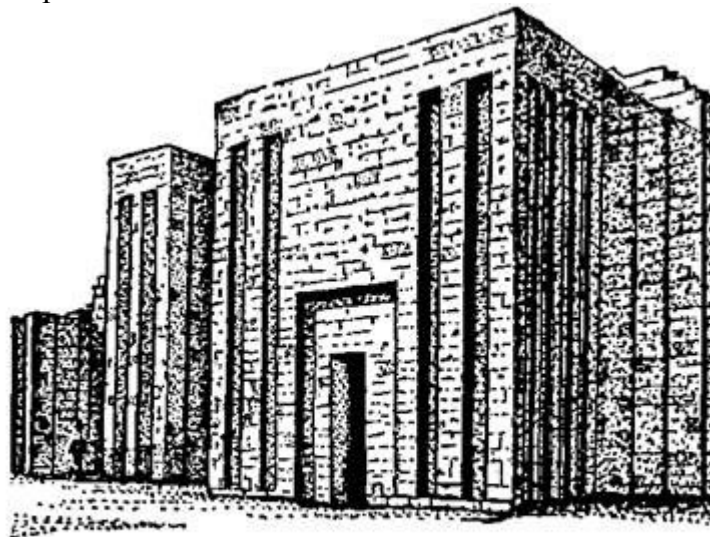

Рис. 26. Перестроенный вход в тридцатифутовой стене пирамиды фараона Джосера в Саккаре. Приблизительно 2650 г. до н. э.

Ступенчатая пирамида отображает много характерных особенностей, говорящих о том, что архитектор пытался найти некую пропорцию. Совершенные формы каменных зданий и многие декоративные элементы демонстрируют новое мышление в архитектуре. С самого момента своего создания этот монумент считался чудом и далеко распространил славу Египта.

В нем разместили подобие музея из особо подобранных объектов: настенных панелей из глазированной черепицы, больших сидящих или стоящих статуй фараона, барельефов, изображающих Джосера на вечном празднике, более трех тысяч прекрасных сосудов из камня всевозможных размеров и форм. Там, конечно, были и более ценные сокровища, но грабители вынесли их оттуда давным-давно.

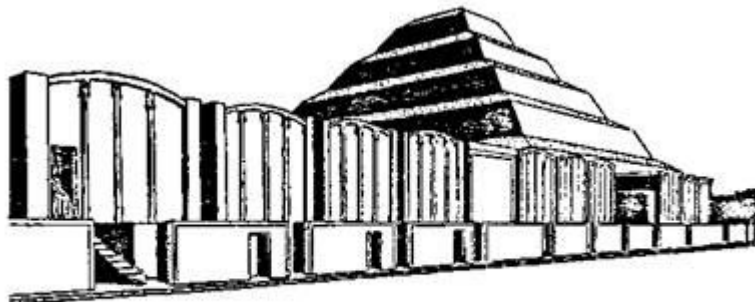

Рис. 27. Реконструкция двора, с двух сторон окруженного макетами храмов. Саккара, 2650 г. до н. э.

Скорость, с которой в Египте сформировалась технология строительства каменных зданий, можно оценить, посмотрев на незаконченный комплекс преемника Джосера — Сехемхета, отличавшийся значительно более массивной кладкой, которая полностью потеряла сходство с постройкой из глиняных кирпичей.

В последующих погребальных сооружениях архитекторы пошли еще дальше в использовании крупных блоков известняка и в течение следующего столетия воздвигли для фараонов Четвертой династии в Дахшуре, Медуме и Гизе огромные пирамиды в качестве усыпальниц. Высший момент в развитии строительства наступил с созданием великой пирамиды Хеопса в Гизе, которая состояла из добрых двух миллионов блоков известняка, некоторые из которых весили по пятнадцать тонн каждый; из них создали грандиозную постройку, изумляющую точностью пропорций. Основные блоки вырезали на месте, а внешнюю оболочку из лучшего известняка изготавливали в Туре на другом берегу реки и перевозили на рабочую площадку в сезон высокой воды. Кроме того, из глыб гранита вырезали стойки и разгрузочные балки. Ко времени правления Микерина искусство обработки камня уже получило достаточное развитие, поскольку нижние ряды кладки его пирамиды (меньшей в трио Гизы) сложены из красного гранита. У всех трех пирамид имеются меньшие погребальные здания, заключенные внутри стены и соединенные крытой дорожкой с храмом у того места, куда доходит разлив Нила. Некоторые ученые считают, что эти храмы в долине были массивными каменными версиями доисторических тентов из легких планок и циновки, в которых под погребальные песни тела фараонов умащали маслами и бальзамировали. Лишенный украшений вид, в котором дошли до нас монументы из Гизы, наводит на мысль об изначально суровом и аскетическом их виде, но из записей Геродота ясно, что они были украшены барельефами, напоминающими те, что обнаружены в более позднем комплексе (памятнике Пятой династии), находящемся в Саккаре. Как бы то ни было, храм Хефрена в долине Нила — одно из хорошо сохранившихся зданий Гизы, которое великолепно выглядело в исходном виде, когда солнечный свет струился в слуховые окна, прорезанные в красном гранитном потолке, и падал на пол из полированного алебаstra, бросая блики на двадцать три статуи фараона, стоящие в простенках красного гранита. Бескомпромиссная строгость в сочетании с точной реализацией погребальной концепции помогли воздвигнуть пирамиды Гизы во всей красе. В статуе двоюродного брата Хеопса, его советника Хемона («ревнителя Гелиополя»), который, очевидно, отвечал за постройку великой пирамиды), содержится намек на божественную уверенность и интеллект, проявленные при выполнении этих огромных работ.

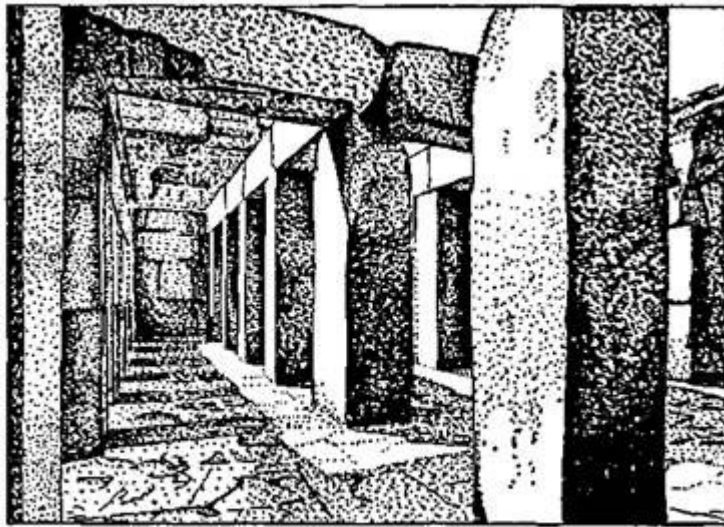

Рис. 28. Гранитные быки и архитравы главного зала храма второй пирамиды Хефрена в Гизе. Приблизительно 2525 г. до н. э.

Пирамиды Гизы служили хранилищами статуй, рельефов, мебели, сосудов и другой погребальной утвари, в которой лучшие художники того времени проявили весь свой талант. Большая часть прекрасных творений исчезла без следа, но нам посчастливилось получить некоторые сохранившиеся образцы блестящего искусства этого классического периода Древнего Египта. В частности, выполнив тяжелейшую работу, бостонским археологам удалось реконструировать великолепную мебель царицы Хетеперес, матери Хеопса, которую нашли в сильно разрушенном погребении второго плана. Изумительный дизайн, пропорции и мастерское исполнение ящиков, кресел, постели и балдахина из резного эбенового дерева и кедра, с накладками литого, чеканного и гравированного золота говорят о вкусе, сохранившем великолепное чувство меры. Огромного притока рабочей силы и материальных ресурсов последующие фараоны от своих подданных не требовали. Пирамиды Пятой и Шестой династий строились в Абушире и Саккаре в значительно меньших масштабах и по упрощенным требованиям, поэтому теперь они представляют горы обломков. Уменьшение размеров гробниц фараонов и снижение количества статуй усилило влияние Гелиополя и его бога-солнца Ра. Фараон, далекий от того, чтобы считаться могущественным богом, превратился в сына великого божества.

*Таблица Д
ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО (ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ ДИНАСТИИ)*

Дата и годы правления до н. э.	Главнейшие фараоны	Основные города	Погребальные обычаи	Значительные события
Прибл. 2500	Пятая династия	Саккара Абусир Гелиополь	Гробницы фараонов становятся меньше, но теперь их украшают барельефами Тексты в пирамидах Постепенное увеличение размера мастабов	Усиление влияния Гелиополя
8	Усеркаф			Путешествия в Пунт
15	Сахура			
11	Ниусерра			
28	Джедкара			
30	Венис		Шедевры малой скульптуры из камня и дерева Децентрализация управления	
Прибл. 2340	Шестая династия			
15	Тети	Дейр-эль-Гебрави Колт	Скальные гробницы в центрах провинций	Развитие феодализма, ведущее к анархии
44	Пепи I (Пиопи I)			
5	Меренра I	Абидос Саккара		
90	Пепи II (Пиопи II)			
Прибл. 2180				

После смерти он просит, чтобы его перевезли через воды подземного мира и позволили стать секретарем Ра или гребцом небесной лодки.

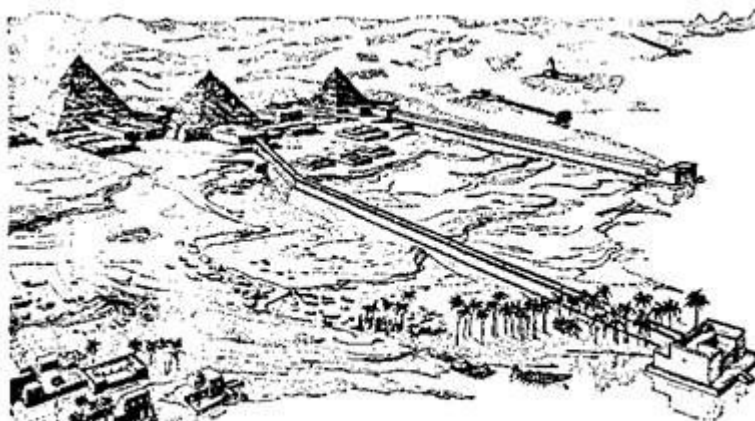

Рис. 29. Реконструкция комплекса пирамид Неферкары, Неферсеры и Сахуры в Абушире. Приблизительно 2490—2410 гг. до н. э.

Ритуалы культа Солнца происходили вокруг небольшого обелиска в открытом дворе. Это, возможно, повлияло на архитектуру того периода, потерявшую массивность стиля Четвертой династии. Она становится живой и легкой, с натуралистическими элементами вроде колонн в форме финиковых пальм или пучков стеблей папируса. Изящные рельефы на храмах показывают озабоченность почитателей культа Солнца вопросами календарей и измерения времени. Общая тема этих работ — персонификация трех времен года — разлива, зимы и весны с использованием изображений животных и растений. Полный цикл сельскохозяйственных работ от сева до жатвы представлен в виде гимна во славу Солнца, дающего жизнь. В области использования при постройке храмов полированного базальта, гранита и алебаstra эти художники продолжили традицию своих предшественников. Величественным памятником эпохи пирамид считается комплекс Пиопи II. Он сохранился не в лучшем виде, но вполне достаточно для того, чтобы оценить сложное здание, дорожку и погребальный храм, украшенные богатейшей коллекцией расписанных рельефов, и признать его самым совершенным комплексом Древнего царства. В более поздние годы он приобрел особое значение в качестве классического выражения духа Древнего царства. Рельефы этого здания неоднократно копировали архитекторы для фараонов Среднего и Нового царств, жаждавших вернуть традиции прошлого. Грандиозные погребальные проекты фараонов Четвертой

династии поглотили все художественные способности своего времени. Верно, что фараоны в Гизе планировали и устраивали вокруг пирамид большие мастабы для верных чиновников, которые находились с ними в близком родстве. Но за исключением статуи Хемона, которая выполнена в традиции предшествующего царствования, сохранилось очень мало статуй частных лиц того периода, за исключением так называемых «запасных голов», которые хоронили вместе с покойниками (возможно, в качестве магических заместителей). Наиболее интересной скульптурой частного лица, сохранившейся из этого периода, был бюст советника Анхафа, брата Хеопса, высеченный в строгих традициях «запасных голов». Основным продуктом мастерских, не работавших для семьи фараона, были рельефы для установки в ниши для приношений, в них основной декоративной деталью была раскрашенная пластина с изображением владельца, сидящего за жертвенным столом. Стелы со списками утвари фараон давал придворным в качестве своеобразного сертификата владельца. Хотя в последующие века ниша для приношений в каменном храме присутствовала всегда, стела также оставалась важнейшим элементом.

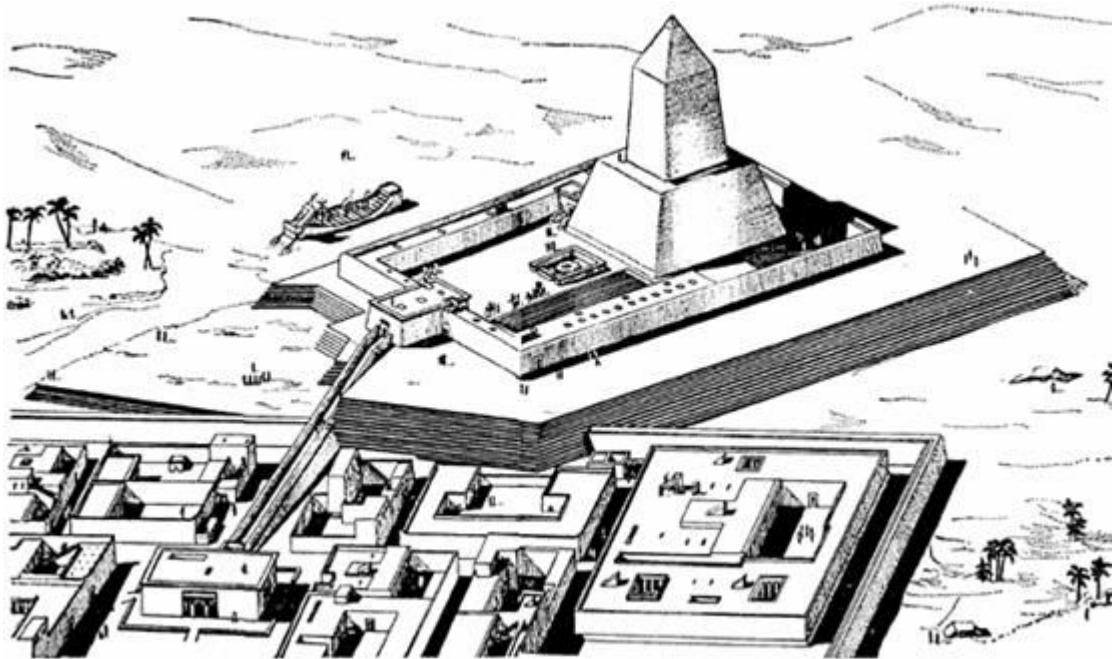

Рис. 30. Реконструкция храма Солнца в Абу-Гураб напротив Гелиополя. В большом центральном дворе более 80 000 квадратных футов перед массивным алебастровым алтарем стоит обелиск на пьедестале. Приблизительно 2430 г. до н. э.

К концу Четвертой династии несколько поколений скульпторов превратили классическое искусство Хеопса в наследственное ремесло, и с учетом менее амбициозных проектов фараонов Пятой и Шестой династий многие талантливые люди занялись украшением частных гробниц в Саккаре. Чаще всего это делалось по приказу фараона. Например, Сахура повелел верховному жрецу Мемфиса и его ремесленникам создать двойную гробницу-портал для его главного медика. Работы шли в зале для аудиенций дворца под ежедневным наблюдением самого фараона. При оценке материальной культуры египтян в век пирамид мы опираемся на частные хранилища статуй и рельефы в мастабах Пятой и Шестой династий, поскольку гробницы фараонов находятся в очень плохом состоянии. Большие мастабы-храмы зрителя памятников Ти из Пятой династии и губернатора Мемфиса Мерерука из Четвертой династии, находящиеся в Саккаре, в максимальной степени позволяют нам взглянуть на занятый своими делами и уверенный в себе мир большого поместья того периода: цикл работ на полях, ремесла, охоту и рыбную ловлю, катание на лодках или пикники на реке, музыку, танцы, праздники, детские игры, на смешливые наблюдения над слабостями крестьян. Показаны их лысые головы и плохо выбритые лица; тяжелая борьба с упрямым ослом или не менее упрямым сборщиком налогов; песни, которые они поют за работой, и шутки. В статуях, сделанных из известняка и дерева, тоже отражается сардоническое разделение элиты — людей, атлетически сложенных в юности, сытых в зрелом возрасте, достойных доверия в любом возрасте, и их слуг, которых

часто изображают тощими, низенькими и слегка смешными. Впрочем, существуют и статуи важных персон, которых скульптор без лести изобразил карликами или горбунами; отсюда можно сделать вывод, что зеркало, в котором отражает природу художник, не всегда было кривым.

Рис. 31. Головка приемной дочери Хеопса, сделанная из раскрашенного известняка, теперь находится в Бостоне. Приблизительно 2560 г. до н. э. Высота 12 дюймов

Мы имеем довольно точное представление о жителях Древнего Египта, но наши знания о его отношениях с соседями в то время весьма скудны. Очевидно, что египтяне контролировали Нубию и Верхний Судан в области торговли и набора солдат; но сомнительно, чтобы воинственные, хотя и более примитивные племена Судана могли долго подчиняться Египту, владея труднопроходимыми землями. К концу Древнего царства границу охраняли могущественные властители приграничных земель или губернаторы юга, например Уни и Хархуф. В то время предпринимались путешествия по морю в таинственную страну специй Пунт на побережье Сомали, откуда можно было привезти необходимые для храмовых ритуалов смолы и камедь. В нашем распоряжении есть описания таких экспедиций, относящихся к временам правления Пятой и Шестой династий, хотя наверняка путешественники отправлялись в Пунт и до того. Добыча руды в Синае и Аравийской пустыне часто оказывалась под угрозой из-за возможности нападения бедуинов, которые часто мешали передвижениям, поэтому время от времени их было необходимо припугнуть. Ливийцы на западной границе тоже традиционно вносили смуту в жизнь египтян, хотя у нас нет уверенности в том, что сильно поврежденные сцены на стенах храмов, где изображены фараоны с награбленной добычей, относятся к легендам или отображают события, происходившие на заре истории.

Рис. 32. Отдых во время рыболовной поездки. С рельефа в гробнице Мереруки в Саккаре. Приблизительно 2330 г. до н. э. Масштаб 1:5

Свидетельств проникновения египтян в Палестину заметно больше. В различных склепах сохранилось два изображения штурма азиатских крепостей, а в автобиографии Вени, выбитой

на стене его гробницы в Абидосе, описана серия смелых кампаний, которые он вел в Палестине во времена правления Пиопи I на севере у самого Кармея. Но наиболее впечатляющее свидетельство египетской деятельности за рубежом исходит из Ливии (Библ), где обнаружили фрагмент каменной вазы с именем Хетепсехема и объекты с картушами Хеопса и Микерина. По-видимому, храм был построен там еще в правление Четвертой династии, возможно, для нужд египетской общины. Библ был большим ливийским портом, специализировавшимся на торговле древесиной, и коммерческим центром для всех земель Восточного Средиземноморья. Скорее всего, свое влияние в этом регионе Египет приобрел благодаря мирным торговым связям, а не завоеваниям. Поврежденный, обитый золотом трон с именем Сахуры нашли недавно в Северной Анатолии. Был он приобретен или украден одним из сирийских князьков, нам неизвестно.

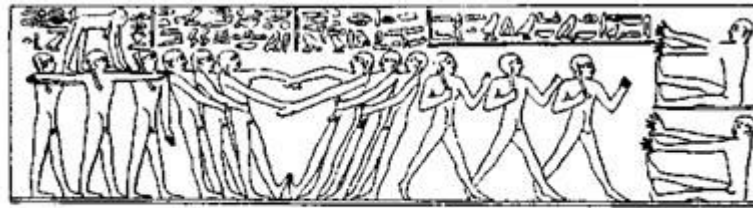

Рис. 33. Дети, играющие в игры, которые до сих пор сохранились в Нубии. С рельефа в гробнице Мереруки в Саккаре. Приблизительно 2330 г. до н. э. Масштаб 1:12

Со времен Мины фараон, по-видимому, правил всем Египтом как своим персональным владением; даже во времена Четвертой династии эта ситуация доминировала; дворец и прилегающие к нему помещения для чиновников составляли «Большой дом»; отсюда управляли страной министры по поручению фараона. В большинстве своем это были сыновья или родственники монарха, который следил за их воспитанием и обучением, поддерживал в течение всей жизни и после смерти даровал достойное погребение. Упадок этой жесткой организации начался в конце правления Четвертой династии, когда власть над провинциями и другие посты стали передавать по наследству. В то же время любимым придворным жаловали землю для гробниц и погребальных служб. Часто такие дары предполагали освобождение от налога в будущем; просторные и тихие города мертвых вокруг пирамид их прежних владык строились за счет казны фараона. Эта деятельность не имела продуктивного характера — она сводилась к погребальным песням и молитвам, отнимавшим людские ресурсы и способствовавшим застою в экономике. Правители номов, навсегда закрепившиеся на наследственном посту, передавали его сыновьям в твердой уверенности, что обладают властью по праву рождения, а не благодаря милостям фараона. Они больше не прилагали усилий для того, чтобы обеспечить себе погребение поблизости от пирамиды властителя; вместо этого поблизости от столицы провинции строились скальные гробницы. Номархи, как маленькие местные фараоны, при необходимости выписывали ремесленников из Мемфиса. При возвышении культа солнца статус фараонов уже упал. Этот процесс продолжился, когда огромная пропасть, отделявшая божественного правителя от всего человеческого рода, исчезла, когда фараон женился на женщине-проститутке. Это относится к браку Пиопи I в последние годы его правления. К середине Шестой династии Египет практически вернулся к тому состоянию, из которого извлек его Мина, и стал федерацией феодальных властителей, каждый из которых правил номом, заботясь только о собственной выгоде. Исходная монументальность и престиж фараонов поддерживали работу системы, но во время долгого правления Пиопи II ей был нанесен решающий удар; он был фараоном в течение девяноста лет и умер столетним. После его смерти центральная власть стала слишком слабой для того, чтобы сдерживать поднимающийся прилив анархии. Цивилизация Древнего царства была смыта системой, которую она сама создала. В этот период Египет обладал зрелой культурой, в которой ярко выражался его характер. Спокойные лица, глядящие с огромного множества статуй и рельефов, не тревожили сомнения. Голоса, говорящие через немногочисленные сохранившиеся записи того периода, книги заветов и автобиографии непоколебимы в своей вере в то, что для доброй жизни необходимо быть скромным, осторожным, честным и терпеливым; благоразумным в выборе друзей, не скупым и не завистливым; оказывать должное почтение высшим — короче говоря, держаться за свое

положение и соблюдать умеренность во всем. Этот идеал золотой середины целиком принадлежал аристократии. Фараон и его двор были элитой, осуществлявшей все экономические и культурные предприятия государства. Между тем, формируя привилегированный класс, они не были праздной придворной знатью. Это были архитекторы, писатели, теологи, администраторы — люди действия, интеллигенция тех дней.

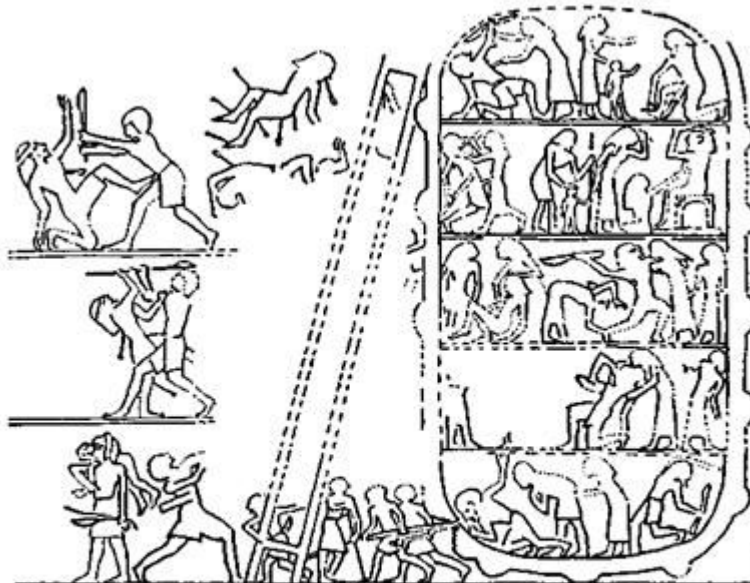

Рис. 34. Солдаты штурмуют укрепленный город с помощью лестницы; другие подрывают фундамент и ведут пленных; внутри города женщины сражаются с захватчиками, а в это время их предводитель в слезах рвет от отчаяния волосы. С рельефа в гробнице к югу от Гераклеополя. Приблизительно 2370 г. до н. э. Масштаб 1:13

Глава 6. ПЕРВОЕ ПАДЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВО ВРЕМЕНА СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

ПЕРВЫЙ ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ПЕРИОД

Седьмая—Десятая династии, приблизительно 2180—2080 гг. до н. э.

Условия, которые сопутствовали закату Шестой династии, ярко описаны в Лейденском папирусе. Египтологи знают его как «Речение Ипусера». В своей работе Ипусер порицает безымянного фараона за бездействие, в то время как страна идет к своему краху. Со злобным наслаждением он описывает в подробностях беды, постигшие Египет: «Высокорожденные полны скорби, а бедные ликуют. Каждый город говорит: „Давайте изгоним могущественных“. Прекрасный зал правосудия лишился документов... Общественные учреждения открыты, и записи украдены. Рабы правят рабами... Смотри, у них были одежды, а теперь они ходят в рвань... Тот, кто ничего не знает, теперь богат, а высшие чиновники вынуждены искать расположения выскочек... Всюду нищета, и никто не носит белых одежд... Нил разлился, но ни у кого не хватает смелости пахать... Повсюду гибнет кукуруза... Люди не имеют одежды, благовоний и масла... Каждый говорит: „Больше ничего нет“... Чужаки отовсюду сошлись в Египет... Люди больше не плавают в Библи, откуда же нам взять хорошее дерево? Знать и набожные люди повсюду нуждаются в смолах из Ливии, но у нас больше нет поставок... Мертвых бросают в реки... Смех исчез. Грифы гуляют по земле».

Эта горестная картина, вне всяких сомнений, преувеличена, а то, что в ней верно, относится к районам, находящимся неподалеку от Мемфиса. Конечно, были номархи, которым удавалось поддерживать в своих районах порядок. У нас есть одна стела этого периода, в надписях на которой богач кичится людьми, скотом, гусями, осликами, ячменем и зерном, которые множатся под защитой его сильной руки. Но не так трудно заметить признаки катаклизма. Искусство этого периода слабо, в основном оно дало лишь копии мемфисского стиля Древнего царства. Материалы низкого качества: большинство сосудов вместо камня, фаянса и металла стали делать из глины. Междоусобная борьба между номами отображена в сохранившихся украшениях моделей погребальных лодок, которые защищены сверху большими щитами из воловьих шкур. Правителя одного из номов похоронили вместе с изображениями двух групп воинов, которые должны были нести свою службу в полной опасностей загробной жизни. Другой номарх этого нома хвастал тем, что вся земля охвачена ужасом перед его солдатами, и все дрожали, заметив дым, поднимающийся на юге. Чудовищным напоминанием о войнах тех дней служат тела почти шестидесяти солдат ударных частей, которые с почестями были погребены в общей гробнице в Фивах. Раны говорят о том, что они погибли при отчаянном штурме какой-то важной крепости.

Когда Египет разделили междоусобицы, на богатые пастбища Дельты хлынули толпы чужаков. Голод на собственных землях всегда заставлял ливийцев и бродячих семитов Синая и Негеба бросать жадные взгляды за границы Дельты. Теперь, когда исчезал организованный отпор возможному вторжению, они воспользовались ситуацией и добавили свою строку в истории о беззаконии и разбое. Беды, принесенные социальной революцией, повлекли за собой другие, всегда ее сопровождающие: голод, эпидемии и неурожай. Древний египтянин чувствовал, что самой большой катастрофой в его жизни будет исчезновение божественной власти фараона. Перед этим простым событием отступали все беды.

История первого промежуточного периода полна описаниями отчаянных попыток сильных людей восстановить прежний мир и порядок. Самое деятельное из этих усилий было предпринято могущественной семьей из Гераклеополя (поблизости от Файюма), объединившей под своей властью весь Средний Египет и распространившей зону влияния на большую часть Дельты. Верхний Египет (от места чуть южнее Абидоса до границы Элефантины) как будто сохранил номинальную независимость под владычеством правителей Фив. Жители Гераклеополя основали Девятую и Десятую династии; по свидетельству Манефона, первый

правитель того периода Ахтой (Хеми) достиг верховной власти «великой жестокостью, увеличившей беды Египта». Имя его сохранилось на множестве небольших монументов; кроме этого, он написал для своих потомков книгу наставлений по управлению страной, которая до сих пор не найдена. Она была предтечей двух подобных работ, которые мы вкратце обсудим дальше. После столетия, когда жители Гераклеополя направили свои усилия на изгнание азиатских поселенцев из Дельты, укрепляя восточные границы, восстанавливая значение Мемфиса, совершенствуя работу по ирригации и заново открывая торговлю с Библом, растущие претензии агрессивных правителей Фив создали постоянную угрозу, которую нельзя было игнорировать. Между двумя соперничающими силами начали происходить столкновения, заканчивавшиеся сначала с переменным успехом до тех пор, но затем фиванец Ментухотеп I окончательно разбил врага и объединил Египет под властью одного фараона.

Эпохи цивилизации Египта имели моменты зарождения и гибели. Пророк Ипусер, который громко сетовал на перемены и упадок вокруг, не смог увидеть созидательных аспектов, хотя сам был в них вовлечен. Благодаря социальной революции были отброшены древние догмы, от невыносимых страданий люди заговорили новыми голосами, создали светскую литературу, принципиально отличавшуюся от той, что была раньше, которая затем столетиями вдохновляла египетских писателей. В те времена, когда египтянами не правили божественные указы фараонов, им только оставалось взывать к вдохновению, меланхоличные произведения того времени выполнены в поэтичной и элегантной форме. Возможность влиять на людей с помощью литературы высоко оценивал правитель Иераконполя, который убеждал своего сына учиться искусству говорить для того, чтобы править, «поскольку сила — в языке, и речь могущественнее битвы».

Кроме *«Наставлений»*, до нас дошел такой памятник, как *«Беседа разочарованного со своей душой»* и *«Жалобы крестьянина»*, серии напыщенных, но, без сомнения, изящных речей египетского «персонажа», излагавшего свои красноречивые протесты. По-видимому, эти писания исходили из дворца Иераконполя; один из тамошних правителей, Вакаре, оставил *«Наставление сыну Мерикаре»*. В этом труде встречаются идеи, отличающиеся от рецептов мирского успеха, которые предлагали мудрецы Древнего царства. Например, здесь есть признания в несправедных делах и раскаяние в прошлых злодеяниях. Большинство «наставлений» даны в форме практических советов правителю, в них чувствуется озабоченность кодексом поведения, определяемым моральным фактором:

«Поступай правильно, пока живешь на земле. Успокаивай страдающих, не обижай вдов, не отбирай ни у кого наследство отца... Не убивай, но наказывай битьем или заключением. Тогда на этой земле будет покой. Оставь отмщение Богу... Для Него добродетель стойкого сердцем ценнее, чем вол, принесенный злодеем».

Из страданий родился новый стиль письма, литературное наследие Древнего царства подверглось преобразованию, связанному с социальной революцией. Обещание бессмертия было пересмотрено; теперь оно касалось только фараона. После смерти он становился великим богом; по этому случаю были предусмотрены особые церемонии. Но посмертная жизнь, которой он наслаждался, вероятно, представляла собой призрачное существование вместе с привилегированными слугами, если судить по приношениям, которыми его снабжали набожные наследники. Вокруг гробниц фараонов первых династий погребали их слуг, возможно убитых для того, чтобы они могли сопровождать своего господина в будущей жизни. Позже были найдены более цивилизованные формы: после естественной смерти приближенных фараона стали опускать в гробницы или пирамиды господина, которому служили при жизни. Такое бессмертие считалось даром фараона; но когда местные правители начали строить себе усыпальницы в собственных номах, они присвоили себе некоторые из таких привилегий. Последующая история погребальных церемоний начиная с конца Древнего царства — это повесть о постепенном присвоении частными лицами церемонии похорон фараона. Этот процесс сильно ускорился в первый промежуточный период, когда многие правители считали себя маленькими местными фараонами. В то же время растущая бедность породила необходимость замены расточительных аксессуаров погребений. Вместо раскрашенных рельефов из лучшего известняка с изображением процессии жителей имений, которые приносили покойному дары пивоваров, булочников и мясников, предлагали несколько статуй

слуг, грубо вытесанных из дерева, для исполнения всех обязанностей. Прямоугольные гробы, с наружной стороны украшенные наподобие домов, внутри были расписаны атрибутами, раньше сопровождавшими погребальные церемонии фараонов: коронами, посохами, скипетрами, юбками, удилами, передниками и шлейфами. Даже кобру, самый важный символ фараона, который он носил на лбу для того, чтобы метать огонь в глаза своих врагов, и тот изображали при погребении обычных людей. Эта всеобщая «узурпация» не ограничилась формами и эмблемами, а распространилась на ритуал погребения фараонов. В конце правления Пятой династии и во время Шестой в некоторых комнатах пирамид были сделаны магико-религиозные надписи, которые египтологи называют *текстами пирамид*. Они состояли из огромного набора сентенций, некоторые из которых определенно относятся к доисторическому периоду, когда вождь пировал на теле своего убитого врага и когда почитали богов звезд. Но большая часть заклинаний относится к культу солнца Гелиополя, жрецы которого составляли тексты. Когда эти тексты переняли местные властители и их высшие чиновники, ритуал был изменен так, чтобы им могли пользоваться частные лица. Были добавлены новые заклинания, относящиеся к современным событиям, а архаичные высказывания, которых уже никто не мог понять, были исключены. В бедных погребениях этого периода, в которых комнаты для приношений очень скромны или отсутствуют, возникла практика писать слова текстов иероглифами на внутренней стороне саркофага под раскрашенным фризом с аксессуарами; новые религиозные тексты получили у египтологов название «текстов из саркофагов». По-видимому, этот обычай возник в Гераклеополе и продолжился в течение всего Среднего царства, поскольку в некоторых гробницах фараонов стены украшены этими текстами.

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО

Одиннадцатая—Тринадцатая династии, приблизительно 2080—1640 гг. до н. э.

В период владычества уроженцев Гераклеополя властители Фив смогли получить полный контроль над пятью южными номами Верхнего Египта, включив их имена в картуши, как настоящие фараоны. Граница владений северян проходила возле города Абидоса, приобретавшего еще большее значение в качестве основной резиденции бога Осириса (см. ниже). Во время периодических сражений Абидос несколько раз переходил из рук в руки; когда фиванцы одержали верх над соперниками, их правитель Ментухотеп I стал фараоном. После нескольких лет жарких сражений он сделался первым полновластным хозяином объединенного Египта со времен правления Пиопи II.

Таблица E

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО (ОДИННАДЦАТАЯ-ТРИНАДЦАТАЯ ДИНАСТИИ)

Дата и годы правления до н. э.	Главнейшие фараоны	Основные города	Погребальные обычаи	Значительные события
Прибл. 2080	Одиннадцатая династия			
51	Ментухотеп I	Фивы	Тексты в саркофагах Большие скальные гробницы с пирамидами в переднем дворе	Объединение Египта
12	Ментухотеп II	Абидос		
Прибл. 1990	Двенадцатая династия			
30	Аменемхет I	Фивы	Гробницы фараонов в пирамидах	Развитие литературы Большие проекты по ирригации в Файюме. Восстановление зданий повсеместно. Окончательное подавление номархов Расцвет культа Осириса в Абидосе. Подчинение Нубии. Торговля через Библ с Сирией и эгейцами
44	Сенусерт I	Лишт Дахшур Лакхун Хавара	Частные погребения в мастабах и скальных гробницах	
18	Сенусерт II			
36	Сенусерт III			
50	Аменемхет III			
Прибл. 1785	Тринадцатая династия		Появление антропоморфных гробов	
	Множество фараонов. Возможно, отдельная линия правителей Западной Дельты, образующая			
Прибл. 1640	Четырнадцатую династию			

Его постепенное восхождение от провинциального властителя до «Владыки Двух Земель» отражено на погребальном монументе, построенном в Дейр-эль-Бахри, где ранние рельефы вырезаны в грубом, но привлекательном стиле, а более поздние создавались под изошренным влиянием Мемфиса. Следы его деятельности отмечены во многих номах, но он остался приверженцем культуры юга, сделав своей резиденцией Фивы. Ментухотеп I отпраздновал юбилей в тридцать девятый год правления, а всего пробыл фараоном пятьдесят один год, в течение которых сумел умиротворить свою страну и вернуть ей часть былого процветания. Старший из его выживших сыновей, Ментухотеп II, унаследовал объединенное и спокойное государство, населенное новым поколением людей, для которых гражданская война была легендой, и посвятил свое двенадцатилетнее правление искусству поддержания мира. В Пунт была направлена торговая экспедиция; произвели набор военной силы в количестве трех тысяч людей, выкопали колодцы, усмирили бедуинов и построили корабль в Красном море, предназначенный для перевозки смол. В Вади-Хаммамат резали камень на блоки, предназначенные для храмов, которые фараон построил в Абидосе и селениях поблизости от Фив. Некоторые из украшавших их рельефов сохранились, и по ним можно судить о том, что в то время продолжали традиции резьбы по камню, зародившиеся в последние годы правления Небхепетра, работая с еще большим мастерством, не превзойденным даже скульпторами Двенадцатой династии, которые тоже работали в этом стиле.

Как и в случае с долгим правлением Пиопи II, многолетняя власть Ментухотепа I создала некоторые проблемы в области династической преемственности; после смерти его сына страна снова погрузилась в анархию. Мы кое-что знаем об истории Ментухотепа III в этой династии: во время его короткого правления в Вади-Хаммамат отправилась экспедиция под командованием его главного советника и правителя юга, целью которой была добыча твердого камня для саркофага фараона, а затем снова начинаются тайны истории. В очередном проблеске мы видим, что уже правит этот главный советник под именем Аменемхета I, основоположник могущественной Двенадцатой династии.

Рис. 35. Плоская раскрашенная деревянная куклолка с волосами из нисок глиняных и фаянсовых бус. Теперь хранится в Эдинбурге. Приблизительно 2000 г. до н. э. Высота 8,5 дюйма

Он обнаружил, что править Верхним и Нижним Египтом не так легко. Фараон стал лишь первым среди страдавших завистью равных; например, номарх Гермополиса надменно начал датировать события по годам собственного правления, как верховный владыка. Трудности правления Аменемхета увеличил его старший сын Сенусерт, ставший соправителем фараона в двенадцатый год его правления, в который тот неожиданно умер. По словам Манефона, Аменемхет был убит собственным казначеем; в политическом трактате *«Поучение фараона Аменемхета»* также есть свидетельства жестокого конца классического памятника литературы. Тем не менее, наследники продолжали вести ту же политику. Была сделана решительная попытка покорить Верхнюю Нубию и Судан с помощью постройки линии укрепленных городов на пути к Семне. Высшая точка этой деятельности была достигнута в правление Сенусерта III, перестроившего большую часть фортов и так тесно связанного с этим районом, что в последующие годы его почитали как местное божество. В то время как южную границу страны передвинули дальше по течению с помощью политики бескомпромиссного захвата, северо-восточная граница, которую так часто нарушали азиаты, была усилена созданием ряда крепостей, установленных в стратегически важных точках, чтобы контролировать дороги на пути в Египет. В последние годы правления Сенусерт I, по-видимому, вел кампанию в Ливии, чтобы прекратить набеги на западные границы Дельты.

Рис. 36. Трехручный кувшин позднего минойского типа Ib, найденный в Саккаре, приблизительно 1480 г. до н. э., и кувшин позднего эллинского типа III, найденный поблизости от Лахуна. Приблизительно 1320 г. до н. э. Масштаб 1:3

Политическая активность, направленная на защиту рубежей, усилилась благодаря постоянным связям с Палестиной и Сирией, где повсюду находят предметы с именами фараонов Двенадцатой и Тринадцатой династий. *«Рассказ Синухета»* (см. ниже) позволяет нам отметить тот факт, что посланники фараона постоянно направлялись в Сирию, а склад азиатских сокровищ в храме возле Фив показывает, что торговля шла в обоих направлениях. Кроме того, у нас есть сведения о войне против азиатов в правление Аменемхета I и более решительной кампании во времена Сенусерта III. Но в общем отношения с Азией в этот период были мирными и обычно касались торговли. Из Библа или другого порта эгейские товары

попадали в Египет; они оставили свой след среди керамики в Абидосе и других местах. А на Крите были найдены египетские предметы времен Среднего царства. В центрах добычи полезных ископаемых Синая находятся свидетельства того, что фараоны стремились увеличить поставки медной руды и бирюзы. Широкий масштаб международной торговли говорит о том, что сам Египет процветал. Столица в Лиште находилась поблизости от Файюма, и фараоны Двенадцатой династии уделяли много внимания улучшению земли и работам в области гидравлических сооружений этого региона, превратив его в один из наиболее плодородных номов Египта. Сенусерт I оказался весьма энергичным строителем, основав новый большой храм в Гелиополе, где были воздвигнуты памятные обелиски в его честь. Один из них все еще стоит на своем месте. Он строил или перестраивал города по всему Египту, не пренебрегая семейной резиденцией в Фивах, чей таинственный бог Амон начал выходить на передний план, как гордо говорят имена нескольких фараонов этой династии. Фиванские строения времен Среднего царства более поздние фараоны использовали в качестве образцов. Недавно была реконструирована белая беседка из известняка, которую построил Сенусерт I для символического повторения главной юбилейной церемонии в Мемфисе. Лучшие качества, продемонстрированные архитекторами этого фараона, унаследовали их последователи: в правление Аменемхета III строительство и создание скульптур шло в колоссальных масштабах. К этому времени фараон снова получил неоспоримое превосходство благодаря политике своих предшественников, особенно отца, который уничтожил власть последней феодальной знати и свел ее к уровню чиновников.

Пятидесятилетнее правление Аменемхета III, последнего из великих фараонов Двенадцатой династии, принесло Египту новые проблемы. Следующая династия правила в сложное время, когда сменилось так много фараонов, что его трудно считать процветающим или мирным. Несмотря на фиванские имена многих правителей, столица осталась в Лиште. Временами отважным фараонам удавалось получить реальную власть; в древних центрах продолжалось строительство зданий, сохранилась торговля с Библом, но упадок художественных и технических решений, растущий недостаток идей и материалов говорят сами за себя. Существенным знаком является появление в перечне фараонов этой династии нескольких азиатских имен; в правление некоего Дудумоса произошло событие, удостоившееся специального упоминания Жозефуса, цитировавшего Манефона:

«Тутмос. При его правлении по причине, которая мне неизвестна, нас постигла кара Господа: неожиданно с востока появились захватчики невиданной расы, уверенные в победе над нашей страной. Они с легкостью захватили ее, одолев правителей; безжалостно сжигали города, сравнивали с землей храмы богов и жестоко обходились с местными жителями».

Так бесславно завершился второй период в истории египетской культуры, уничтоженной вторжением гиксосов (см. ниже).

Хотя номархи первого промежуточного периода переняли большую часть ритуала погребений фараонов, их по-прежнему хоронили в вырезанных в скале гробницах. С немногими исключениями эта практика сохранялась в течение всего периода Среднего царства. Правители Фив следовали этому примеру, высекая себе усыпальницы в западных холмах напротив Карнака; перед ними простирались большие кладбища. Ментухотеп I заложил свою гробницу в огромной бухте среди утесов Дейр-эль-Бахри, но ее проект несколько раз подвергался изменениям; возможно, в связи с растущими амбициями фараона. Окончательный вариант представлял собой смесь фиванского погребения его предков с традиционной пирамидой Древнего царства. Неизвестный архитектор проявил большую наблюдательность, красиво используя место стройки с естественными террасами и колоннадами. Примечательной чертой сооружения был макет гробницы с погребальной комнатой под пирамидой, в которой находилась статуя фараона в праздничном плаще, завернутая в полотно подобно мумии. Статуя была украшена красной короной. В пределах храма и поблизости от него в скале вырезаны гробницы для нескольких членов семьи и чиновников, включая шесть женщин; некоторая часть погребальной утвари сохранилась, а гробница самого Ментухотепа разграблена и уничтожена. Здесь же недалеко находится известная усыпальница его сводной сестры царицы Неферу с раскрашенными известняковыми рельефами и стенами, украшенными изображениями приношений, фризами с различными предметами и вариантами текстов из

саркофагов. При перенесении столицы из Фив на север в годы правления Двенадцатой династии вернулись свойственные Нижнему Египту формы гробниц фараонов, особенно вариант Сенусерта I, воздвигшего в Лиште строение, вдохновленное пирамидой Пиопи II не только по размеру, плану и схеме украшений, но даже по стилю рельефов. Фараоны Двенадцатой династии восстановили традицию строить мастабы для высших чиновников, но в более скромном масштабе. По правде говоря, с расцветом культа Осириса погребение рядом с фараоном стало формой анахронизма. Изначально этот бог, возможно, был азиатским покровителем кукурузы. Затем его отождествили с древним обожествленным вождем Джеду в Восточной Дельте, ставшей одной из его святынь. Но ко времени правления Пятой династии он начал принимать черты бога погребений Абидоса, ставшего знаменитым центром культа.

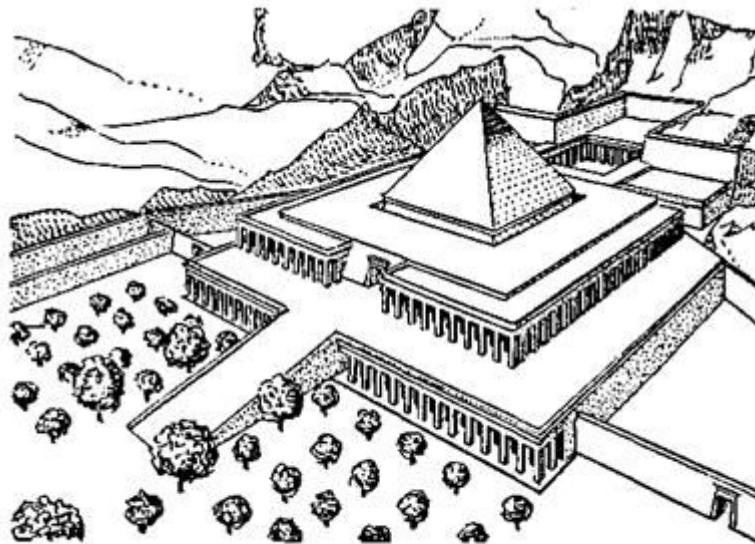

Рис. 37. Реконструкция погребального храма Ментухотепа I в Дейр-эль-Бахри, запад Фив. Приблизительно 2011 г. до н. э.

С усилением мощи фиванской династии в поздние годы первого промежуточного периода и с захватом Абидоса «притязания» Осириса сильно выросли. Из младшего бога сельского хозяйства и Нила во времена Среднего царства он превратился в бога мертвых. Покойному для обретения бессмертия присваивали его имя. Увеличение притязаний Абидоса видно по огромному богатству найденного здесь археологического материала; сотни стел с круглым основанием, обетные статуи частных лиц, кенотаф Сенусерта III. Культ Осириса был связан с жизнью после смерти, поэтому он получил судебную власть и стал верховным судьей мертвых, перед которым все странствующие души после смерти должны были отчитаться в своих делах на земле. Престиж фараона как божества, пошатнувшийся в последние годы Древнего царства, переживал дальнейший упадок, поскольку все достойные люди могли получить бессмертие в царстве божества Осириса, а не только те, кто при жизни знал фараона.

Упадок религии при Двенадцатой династии привел к расцвету литературы в этот период. Некоторые ученые, в особенности французский исследователь Познер, оценили эти писания как отчаянные попытки пропаганды божественной сути фараона. Первое произведение, известное египтологам как «Речение Неферти», возвращает читателя во времена фараона Снофру из Четвертой династии. Пророк Неферти был вызван ко двору, чтобы развлечь фараона «избранными речами». Он говорил о том, что произойдет на земле в отдаленном будущем:

«Я покажу тебе землю воющую и плачущую... Душа человека будет заботиться только о его благополучии... Каждый рот будет произносить: „Горе мне!“ Все добрые намерения исчезнут. Земля погибнет».

Но «Речение» заканчивается на более оптимистичной ноте:

«Из Верхнего Египта придет правитель по имени Амени, сын женщины юга... Он получит Красную корону и будет носить Белую корону. <...> Радуйтесь, люди его времени! Сын высоко рожденного обессмертит свое имя. Те, кто творит злые дела и

выдумывает козни, от страха перед ним замолчат... Будут выстроены стены, и азиаты больше не посмеют приходить в Египет. Они будут по обычаю просить воду для скота... Правое придет, а Неправое будет изгнано».

Амени из пророчества, без сомнения, является Аменемхет I, подчеркивается его приход к верховной власти для прекращения бед и анархии после исчезновения Одиннадцатой династии.

«*Поучение фараона Аменемхета*», о котором мы уже упоминали, относится к событиям конца его правления; по-видимому, он был убит собственным казначеем. Здесь мертвый правитель появляется в снах своего сына Сенусерта I, чтобы дать ему мудрые советы: «Берегись низших... Не верь брату, не заводи друзей и никого не подпускай близко...» Далее следует подтверждение этих высказываний на примере самого фараона, который не увидел от тех, кого возвысил, ничего, кроме черной неблагодарности. Фактически «*Учение*» представляет собой апологию делам фараона и восхваление его свершений. Кроме того, в нее входит оправдание некоторых жестоких мер, которые юный соправитель должен предпринять после внезапной смерти его отца.

Третье из этих пропагандистских писаний, «*Рассказ Синухета*», выполнена в характерной для Египта литературной форме истории успеха, рассказанной изящно, с драматической краткостью и юмором, который в состоянии оценить даже мы. Первая сцена открывается в лагере молодого соправителя Сенусерта I, возвращающегося из успешной ливийской кампании в тот момент, когда он получает известие о гибели отца. С немногими избранными спутниками новый фараон бросается в свою резиденцию, ничего не сообщая армии, но Синухет, чиновник на службе царицы, подслушивает ужасную весть и в панике бежит из лагеря, начиная так свою одиссею. Ученые пытались объяснить бегство Синухета его участием в дворцовой интриге по той причине, что рассматривали историю в качестве отражения исторических событий, а не видели в ней чистейшую выдумку. Оправдание, которое Синухет дает своему поведению, определяет весь сюжет: «Это была особая милость Бога... что-то вроде сна», и в таком состоянии он продолжает свои странствия. Судьба заносит его в Ливан, ко двору местного правителя Амуненши, который отдал Синухету в жены старшую дочь и пожаловал земли в своих владениях. Здесь он провел много лет, пока дети не подросли и не стали вождями своих племен. Синухет командовал войсками Амуненши и сильно расшил его владения, поразив в одной схватке бойца азиатов, подобного Голиафу. Тем не менее, он не потерял связи с Египтом и встречался с посланцами фараона. Они сообщили Сенусерту, что самым большим желанием беглеца является возвращение на родину, на службу его госпожи царицы. Фараон милостиво пригласил Синухета ко двору; роман завершает триумфальное возвращение блудного сына в родные пенаты.

«*Рассказ Синухета*» отличает подобие правдивости, поэтому история напоминает автобиографию с гробницы. Если не считать божественное вдохновение, побудившее Синухета бежать, в рассказе отсутствует характерный для более поздних египетских произведений мотив сверхъестественного вмешательства. Хотя события происходят в сказочной стране (для придворных Двенадцатой династии Азия была местом, где возможно все), персонажи действуют рациональным образом. Два персонажа — Синухет и Сенусерт I — ярко выделяются на общем фоне, начиная с первых параграфов, повествующих о триумфальном возвращении будущего фараона с войны, и заканчивая изящным письмом, приглашающим главного героя вернуться, и почестями, которые его ждали. Сенусерт изображен в виде преданного сына и отважного воина, покоряющего как своей любовью, так и мощью; в образе богоподобного правителя, щедрого и готового прощать.

Эти произведения и гимны в честь фараона образуют классическую литературу Египта; они помогали повысить престиж правителя в течение всего периода Среднего царства. Даже через пятьсот лет их с трудом вынуждены были заучивать школьники; цитаты из этих произведений неожиданно встречаются в надписях на монументах Нового царства. В пластическом искусстве этого времени возникла тенденция представлять фараона в виде сверхчеловека.

Статуи этого периода характерны тем, что изображают правителя в виде безжалостного царственного владыки народа, а позднее в качестве «добротного пастыря» своих подданных.

Большая часть этих произведений выполнена из твердого камня — обсидиана, гранита, кварца и базальта — с удивительным мастерством, как техническим, так и художественным, с замечательной внутренней силой.

Если скульптуры фараонов отличаются индивидуальным портретным сходством, изображения частных лиц выполнены не лучшим образом. Глубокое различие между величественными произведениями придворных скульпторов и посредственными работами для широкой публики подчеркивает пропасть между стоявшим во главе страны фараоном и массой его подданных, снова появившуюся к концу Двенадцатой династии. Но огромное количество обетных стел и статуй позволяет предположить, что за счет феодальных владык маленьким людям удалось повысить свое благосостояние.

Глава 7. ВТОРОЕ ПАДЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВО ВРЕМЕНА НОВОГО ЦАРСТВА

ВТОРОЙ ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ПЕРИОД

Четырнадцатая—Семнадцатая династии, приблизительно 1640—1570 гг. до н. э.

В прошлом ученые склонялись к тому, чтобы принять отчет Манефона о появлении гиксосов в Египте как описание внезапного вторжения орд завоевателей, несущих огонь и разрушение. В последние годы переосмысление материала заставило нас сделать новые выводы. Во-первых, археологические раскопки не дали точного подтверждения тому, что гиксосы вторглись в страну как завоеватели; керамика и укрепления, которые считались остатками их культуры, имеют, по общему мнению, другой источник.

Их культура или полностью соответствовала местной, или они очень быстро переняли обычаи египтян. Мане-фон, смущенный ложной этимологией, перевел слово «гиксосы» как «правители пастухов», но более точным было «правители нагорий». Под этим именем они были хорошо известны египтянам времен Среднего царства; к примеру, группа таких людей в их «многоцветных плащах» представлена в росписи гробницы в Бени-Хасане. Эти «правители нагорий» были всего лишь странствующими семитами, которые торговали с Египтом или приходили поклониться святыням и закупить кукурузу или напоить стада согласно освященной веками традиции.

Есть истории о том, как во время голода их продавали в рабство за кукурузу, или они сами нанимались на работу за еду и кров. Недавние исследования папирусов из Бруклинского музея и других документов показали, что в Египте было много азиатов, которые еще со времен первого промежуточного периода служили поварами, пивоварами, банщиками и т. д. Дети иммигрантов часто получали египетские имена и поэтому выпадали из нашего поля зрения. Известно, что при дворе Сенусерта II были азиатские танцоры и привратники, что говорит о том, что иногда иностранцам случалось занимать важные и доверительные посты. Нетрудно заметить, что к середине Тринадцатой династии энергичные и работоспособные семиты могли так же надежно устроиться в Египетском государстве, как греческие вольноотпущенники в имперском Риме. Голод и перемещения народов привели к крупномасштабному проникновению семитов в Дельту, особенно в период анархии, которая поразила Среднее царство. В результате могло образоваться государство Нижнего Египта во главе с азиатским правителем и чиновниками, незаметно присвоившими себе все функции правительства фараона.

По-видимому, именно это и произошло. На восточных рубежах Дельты образовалось княжество гиксосов со столицей в Аварисе, и азиатское влияние распространилось по Нижнему Египту до самого Мемфиса, пока практически без единого удара власть была выбита из рук последнего слабого правителя Тринадцатой династии. Правители гиксосов, которых мы знаем по именам, вероятно, основали Пятнадцатую и Шестнадцатую династии, переняв египетские титулы, костюмы и привычки, начали писать свои иноземные имена иероглифами и приняли привычные тронные имена. То, что в Нижнем Египте их воспринимали как законных правителей, ясно из того, что они входят в перечень фараонов, написанный во времена Рамессидов.

К XVI веку до н. э. в долине Нила, по-видимому, сложилась следующая политическая ситуация: Нижним Египтом правила династия фараонов-гиксосов, унаследовавших престиж и могущество египетских правителей; их влияние распространялось за пределы Дельты, на территории Синая и Палестины. Верхний Египет от Элефантины до местечка с севера от Асьюта наслаждался непрочной независимостью под владычеством фиванских правителей, плативших дань гиксосам. Области к югу от Элефантины (Нубия и Нижний Судан) тоже были независимы; ими правили властители Куша, но в союзе с гиксосами — это необычное положение вещей заслуживает пояснений.

Фараоны Среднего царства подчинили себе Судан вплоть до Второго порога и создали фактории за пределами этой границы до самой Кермы. Здесь расцвела удивительная гибридная культура, использующая как египетские технологии изготовления утвари из фаянса и металла, так и чужеродные материалы, такие, как слюда и раковины, а также местный дизайн. Еще в правление Аменемхета II Хапджефи, правитель этого района, создал для себя в родном Асьюте прекрасную гробницу и был погребен в Керме под большим курганом в окружении слуг и женщин. Их притащили сюда и задушили, чтобы они могли сопровождать своего господина в загробном мире. Если Хапджефи мог перенять такой варварский обычай, то нет ничего удивительного в том, что в течение нескольких поколений местные правители полностью усвоили местные обычаи и захотели получить независимость от рассыпающегося далекого Египта. Мощные крепости, выстроенные в правление Двенадцатой династии между Первым и Вторым порогом, были взяты штурмом и разрушены в течение первого промежуточного периода.

Если Манефон считал захват верховной власти гиксосами настоящей катастрофой, мы можем назвать его важным и плодотворным влиянием на египетскую цивилизацию, принесшим в долину Нила свежую кровь, новые идеи и технологии. В Египет вошла культура бронзового века Восточного Средиземноморья. Появилось множество новшеств. Еще во времена азиатских вторжений в Дельту при Древнем царстве появились прекрасные полусферические печати, которые в период Среднего царства превратились в традиционных египетских скарабеев, служивших амулетами. При гиксосах их производили в огромных количествах, а главное — во всеобщее употребление вошла бронза. С ней было проще работать, чем с медью, а для производства оружия и различных изделий она была эффективнее. В более поздней фазе войны за освобождение, которая в конце этого периода разыгралась между гиксосами и фиванцами, из Азии был вывезен полный ассортимент оружия, в том числе запряженные лошадьми боевые колесницы, доспехи и композитные луки, новые формы кинжалов, мечей и кривых сабель. Сомнительно, чтобы лошади и боевые колесницы были особенно эффективны в Египте, где разливы Нила и общая топография местности благоприятствовали водным операциям, но фиванцы использовали их возможности в войне против гиксосов. Азиатское происхождение колесницы можно проследить по сортам дерева, использовавшихся для ее создания, названий отдельных частей и, в конце концов, традиции использовать в качестве возниц азиатов. В число регалий фараона вошел шлем, который могли делать из кожи и обшивать металлическими бляхами — в Египте его называли Синею или Военной короной.

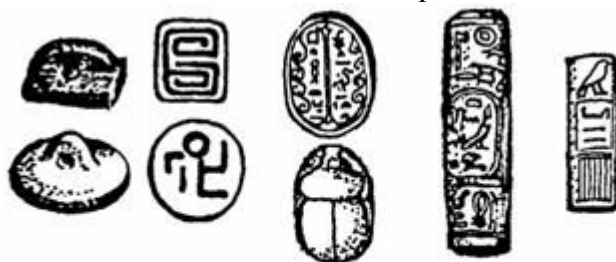

Рис. 38. Группа пуговиц и печатей из глазурованного стеатита с именами фараонов и частных лиц. Приблизительно 2100-й и 1780 гг. до н. э. Масштаб 2:3

Важными были улучшенные методы прядения и тканья с использованием вертикального ткацкого станка, новые музыкальные инструменты: лира, лютня, гобой и тамбурин. Из Азии импортировали горбатых быков — возможно, их привезли на кораблях, поскольку гиксосы поощряли оживление торговли. Кроме того, Египет получил оливковые и гранатовые деревья.

Рис. 39. Колесница, запряженная лошадьми. Рисунок чернилами на гробнице в Амарне. Приблизительно 1360 г. до н. э. Масштаб 1:10

Из-за бедности и недостатка хорошего дерева в Фивах того периода появились новые погребальные церемонии — в обиход вошли автономные погребения. Правда, эта перемена началась в конце Двенадцатой династии, когда в поминальных молитвах начались новые веяния: покойных рассматривали скорее в качестве душ, нежели материализованной сущности. В то же время под влиянием культа Осириса гроб в виде деревянного дома превратился в антропоморфный саркофаг, изображающий покойного в виде мумифицированного и воскресшего бога.

С появлением этого саркофага статуи в гробницах превратились в поминальные статуэтки. Первые экземпляры делали из воска, но к концу Среднего царства их начали изготавливать из камня или древесины священного фруктового дерева, исписывая целыми главами из так называемой Книги мертвых — сборника поминальных молитв и заклинаний. Статуэтки слуг помещались для того, чтобы заменить покойного, если на загробных полях Осириса нужно выполнить чересчур обременительный труд. В Египте с древнейших времен существовала своего рода барщина, когда рабочих сгоняли в больших количествах для выполнения общественных работ в критический момент разлива Нила. Естественно, все полагали, что в сельскохозяйственном царстве Осириса придется выполнять подобные обязанности, и, чтобы избавить покойного от насильственной работы, в гробнице устанавливали эти фигурки. К концу этого периода даже фараон, после смерти сливавшийся с Осирисом, подвергался такой участи, поэтому в его гробницу тоже помещали многочисленные фигурки. Недостаток древесины и изменения в религиозной доктрине повлекли за собой быстрое исчезновение прямоугольных гробов и появление антропоморфных саркофагов, которые стали вырезать из местного фигового дерева (из-за этого изделия выходили грубыми). Их расписывали изображениями, представляющими крылья матери-неба Нут, которую призывали защитить покойного, чтобы он оказался среди бессмертных звезд внутри нее.

НОВОЕ ЦАРСТВО

Восемнадцатая—Двадцатая династии, приблизительно 1570—1075 гг. до н. э.

Около 1600 года до н. э. некая Тетишери (маленькая Тети), дочь простого члена общины, вышла замуж за правителя Фив, признавшего господство властителя гиксосов Авариса. Внук крохотной и седой женщины стал фараоном объединенного Египта и самым могущественным владыкой своего века. Этот драматический взлет из лохмотьев к трону не обошелся без суровой борьбы. О ней сохранилось свидетельство, которое описывает, как сын Тети Секененра выиграл дипломатическое сражение у правителя гиксосов Апофиса. Но позже Секененра погиб на поле жестокой битвы. Все же последнее слово осталось не за Апофисом. Его старший сын Камее начал войну за освобождение, и нам повезло найти отчет о начале кампании на двух стелах, причем вторая была обнаружена только в 1954 году среди блоков фундамента в Фивах. Мы узнаем, что молодой фараон спустился по течению Нила во главе своего войска и штурмовал крепость Тети возле Гермополиса, переместив границу на расстояние двадцати лиг от Файюма.

В этой кампании он сумел захватить флот, перевозивший сокровища гиксосов, и перехватить посланника, которого Апофис отправил своему союзнику, владыке Куша, с просьбой ударить по армии Камеса с тыла.

Таблица Ж
НОВОЕ ЦАРСТВО (ВОСЕМНАДЦАТАЯ-ДВАДЦАТАЯ ДИНАСТИИ)

Дата до н. э. и срок правления	Основные фараоны	Погребальные обряды	Иностранные дела	Значительные события
1570 25 21	Восемнадцатая династия Яхмос Аменхотеп I		Нубия и Куш под властью египетского наместника	Введение в обиход бронзы и нового оружия, лошадей и колесниц
19 21 54 25 14	Тутмос I Царица Хатшепсут Тутмос III Аменхотеп II Тутмос IV	Фараонов погребали в сложных скальных гробницах	Новые зависимые территории в Палестине и Сирии Дипломатические отношения с Кипром, Анатолией, Вавилоном	Работа со стеклом Торговля с Пуном восстановлена
39 17	Аменхотеп III Аменхотеп IV (Эхнатон)	Частные погребения в фиванских скальных гробницах и других местах постепенно становятся редкостью.	Падение Каноссы Потеря влияния в Азии Возвышение хеттов	Провал попытки Эхнатона установить монотеизм Появление железного оружия
9 ?	Тутанхамон Хоремхеб			
1304 13 67 12	Девятнадцатая династия Сети I Рамсес II Мернептах	Тенденция появления самостоятельных захоронений в украшенных саркофагах. Магические погребальные тексты на свитках папируса (Книга мертвых)	Попытка разбить хеттов в Сирии. Союз Египта и хеттов. Падение Трои	Столица переходит из Фив в Пер-Рамсес Великое строительство
1181	Двадцатая династия			Армия рекрутирует наемников Упадок престижа фараонов
2 32	Сетнахт Рамсес III и восемь других Рамессидов		Этнические движения в Средиземноморье Закат хеттов Отражение ливийцев и «людей моря» Потеря зависимых государств Азии	Разграбление могил в Фивах Восстание в Среднем Египте
1075				

Ни Камее, ни Апофис не увидели конец этого дела; продолжать сражение пришлось Яхмосу; после долгой осады была уничтожена столица хеттов Аварис. Египтяне считали Яхмоса первым фараоном Восемнадцатой династии и основателем новой победоносной эры в истории. Для нас теперь очевидно, что рассказы о его победах были в известной степени тенденциозными. Гиксосов заклеили как иноземцев; по-видимому, Манефон составил свой рассказ по словам официального рассказчика из победителей-фиванцев, изобразив гиксосов в виде орды угнетателей. Яхмос сражался и в Финикии, а его потомок, великий фараон-воин Тутмос III, распространил влияние египтян до самого Евфрата.

Когда Египет начал агрессивно вмешиваться в дела Азии, возник прецедент, господствовавший столетиями. В этих военных операциях подавляющее превосходство было на стороне египтян, у которых была армия, проверенная в боях, с высоким боевым духом и впервые в истории сражавшаяся за национальный престиж. Более того, египтяне всегда были готовы занять поле в тот момент, когда азиаты собирались пожинать урожай. Их сирийские и ханаанские противники представляли собой неустойчивое объединение различных сил, которым не хватало общности. В Палестине, Ливане и Сирии политической единицей являлся город-государство, правивший территориями вблизи его стен и прятавший местное население в трудные времена. Эти государства, как и их итальянские аналоги эпохи Ренессанса, вели между собой постоянную борьбу. Иногда под предводительством самого энергичного и умелого правителя коалиция государств добивалась успеха, но он вызывал обратную реакцию, и союз распадался. Но эти небольшие территориальные единицы, не приветствуя вмешательства «большого брата», всегда готовы были повернуть события в свою пользу. Клятвы верности давались обоим и менялись без особого сожаления.

Первые набеги египтян на Западную Азию произвели впечатление на местных правителей, которые поспешили выказать покорность, прислав дань; однако к тому времени, как Тутмос III начал единолично править страной, большая часть их доброй воли улетучилась под влиянием новой силы. По большей части это были хурриты, которыми правила арийская аристократия, почитавшая индоевропейских богов и обитавшая в окрестностях Евфрата. На востоке их притязания ограничивала молодая нация ассирийцев, на западе — хетты (смешанный народ, занимавший большую часть территории Анатолии).

Тутмосу III пришлось организовать семнадцать кампаний за двадцать лет, пока его претензии на влияние в Палестине и Сирии не были признаны законными. В ходе этой войны Египет был вынужден организовать азиатскую сферу влияния, создав в стратегически важных точках гарнизонные города и забрав сыновей местных правителей в метрополию в качестве заложников, обеспечивающих лояльное поведение их отцов. Их растили вместе с детьми фараона и воспитывали из них слуг своего господина, стоящих у его трона. Со временем мальчики должны были вернуться на родину и править своими государствами, получив знаки величия из рук самого фараона.

Но к 1370 году до н. э. под властью способного правителя Суппилулиумса удача повернулась лицом к хеттам, и они покорили Сирию, продвигаясь затем на юг. В этот момент Египет не смог оказать активного противодействия хеттам, поскольку власть находилась в руках эксцентричного фараона Эхнатона, внимание которого по большей части занимала отдаленная столица. Постепенно египетское влияние на сирийскую политику уменьшалось; следующие фараоны Восемнадцатой династии вряд ли могли что-то сделать для его восстановления.

В это же время вассальные государства юга (Нубия и Куш, который в Библии называли Эфиопией) оказались под властью Египта. Ранние фараоны Восемнадцатой династии постоянно совершали набеги на эти регионы и перенесли границу в этом направлении до самого Напата, близ современного Гебел-Баркала. Теперь вся территория оказалась под управлением высшего чиновника, назначаемого фараоном и отчитывающимся перед ним в своих действиях. Под мирным эффективным правлением район процветал: работы по орошению повысили его плодородность, были построены новые города и не меньше дюжины новых храмов, некоторые огромного размера. Египтизация Нубии и Куша оказалась такой успешной, что к концу Нового царства их правитель уже активно вмешивался в дела метрополии. Продукты производства этих стран повысили благосостояние Египта, особенно это касается запасов золота, слоновой кости,

скота, смол и полудрагоценных камней.

Большую часть тех же товаров можно было получить в ходе торговли с Пунтом, наличие которой всегда говорило о здоровье и силе Египетского государства; в этот период путешествия туда стали обычным делом. Первая из этих экспедиций в правление Восемнадцатой династии при царице Хатшепсут подробно представлена на барельефах ее гробницы. Здесь мы видим флотилию из пяти крупных судов, плывущих из порта в Красном море и прибывающих в Пунт, где люди живут в хижинах на сваях; египтян, предлагающих товары, которые искатели приключений всегда сбывали в Африке: нити бус, топоры и оружие; триумфальное возвращение домой с золотом, слоновой костью, гориллами и драгоценными мирровыми деревцами, аккуратно посаженными в корзины до прибытия в Фивы.

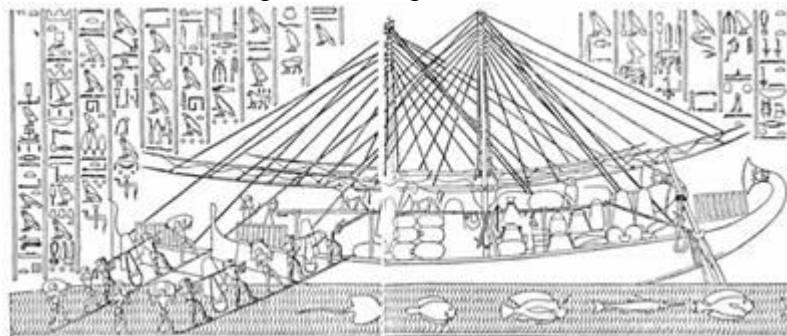

Рис. 40. Загрузка египетского корабля в Пунте местными товарами. Рисунок с рельефа в храме Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри. Приблизительно 1478 г. до н. э.

Приход Девятнадцатой династии изменил отношение к делам в Западной Азии. В первый год своего правления Сети I решил следовать обычаям ведения кампаний, которых придерживался Тутмос III, и отвоевать сирийские доминионы. Он добился успеха, восстановив власть Египта в Ханаане и захватив ключевую крепость Кадеш, но в битве с хеттами не получил окончательного перевеса: вновь помериться силами с главным врагом страны пришлось его сыну Рамсесу II. В пятый год его правления египетские силы попали в ловушку, расставленную правителем хеттов к северу от Кадеша и были спасены от гибели только неожиданным прибытием одной из армейских частей и личным мужеством Рамсеса, который без остановки разил врага, стараясь поддержать дух деморализованных солдат. Позже в Северной Сирии не происходили стычки с хеттами, а начали устанавливаться дружественные взаимоотношения, нашедшие окончательное выражение в оборонительном союзе, оставившем заметную веху в истории дипломатии. Этот договор, хеттская и египетская версии которого сохранились в виде гравировки на серебряной табличке, признает обе стороны равными; их сферы влияния тщательно определены, причем Южная Сирия отошла к Египту, а Северная — к его союзнику. Каждая сторона клялась не поддерживать врагов другой, есть также статьи о выдаче преступников и политических эмигрантов.

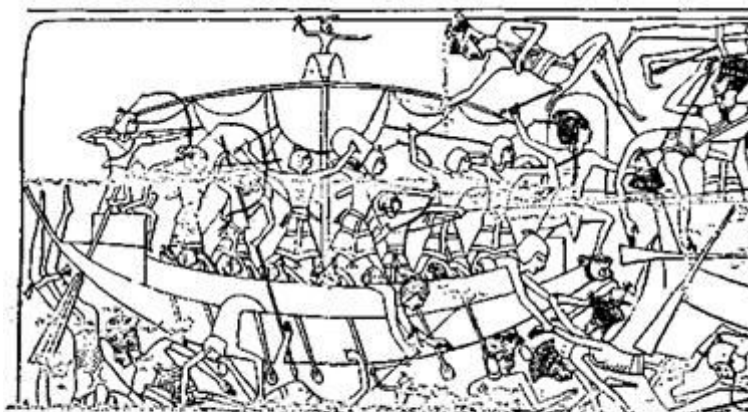

Рис. 41. Египетский военный корабль с гребцами, защищенными большими планширями, и солдаты в шлемах. С рельефа в храме Рамсеса III в МадINET-Хабу. Приблизительно 1170 г. до н. э. Масштаб 1:20

Возможно, что оба государства осознали тщетность войны друг с другом перед лицом общей угрозы. Никто из них не мог предположить, что стоит на пороге новой эры, которая полностью изменит облик культуры Средиземноморья и вызовет к жизни мир классического периода. Причиной великого переселения народов, по-видимому, был рост населения Балкан и регионов Черного моря, вытеснявших уроженцев островов и Средиземноморья, которые жили там до греков. Вскоре после 1400 года до н. э. Минойская империя Крита была завоевана ахейцами с материка, и практичные искатели приключений из морских народов смогли достичь побережья Африки и заключить союз с местными племенами берберов. Беспокойство добавляла растущая засушливость региона, и поколения египтян в течение следующего столетия вынуждены были отбивать попытки коалиции ливийцев и приморских народов занять богатые земли Западной Дельты. В правление Сети I набеги отражали без особого труда, но при его внуке угроза стала более масштабной, захватчиков удалось изгнать только после ожесточенной борьбы. Эта доставшаяся с трудом победа дала Египту почти полстолетия мира, нарушаемого только рейдами ливийцев, но в течение этого периода боевой дух державы подрывали династические споры, следовавшие за долгим правлением Рамсеса II. Несмотря на это, Рамсес III стал первым великим фараоном Двадцатой династии; ему пришлось ценой огромного кровопролития отразить два вторжения из Ливии, поддерживаемые филистимлянами, приходившими со своими семьями, скотом и всем домашним скарбом. Даже два катастрофических поражения не отучили этих жадных до земли людей от мечты поселиться в Египте, и партии иммигрантов просачивались через границы, нанимаясь в египетскую армию и формируя влиятельную военную касту. Их потомки стали такими могущественными, что вмешивались в политику страны и сформировали две собственные династии.

Исчезновение угрозы со стороны Ливии позволило Рамсесу III собрать все свои резервы для отражения массового вторжения с земли и моря на восточной границе. Великое переселение приморских народов уже затронуло Сирию, в то время как хетты в Анатолии боролись с фригийскими захватчиками. Египетские наземные силы встретили нового врага в Финикии и отбросили его назад, но ненадолго; вскоре после окончания правления Рамсеса III филистимляне завладели прибрежными районами Палестины. Вторгшийся флот был отрезан в одном из устьев Нила и в первом крупном морском сражении, о котором мы знаем, почти полностью уничтожен. В границах Египта эти оборонительные войны имели успех, но что касается буферных владений в Азии, то преемникам Рамсеса III пришлось их оставить. Заплатив некоторую цену, Египет сохранил свою целостность. Он избег проникновения новой крови и новых идей, которые омолодили народы Ханаана и создали отважные финикийские города-государства. Он же продолжал существовать анахронизмом бронзового века в мире, который постепенно уходил дальше.

Цивилизация Нового царства выглядит самой развитой в египетской истории и самой близкой нам благодаря обилию сохранившегося материала. Его великие фараоны больше чем просто имена; у нас есть многое из того, что принадлежало им: их скипетры, оружие, колесницы, украшения, даже коробки с красками и игрушки. Можно даже взглянуть в сморщенные лица, некогда державшие мир в страхе. Голоса этого мира многочисленны и разнообразны: у нас есть размеренные строфы времен Тутмоса III и Мернептаха, похожие на псалмы напевы гимнов Эхнатона и самое близкое к эпосу произведение, написанное египетским поэтом в честь победы Рамсеса II в битве при Кадеше. Существуют веселые поэмы, посвященные возведению на трон фараонов и прекрасным городам, которые они построили; лирические песни для лютни, описывающие страдания разлученных возлюбленных или их радость от возможности быть вместе в некоем восточном раю. На росписи из гробницы, хранящейся в Британском музее, изображены певцы и танцоры на пиршестве и слова вечной весенней песни:

«Бог земли поместил свою красоту в каждую плоть. Создатель сделал это двумя руками, исцеляющими, как и его сердце. Каналы снова наполнены водой, и страна наводнена его любовью».

Более саркастическую нотку вносят аллегории наподобие *«Ослепления Правды Ложью»*

и «Спора между Телом и Головой», сборники, восхваляющие профессию писца, или «Литературный спор», в котором высказываются претензии одного ученого мужа и описано учение его соперника.

Войны за освобождение и борьба с завоевателями вызвали к жизни множество популярных романтических историй. Кроме того, были созданы автобиографии, книги пословиц и максим в традиции «учений» более раннего периода; отчеты о различных событиях, гороскопы, толкования сновидений; поврежденный, к сожалению, перечень фараонов; множество юридических документов на папирусе: завещаний, брачных договоров, интересные бумаги государственной комиссии, расследовавшей дворцовый заговор, который привел к гибели Рамсеса III. Возможно, к той же категории следует отнести «Приключения Венамона» — рассказ о несчастьях, постигших служителя Амона, который отправился в Ливан на закате Нового царства для закупки кедра на постройку барки бога. По красочности описания персонажа и силе повествования это произведение не имеет себе равных в литературе доклассического периода.

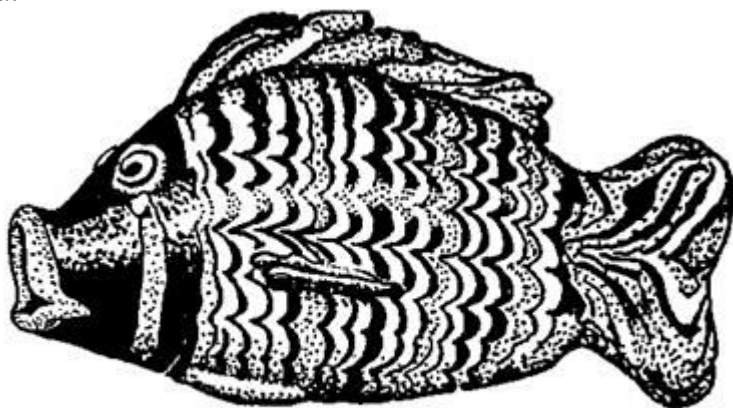

Рис. 42. Бутылка в форме нильской рыбы из белого, желтого, черного и синего стекла. Амарна, теперь хранится в Британском музее. Приблизительно 1350 г. до н. э. Длина 3 1/4 дюйма

До нас дошло большое количество художественных материалов, от колоссальных гранитных и кварцевых статуй до мелких предметов роскоши из слоновой кости и золота. Появились новые материалы. По-видимому, при дворе фараона теперь содержали фабрики по производству сосудов из великолепного многоцветного стекла; мастера достигли совершенства в изготовлении имитаций полудрагоценных камней для бижутерии и инкрустации мебели. Важной частью архитектурных украшений (в особенности во времена Рамессидов) были мелкие детали из фаянса различных цветов. Искусство золотых дел мастеров вряд ли достигало высокого уровня придворных ювелиров Двенадцатой династии, но зато в этот период изобрели способ красить золото в тона от розового до малинового. Изготовление гобеленов, ткацкое дело и вышивание внесли новый вклад в создание роскошной одежды; правда, сохранившиеся экземпляры находятся в очень плохом состоянии. Богатый клад из гробницы Тутанхамона дал нам потрясающие образцы дворцового искусства того периода в его высшем проявлении и познакомил с умением ремесленников, чей вкус иногда склонялся к безудержной роскоши в стиле рококо.

Все это сохранилось благодаря тому, что основатели Нового царства происходили из Фив, сделали город своей основной столицей, щедро складывали свое богатство к ногам бога Амона и здесь же находили успокоение после смерти. Традицию использовать для погребения вырубленные в скалах Западных Фив склепы заложил Аменхотеп I и продолжили его последователи, следующие четыре столетия строившие себе усыпальницы в Долине царей. Другие места впоследствии использовали для погребений некоторых цариц и их детей. Придворным чиновникам даровали право погребения в ближних холмах согласно старой традиции. Раскрашенные стены их усыпальниц рисуют нам картины жизни в период правления Восемнадцатой династии: прием фараонами послов с подарками из Ливии, Сирии, Палестины; процедуру формального возведения на трон; военные сцены и охоту; процессию, идущую к гробнице, и последующие ритуалы. Позднее темы рисунков отходят от языческого наслаждения жизнью и ее радостями, появляется больше изображений погребальных сцен и

магических мистерий; возможно, это изменение украшений гробниц фараонов вызвано изменением общего настроения в стране. В связи с таким оживлением деятельности близлежащая деревушка превратилась в город, который теперь называется Дейр-эль-Медина. В нем поколениями жили работники некрополей; из развалин этого поселения появилась большая часть фиванских изделий, ныне хранящаяся в наших музеях. Хорошую сохранность артефактов Нового царства практически целиком следует отнести на счет сухого климата Фив.

Рис. 43. Деталь панели Тутанхамона, теперь хранится в Каире. Приблизительно 1345 г. до н. э. Высота 6 дюймов

Фараоны Восемнадцатой династии согласно устоявшейся традиции имели резиденцию на севере, а также вблизи Мемфиса. По-настоящему украшение Фив началось с приходом к власти царицы Хатшепсут, узурпировавшей власть по причине отсутствия прямых наследников по мужской линии и заставившей «две земли работать на нее, согнув спину». Особенно она была привержена культу Амона, чей оракул подтвердил ее притязания на трон; царица выстроила ему прекрасный храм в Дейр-эль-Бахри. Ее архитектор и фаворит Сененмут, безусловно, находился под влиянием близлежащего храма Ментухотепа I, но разработал более совершенный архитектурный проект строения, которое даже в развалинах остается одним из наиболее примечательных древнеегипетских зданий. Архитекторы и скульпторы, обученные на новейших проектах царицы Хатшепсут, жили и при ее преемнике Тутмосе III, долгое и богатое (благодаря военным успехам) правление которого ознаменовалось оживленным строительством. Высшая точка этого развития была достигнута при Аменхотепе III, посвятившем большую часть своего правления, длившегося почти сорок лет, искусному поддержанию мира. Его постройки в Фивах даже в нынешнем виде впечатляют, а некогда они были украшены золотом и серебром; кроме того, мы можем прочесть о «многочисленных статуях фараона из гранита, кварца и другого красивого и дорогого камня, воздвигнутых в качестве вечных памятников и сияющих в глазах людей подобно утреннему солнцу». Он украсил храм Мут приблизительно шестьюстами статуями львиноголовой богини Сехмет —

эти статуи, которые затем присваивали себе более поздние фараоны, можно найти практически в любой крупной коллекции египетских древностей. При нем появляются гигантские хранилища статуй, из которых самими знаменательными являются, пожалуй, два парных колосса, до сих пор высящихся над Фиванской равниной перед исчезнувшим порталом его погребального храма, разрушенного Мернептахом. Статуя Мемнона была известна в классический период тем, что «пела» на рассвете до тех пор, пока в правление Септимия Севера толчок землетрясения не заставил ее замолчать. Храм Аменхотепа III все еще стоит, как и другие великие монументы того времени.

Рис. 44. Часть древнего плана гробницы Рамсеса IV в Долине царей, выполненного на папирусе. Приблизительно 1140 г. до н. э.

Все это великолепие начало переживать упадок в короткое, но полное катастроф правление Эхнатона, кульминацией которого стало его святотатственное преследование Амона, в ходе которого имя и фигуру бога сбивали молотами с любых монументов, даже самых незначительных. Позднее, когда Тутанхамон пытался вернуть традиции прошлого, он обнаружил, что храмы страны от юга до севера заброшены, в святилищах растет трава и кладбища вытоптаны. Тем не менее Рамессиды следующей династии сумели восстановить многое из разрушенного: Сети I восстановил фиванские здания, украсил Абидос и другие центры. Его сын Рамсес II был самым знаменитым фараоном-строителем; почти половина сохранившихся в Египте храмов датируется временем его правления. Его погребальный храм в Фивах, вырезанный в скале храм в Абу-Симбел и множество других строений удовлетворили бы человека с меньшими запросами, но он еще перевез статуи и монументы более ранних династий для украшения новой столицы Пер-Рамсес, где найдено много сокровищ. Большая часть этих трудов, в особенности относящихся ко второй половине его правления, была лишена серьезного смысла, но этот фараон оставил о себе поразительную легенду о своих сверхчеловеческих качествах, и потомки могли только пытаться стать хотя бы его бледной тенью. Рамсес III скопировал большую часть украшений и текстов своего погребального храма в Мединет-Хабу с Рамессеума, хотя барельефы с изображением фараона, охотящегося за дикими животными и врагами, оригинальны. Этот храм включал в себя дворец, административные здания, казармы, хранилища, сады и бассейны. Они были окружены огромной стеной, а главный вход представлял собой укрепленное строение. Фактически он служил крепостью для защиты населения Западных Фив в трудные времена последних лет правления Двадцатой династии. В конце концов его захватили «иностранцы», но были это нубийские войска правителя Куша, пытавшиеся поднять восстание в Среднем Египте, верховный жрец Амона или мародерствующие ливийцы, мы не можем знать.

Это беззаконие явилось одним из многочисленных признаков упадка, но все же гробницы фараонов все еще могут представить богатый материал для исследований. На архитектурном плане гробницы Рамсеса VI, который нашли в виде рисунка на папирусе, показано, что его собирались снабдить полным набором мебели, включая пять позолоченных сосудов вокруг огромного гранитного саркофага. Еще один отличный саркофаг из гранита, сделанный для того же фараона, и другой, принадлежащий его отцу, Рамсесу III, подтверждают силу традиции, позволявшую правителю распоряжаться огромными ресурсами даже в период видимого упадка.

Под властью воинственных фараонов начала Восемнадцатой династии египтяне неожиданно ощутили вкус к сражениям. Появились профессиональные солдаты, в отличие от насильственно забранных в армию крестьян.

Азиатские кампании принесли в долину Нила много экзотических новинок: странных людей, моды, ханаанские слова и выражения, чужие культы (например, поклонение Ваалу и Астарте). Тутмос III ввез из Сирии растения и животных для украшения созданных в Фивах ботанических садов. Все это расширило горизонты египтян и внушало оптимизм. Но неизменные победы военной машины Аменхотепа III взрастили в сердцах людей привычку к легкому успеху, плохо помогавшую справиться с бедами второй половины этого периода. Египтяне предпочитали дать возможность сделать военную карьеру амбициозным чужеземцам, и вскоре армией по большей части командовали наемники — нубийцы, суданцы, ханаанниты, сардинцы, ливийцы и другие. Азиаты занимали в государстве высокие посты: в конце Двадцатой династии один из них фактически правил страной. Коренные жители больше склонялись к профессиям жрецов и писцов; довольствовались тем, что занимали или создавали удобные бюрократические должности, которые могли передать своим сыновьям.

Недостаток предприимчивости — один из симптомов постепенного окостенения египетского общества, возник консервативный взгляд на жизнь, который полностью завладел мыслями жителей. Постепенно создались касты профессиональных солдат, жрецов и чиновников, объединенные бюрократической системой. Перемена лучше всего проявилась в украшении гробниц, где веселые сцены повседневной жизни заменили темы погребальной мифологии. Тем не менее, позднее люди начали возвращаться к прежней практике до тех пор, пока даже в самых богатых склепах не остался только саркофаг (или несколько саркофагов), расписанный несколькими религиозными сценами и текстами. В последующие периоды существования Египта фараонов это стало обычным. Кроме того, там могла находиться копия Книги мертвых и набор амулетов или фигурок слуг, поскольку акцент теперь ставился на магии.

Глава 8. УПАДОК И ПОДЪЕМ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД

Двадцать первая — Тридцать первая династии, приблизительно 1075—332 гг. до н. э.

Вести из Фив последних лет Двадцатой династии повествуют об истории общего упадка. По-видимому, живший в Пер-Рамсес фараон редко навещал свою южную столицу, и правление Фивами перешло к небесному владыке Амону-Ра, передававшему свои эдикты посредством жрецов, во главе которых стоял верховный жрец. Что касается положения дел в Западной Азии, то побережье Палестины твердо держали в своих руках филистимляне, которым обеспечивала превосходство оружия монополия на железо. Морское господство перешло к ханаанитам из Финикии. Количество незанятых профессиональных солдат из наемников усиливало общую ситуацию беззакония. Когда к этому добавился голод, вызванный низким разливом Нила, нет ничего удивительного в том, что чиновники пеклись о своих собственных интересах, забывая о честности, а впавший в отчаяние народ поднимал жестокие восстания. Но самым важным фактором распада был крах веры в фараона как в божество, правящее людьми. Гробницы правителей в Фивах с их сказочными сокровищами всегда соблазняли безрассудных людей решиться на воровство. Теперь оказалось, что их грабили систематически (возможно, с ведома чиновников), поэтому из тридцати гробниц фараонов только одна, принадлежавшая Тутанхамону, осталась почти нетронутой. Египтяне, такие кипучие и оптимистичные в начале правления Восемнадцатой династии, лишились энергии. Почтение к фараонам еще сохранялось (больше по привычке, нежели в качестве символа веры), но монархия превратилась в военную диктатуру, стабильность которой зависела от наемников, а последующие ливийские, кушитские, персидские, греческие и римские династии держались у власти лишь до тех пор, пока могли защищать ее силой оружия от других воинственных претендентов.

*Таблица 3
ПОЗДНИЙ ПЕРИОД (ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ — ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ДИНАСТИИ)*

Дата до н. э. и годы правления	Основные фараоны	Главные центры	Иностранные дела	Значительные события
1075 45	Двадцать первая династия Смендес I	Танис Фивы	Дорийское вторжение в Грецию. Рост Финикии Подъем Израиля	Владычество Дельты Ливийские наемники достигли власти
940 21 36 54	Двадцать вторая — Двадцать третья династии Шешонк I Осоркон Петубастес	Бубастис Танис Фивы Гераклеополь	Разграбление Храма в Иерусалиме	Куш независим Работы мастеров по металлу и фаянсу Растущая анархия в Египте провоцирует нападение кушитов
830 5 751	Двадцать четвертая династия Бакенрнеф Двадцать пятая династия	Саис	Восстановление власти ассирийцев Тиглатпаласар III	Культе Амона доминирует в Напате и Фивах. Перестройка

Дата до н. э. и годы правления	Основные фараоны	Главные центры	Иностранные дела	Значительные события
35	Пианхи	Напата (Судан)		в Фивах и других местах
15	Шабака	Фивы	Вторжение ассирийцев в Египет	Любители древностей изучают прошлое
20	Шабатака	Танис	Разграбление Фив	Оживление в искусстве и ремеслах
26	Тахарка		Изгнание кушитов	Вознесение Амона
664	Двадцать шестая династия		Достижение независимости от Ассирии	Прозеллинизм
54	Псамметих I	Саис	Путешествия в Финикию. Торговля с Грецией.	Греческие наемники на службе у фараонов
15	Нехо II	Эдфу	Антиперсидские интриги	
6	Псамметих II	Саккара		
19	Априй (Узнибра)	Дафне		
44	Амасис	Навкратис		
525—404	Двадцать седьмая династия (Персидская)		Завоевание Египта Камбисом	
404—398	Двадцать восьмая династия			Сопротивление персам, ослабленным династическими войнами
7	Амиртей	Саис	Освобождение с помощью греков	Последний расцвет национальной культуры
398—378	Двадцать девятая династия		Союз против Персии	
13	Акорис	Мендес		
378—341	Тридцатая династия	Себеннит	Отражение персидского нашествия (Фарнабаз)	Последний фараон-египтянин
19	Нектанеб I	Бубастис	373 г. до н. э.	
341—333	Тридцать первая династия (Персидская)	Эдфу	Повторное завоевание Египта персами	
331	Александр Македонский		завоевывает Персидскую империю	

После таинственной смерти Рамсеса XI страна распалась на две половины: одна династия правила в Танисе, а другая семья, которая получала высочайшие посты в иерархии служения Амону, управляла Фивами. Браки между членами этих двух семей заново объединили Верхний и Нижний Египет под властью одного правителя, но процесс был чисто номинальным. В обеих частях страны при ослаблении верховной власти всегда возникала тенденция к приобретению независимости. Каждая новая династия начинала свою жизнь, воскрешая старую мечту об азиатской империи, которая упоминается в Ветхом Завете, и вмешиваясь в дела региона везде, где только возможно. Между тем эти кампании мало отличались от вооруженных рейдов, приносящих временную славу. Когда египетские вооруженные силы сталкивались с серьезно обученным единым врагом, превосходящим их в оружии (например, с ассирийцами, вавилонянами и персами), они неизменно терпели поражение. Это порождало неуверенность в народе и сомнительную славу разобщенного государства.

В 940 году до н. э. семья ливийского происхождения, поселившаяся в Гераклеополе, стала такой влиятельной, что вошла в милость к правителям Таниса и унаследовала престол фараонов, основав Двадцать вторую династию. Первый из этого рода, энергичный правитель Шешонк, вторгся в Палестину и разграбил богатый сокровищами храм Соломона, немного восстановив престиж Египта. Впрочем, ливийские династии кончили разладом и раздором; когда кушитский правитель отправился из Напаты на штурм Египта во имя порядка и ортодоксии, то не встретил серьезного сопротивления. С конца Двадцатой династии Нубия и Куш (библейская Эфиопия) постепенно превращались в независимые государства, где строго блюли культ Амона. Набожные владыки кушитов почитали провинциальную версию египетской культуры, стремясь вернуться к классическому искусству Среднего царства. Они

оказались энергичными строителями, что особенно ярко проявилось в Фивах, и внесли некоторое подобие порядка в дела Египта, хотя страна была далека от единства. Интриги Тахарки, сына кушитского правителя, привели к столкновениям с ассирийцами, которые дважды шли на Египет и, наконец, разграбили Фивы. При преемнике Тахарки Тануатамоне они добрались и до его кушитского домена, правители которого со временем все больше африканизировались и переставали влиять на положение дел в Египте.

Осоркон III применил политику нейтрализации могущественных Фив способом избрания одной из женщин высшего рода Божественной супругой Амона, которую продолжили его последователи. Такие супруги правили с помощью своих советников, из которых самым знаменитым стал Ментуэмхет, управлявший Фивами в сложные времена ассирийского вторжения и ставший одним из главных покровителей нового искусства, расцветшего между двумя персидскими завоеваниями.

Самый долгий период «бабьего лета» настал при Двадцать шестой династии, когда семья из Саиса дала раздираемой бедами стране более столетия порядка и процветания. Псамметих I освободился от владычества Ассирии, занятой своими проблемами.

У Псамметиха I была дочь, которую сделали Божественной супругой Амона; на ключевые посты в Эдфу и Гераклеополе он назначал своих людей, чтобы следить за ситуацией в Фивах. Кроме того, он обуздал ливийскую военную касту с помощью ионийских, карийских и лидийских наемников. С опытными военными, обладая сильным флотом (скорее всего, финикийским), саисские династии правили как хорошие коммерсанты, восстанавливая богатство страны путем организации торговых предприятий, создав прецедент экспорта египетской кукурузы и шерсти, которым позже в больших масштабах воспользовался Птолемей. В интересах торговли Нехо начал постройку канала от Нила к Красному морю и отправил финикийцев в плавание вокруг Африки. Однако подданные никогда полностью не поддерживали политику саисских династий. Милости, оказываемые греческим пророкам, женам, торговцам и солдатам, вызывали зависть и недовольство; когда перс Камбис вторгся в страну, она не оказала особого сопротивления. Персы организовали свою империю с тщательностью, которой недоставало предыдущим завоевателям, и почти двести лет правили Египтом с помощью умелых помощников, не считая небольшого промежутка, когда египетский правитель при поддержке греков на полвека сумел вернуть стране независимость. Это была последняя судорога умирающего Египта фараонов, после которой остался забальзамированный труп, перешедший к персидским правителям, греку Птолемею и римским императорам.

Поскольку резиденции фараонов позднего периода практически полностью были уничтожены или лежат под илом Дельты, отсутствие остатков материальной культуры вызывает у нас ощущение общего упадка и бедности. Тем не менее, существуют указания на то, что если новая династия обладала мужеством и богатством, то покровительство двора могло стимулировать ловкие пальцы египетских ремесленников для создания произведений искусства. Погребения фараонов в Танисе показывают, что современное искусство способно было не только опираться на достижения прошлого, но и поддерживать высокий уровень исполнения. Во времена ливийских династий придворные художники, проявлявшие мастерство при работе с бронзой, серебром и золотом, процветали, но из последних работ сохранилось немного. Возможно, эти ремесленники создали чаши на ножках из синего фаянса.

Кушитские фараоны с их консервативным вкусом имели склонность к следованию прошлому, присущую и следующим династиям. Ностальгический взгляд в ушедшее время характеризует весь поздний период, когда считалось, что вдохновляться можно только великими идеалами прошлого. Интенсивное копирование былого шло в саитскую эпоху, но произведения искусства этого периода все-таки обладают определенной привлекательностью. Техника, особенно в области резьбы по твердому камню, безупречна, но все же стиль довлел над содержанием. Египет неудержимо погружался в прошлое, уходя от мира, где его ждал упадок. Монашество, так ярко выраженное в христианском Египте, уходит корнями в поздний период.

Глава 9. ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

ФАРАОН

Часто цитируемая фраза о том, что Египет — это дар Нила, верна, но не в меньшей степени древнее государство было созданием фараонов. Происхождение этого института восходит к доисторическому периоду, когда североафриканские кочевники зависели от дождя, делавшего плодородными пастбища, и в жизни племен жизненно важную роль играли те, кто умел их вызывать. Самые ранние фараоны изображались в виде пасторальных вождей с посохом и звериной шкурой на спине, которая позже стала их церемониальной одеждой. Как и других «божественных» правителей, в доисторические времена их ритуально убивали, когда сила уходила из тела, затем, вероятно, расчленили и хоронили или сжигали, а золу развеивали, чтобы сделать плодороднее почву. В исторический период этот первобытный ритуал заменили магическими церемониями, призванными омолодить монарха. Иногда в церемониях его заменяли животными (или людьми), которых топили в Ниле. Традиция, по которой правитель должен умереть за свой народ, сохранилась в фольклоре и примитивных заклинаниях. Некоторые антропологи полагают, что в моменты кризиса обычай церемониальной казни фараонов возобновлялся, как это случилось с последней правительницей страны Клеопатрой, закончившей жизнь с помощью личного бога фараонов — змеи.

Рис. 45. Сцена с рельефа, теперь хранящегося в Оксфорде.
Приблизительно 3120 г. до н. э. Масштаб 3:8

В самом начале истории Египта фараонов их функции уже определились; об этом можно судить по рисункам на головке булавы и церемониальной дощечке, которые нашли в Иеранкополе. На последней изображен фараон-скорпион, выполняющий ритуал очистки каналов после разлива и распространяющий плодородие по полям. Доисторические заклинатели дождя, которые поддерживали племя, урожаи и животных в добром здравии, магически управляя погодой, превратились в фараонов, способных поддерживать всю нацию, командуя разливами Нила. С этого момента фараоны и Нил имели между собой неразрывную связь. Даже Эхнатона, с его единым богом-солнцем, называли «Нилом, всегда текущим и дающим жизнь Египту». В некоторых случаях правитель выступал в качестве лозоискателя в случае, если нужно было вырыть колодец в пустыне. Рамсес II, по общему мнению, имел

особую власть над природой даже в дальних землях хеттов, где мог заставить политься дождь или приберечь его для своих пастбищ. Эта власть над водой (а дождь есть небесный Нил, созданный благодетельным богом для тех малых народов, что не живут у его берегов), как считалось, не прекращалась со смертью фараона, а переходила к Осирису, с которым он сливался.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что дощечка фараона Нармера — самый важный памятник такого рода, найденный на территории Египта. В нем выражена суть института фараонов, его символы, догматы и искусство. Имя правителя изображено внутри дворцового здания и окружено головами Хатор с головой коровы и лицом женщины, что выражает сущность неба как матери человеческого рода. Там же изображен бог неба Гор, воплощением которого является фараон. На обратной стороне, которую вы сможете увидеть на фото 5, изображен сам Нармер в традиционной одежде медика. Ниже лежат два павших азиата. На этой стороне дощечки находятся и другие победные сцены, чтобы увековечить божественную мощь Нармера, который торжествует над чужеземными врагами и повстанцами на родине. Та же тема, но в более символическом виде выражена на головке булавы. На пьедестале одной из статуй Джо-сер изображен попирающим девять луков, которые символизируют соседей Египта; ему поклоняются послушные чибисы, представляющие местное население. На ранней ступени не было разделения между египтянами и населением ближних земель — все простиралось перед всемогущим богом-фараоном. Непропорциональные размеры фигуры фараона, его подданных и даже бога на этих ранних монументах ясно демонстрируют, что фараон считался скорее универсальным владыкой по праву, чем заместителем бога на земле. Таким образом, Египет представляет нам типично африканское решение проблемы. Другие высокие цивилизации, возникшие в долинах рек в бронзовом веке и знающие искусство письма, стали конгломератом соперничающих городов-государств, а Египет объединился и персонифицировался в лице своего божественного правителя. Фараон — классический пример земной инкарнации бога. Возможно, в ранний период его считали величайшим из богов, благодаря которому и другие постепенно преобразовались из животных в людей, как Хатор. Идея получить бога, до которого можно дотянуться рукой, была вызвана потребностью египтян в конкретном образе, но божественное влияние фараона признавали далеко за пределами страны. Он требовал власти над Египтом и другими державами. Расписанные стены фиванских гробниц Нового царства донесли до нас яркие картины приема властителей Азии, Африки и островов Средиземноморья, которые пускались чуть ли не в волшебное путешествие, чтобы сложить дары к ногам только что взшедшего на трон правителя.

Крупномасштабные проекты по мелиорации земель были невозможны до объединения государства под властью одного правителя. Самым ранним правителям уже приписывали умение управлять разливами, а политическое объединение Египта создало возможности координировать любые виды деятельности и выполнять работы общими усилиями. Как разрушительная сила наводнения преобразовывалась в благодетельную, так и власть фараона над людьми осуществлялась для общего блага. Фараон являлся персонификацией *Маат* — понятия, которое мы переводим как «право», «правда» или «правосудие», но которое, по-видимому, имело еще значение «естественный космический порядок». Силы зла могли нарушать *Маат* до тех пор, пока порядок не восстанавливался с помощью нужного акта — магического ритуала или прихода нового фараона. Средства, с помощью которых он устанавливал *Маат*, заключались в нем самом. Поскольку фараон правил в качестве бога, все вещи и все люди принадлежали ему, а его воля была законом. Это не значит, что правление было самовластно, и он слушался только своего сердца; часто нужен был совет оракула. Тяжкий по необходимости груз прецедента создавал сущность *Маат*, и фараону лишь изредка приходилось требовать то, что не делалось с древнейших времен правления богов. О том, что жизнь фараона была строго регламентирована, можно судить по словам Диодора: «Установлены не только время его аудиенций или суда, но и прогулок, мытья и близости с женой — короче говоря, каждая минута его жизни».

Концепция, утверждающая, что фараон является воплощением бога Гора, достигла высшей точки развития в начале Древнего царства. Возможно, Ступенчатая пирамида и постройки в Гизе построены в виде ее величайших памятников, для создания которых вся нация

вынуждена была прилагать невероятные усилия, строя не ради выгоды своего правителя-человека, но для утверждения высшего божества. Уже во времена Четвертой династии начало чувствоваться влияние Гелиополя, а в следующей династии оно стало доминирующим. Теперь фараон стал считаться потомком бога Солнца Ра, которого стали считать первым правителем Египта. Так произошел сдвиг от идеи инкарнации к идее кровного родства. Например, бытовала народная сказка о том, что основатель Пятой династии произошел от бога Ра и жены высшего жреца Гелиополя. К концу Древнего царства возникла идея: живущего фараона считали воплощением великого бога Гора, а после смерти он становился Осирисом, в то время как его сын превращался в нового Гора. Институт фараонов в отличие от них самих был бессмертен; с каждой сменой правителя «египетская вселенная» создавалась заново. Эта космогония подтверждалась мифом об Осирисе, в котором говорилось о том, как древний божественный владыка был убит и расчленен, но восстал из мертвых, чтобы править и судить в подземном мире, а посмертно рожденный сын Гор занял место отца на земле.

Концепция фараона как высшего из богов заметно ослабла в первый промежуточный период, когда исключительность фараона подорвали местные властители, меньше настаивавшие на своем божественном происхождении, чем на способности поддержать подданных земной мощью. Эта забота о материальном благополучии перешла к государству Нового царства, когда бытовало утверждение, что фараон заботится о своем народе, как добрый пастух — о своем стаде. «Бог сделал меня пастырем этой земли, зная, что я буду хранить его порядок», — сказал Сенусерт I своим придворным. «Он обладает милосердием, богат добротой и покоряет сердца любовью», — говорил Синухет о том же фараоне. Хотя правители Двенадцатой династии восстановили престиж института, «живой Гор» воспринимался скорее как непобедимый чемпион, чем бог. Большая часть почтения к фараону перешла к Осирису, хотя традиции по-прежнему давали земному правителю и его семье почетное погребение в пирамиде.

Фараоны Семнадцатой—Восемнадцатой династий пробивали дорогу к власти в жестоких сражениях с соперниками и, добившись успеха, укрепили монарший авторитет. Монархия Нового царства имела сугубо материалистический характер. Фараон сам выходил на поле боя во главе армии; теперь он был инкарнацией бога Менту или Ваала. Его героический характер подчеркивался описанием успехов в стрельбе, скачках и охоте. Обычным делом считалось, отвергая осторожные советы, разрабатывать храбрый, опасный план, венчаемый громким успехом. Победы военного гения Тутмоса III подняли авторитет фараона на новую высоту; его советник Рехмир говорил о своем господине: «бог, под властью которого живут люди; единственный, кому нет равных». Тесть Эхнатона называл фараона «бог, который меня создал». С вознесением Аменхотепа III и появлением его колоссальных памятников (например, храма Солеб, где ему поклонялись наравне с другими богами) институт фараона достиг высшего престижа. Его сын, Аменхотеп IV, вводя единый культ бога солнца Атона, принял имя Эхнатон. Атон был небесным властителем, а фараон — одновременно его сыном и соправителем. В этой концепции можно проследить параллели с древним культом Солнца, при этом новым было утверждение, что Атон является единственным богом. Монотеизм для Египта оказался чуждой идеей; испокон веков там почитали много разных богов. Но авторитет фараона позволил этот революционный принцип ввести; преданные фараону люди тщательно сбивали везде имя бога Амона и искореняли множественное число слова «бог».

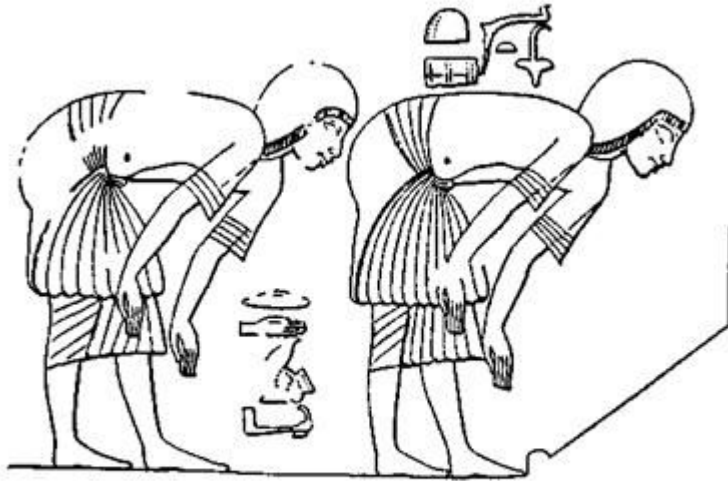

Рис. 46. Чиловники гарема фараона, склонившиеся перед царственной парой. Рельеф с гробницы № 55 в Фивах. Приблизительно 1368 г. до н. э. Масштаб 1:9

Надо отметить, что фараоны, хотя и считались божественным воплощением, были подвержены болезням смертной плоти. Аменхотеп III ужасно мучился от кариеса, у Сиптаха была деревянная нога, Рамсес V умер от оспы, а Мернептах страдал чудовищным ожирением.

Эхнатон — пример фараона, отвергнувшего традиции; это могло произойти с человеком, находящемся не вполне в своем уме. Это не удалось подтвердить; тем не менее, его близкие произвели тихое погребение фараона в Фивах. Несколькими годами позднее наследник Эхнатона Тутанхамон описал условия, при которых взошел на престол: *Маат* был нарушен, храмы заброшены, жрецы рассеяны, народ деморализован, терзаясь от отсутствия божественной заботы, армии Египта потерпели поражение за границей. Картина традиционно преувеличена, но затея Эхнатона нанесла ощутимый удар по институту фараонов Египта, поскольку десятилетием позже вдова Тутанхамона унизилась до такой степени, что призвала себе с супруги хетта, сделав его фараоном и основателем новой династии.

Во времена Нового царства фараоны серьезно занимались политикой завоеваний и поддержанием незыблемости границ Египта. Эта концепция была направлена только на успех, поэтому должна была исчезнуть, когда страна начала шататься. Военное превосходство Египта с успехом оспаривали новые отважные народы с лучшим оружием, а династические неурядицы, низкий разлив Нила и растущая бедность нанесли идее смертельный удар. В поздний период звание фараона стало призом, за который сражались между собой иностранцы всех мастей: ливийцы, эфиопы, персы и греки. Традиции еще обеспечивали неизменное почтение к этому институту, особенно в кругу придворных, но люди все больше внимания уделяли поклонению богам Амону или Осирису. Им адресовали молитвы; посредничество фараонов использовалось все реже, его заменил бог-покровитель города; кроме того, со снижением престижа фараона большее значение приобретал гротескный культ животных. Величие Древнего Египта было неразрывно связано с престижем тех, кто его создал; если он падал, то страдала и страна.

СЕМЬЯ ФАРАОНА

Царица, забеременевшая от божественного семени фараона, безусловно, занимала самое привилегированное положение среди женщин высокого рода. Во всех системах, где правителя почитают как бога, все его потомство имеет сверхъестественный потенциал. Старший сын фараона от его главной супруги становился наследником. Старшая дочь той же царицы имела не меньшее значение при дворе, поскольку в Египте (по крайней мере, в его первой семье) часто использовалась матриархальная система наследования. Приданое принцессы, по-видимому, включало в себя все царство или трон как материальный объект — священный, как и в Африке наших дней. Важнейшей задачей считалось не растерять божественную эманацию; поэтому наследник трона и старшая дочь царицы сочетались браком. Вероятно, это было исключением: мы не имеем свидетельств того, что обычай женить брата на родной сестре

существовал у остального населения Египта. Из-за огромных размеров детской смертности в стране, особенно в семье фараона, такая идеальная ситуация встречалась редко. Часто на старшей дочери царицы женился сын второй жены или наложницы, становясь наследником. Вдова Тутанхамона верила, что, женившись на ней, иностранец станет настоящим фараоном. Так и произошло — ее второй муж стал следующим правителем Египта. Традиция, по которой наследница имеет права на престол, была так сильна, что царица Хатшепсут посчитала, что в отсутствие родных братьев (после смерти своего супруга) имеет больше прав на престол, чем следующий по старшинству наследник Тутмос III, и смогла захватить верховную власть. Впоследствии этот случай рассматривали как нарушение престолонаследия.

Мы мало знаем о том, как складывалась карьера сыновей фараона, в особенности наследников до времен Двадцатой династии. По-видимому, все они получали воспитание будущих фараонов, поскольку никто не мог знать, кто в конечном счете достигнет высочайшего поста. Есть несколько случаев, когда ближайшие наследники не пережили своих отцов. Тутмосу III, сыну Тутмоса II, но от второй жены, предсказал трон оракул Амона. Тутмосу IV таким же образом обещал власть оракул Ра. Известны несколько ситуаций, когда фараон назначал старшего сына соправителем, — такая система зарекомендовала себя в правление Двенадцатой династии. Возможно, система назначения соправителей существовала с самого начала, но жизнь фараонов обычно протекала в тайне, и этому трудно найти доказательства.

ВЫСШИЕ ЧИНОВНИКИ

На практике правление фараона осуществлялось при посредстве чиновников. При ранних династиях они, по-видимому, были близкими родственниками фараона: если он был богом, то родные до некоторой степени разделяли его божественность и лучше всего подходили для власти. Со временем эти посты стали передавать по наследству, этому обычаю следовал весь Египет. Рядом с фараонами существовали самые настоящие династии чиновников, которые служили им; генеалогию некоторых из них можно проследить на несколько поколений, особенно во времена Нового царства. В первый промежуточный период и в начале Среднего царства местные губернаторы повторяли столичную администрацию в меньшем масштабе, заводя собственных советников, жрецов и слуг. Военное государство Нового царства еще больше переполнила бюрократия, которая, как считается, обычно не имела связи с правящим домом. Многие чиновники отправляли своих дочерей в гарем фараона. В ранний период особой специализации чиновников не требовалось: Вени из времен Шестой династии (см. выше) по очереди занимал должности управляющего, судьи, генерала, начальника работ и инженера-гидравлика. Очевидно, что способности администратора ценились выше технических знаний, и это было верно в течение всей истории Египта. Например, Аменхотеп, сын Хапу, занимавший административный пост в военном департаменте, был также и архитектором, передвигавшим «кварцевые горы», возводя колоссальный монумент Аменхотепа III. Фараон как источник всех законов являлся судьей высшей инстанции. Вероятно, только он утверждал смертные приговоры и обладал правом помилования. Представителем фараона являлся советник, назначенный на этот пост или получивший подтверждение назначения при восхождении на трон нового владыки. Советнику сообщалось, что его должность подразумевает высокую степень ответственности, поэтому он обязан строго соблюдать закон, не поощряя друзей и не рассматривая их дела с большим пристрастием, «поскольку это будет более чем правосудие». Но историки отмечали, что эти наставления имели небольшое отношение к реальному своду законов. Фараон в одном лице представлял законодателя, судью и главу исполнительной власти, но в таком государстве, как Египет, где правление шло по заранее установленному образцу, прецедент мог играть решающую роль. Сами решения при святости предписаний фараона формировали климат, влиявший на судопроизводство в некоторых случаях. Даже в правление Тутмоса III еще ссылались на решения советника, жившего пятью столетиями раньше. Кроме того, существовали «Поучения», которые написали несколько фараонов в качестве руководства по управлению страной.

Рис. 47. Хранитель сокровищницы передает владыке Куша печать фараона. Роспись гробницы № 40 в Фивах. Приблизительно 1345 г. до н. э. Масштаб 1:8

В Новом царстве появился более высокий пост, чем советник, — его занимал правитель Куша. Этот чиновник являлся представителем фараона в районе от Эль-Каб до Напаты и в качестве символа власти получал его печать. О том, как выбирали людей на эту должность, известно мало, но есть предположение, что она стала наследственной с тех пор, как в Куше правил сын фараона Яхмоса.

В погребальной процессии, изображенной на стене гробницы советника Рамоса, мы видим правителя Куша, за которым следует первый вестник (без сомнения, изображающий самого фараона) и затем смотритель сокровищницы — начальник департамента, столь же важного, что и судебный. Все товары и продукты принадлежали фараону и распространялись только его агентами. Местная торговля существовала в виде обмена товарами между деревнями, но до конца Нового царства международный товарообмен (например, с Пунтом или Библом) происходил в виде получения дани. Между тем из амарнской переписки ясно, что «дань», отправляемая фараоном взамен, была не менее ценной. Экономика страны в основном зависела от десятины, собранной с земледельческих общин или отдельных лиц вне зависимости от того, были это крупные храмы или солдаты-ветераны, получившие небольшой надел. Налоги выплачивались натурой: ячменем, пшеницей, маслом, вином, полотном, рыбой, фруктами, скотом и т. д. Земля принадлежала фараону и переходила в частную собственность только в виде его дара. Подобным же образом снятие налогов могло быть произведено только специальным указом из дворца. Землю можно было завещать наследникам владельца, но и этот акт обязательно подтверждался декретом. Держатели ферм, естественно, тоже платили налог. Земельный кадастр хранился в рабочем помещении советника; знаменитый Уилбурский папирус из Бруклинского музея показывает, как методично измеряли земли и высчитывали налоги во времена Рамессидов. Нет оснований полагать, что до этого учет был менее точным. Огромная масса чиновников занималась учетом урожаев и сбором, хранением и перемещением государственной десятины. В государстве, не имеющем монетной системы, такие налоги вполне устраивали чиновников, ремесленников, жрецов и все остальные классы общества, не занятые в производстве продуктов питания.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Фараон, как становится ясно из рисунка на дощечке Нармера, считался защитником Египта, обеспечивая покой на родине и повергая к своим ногам врагов за границей. Одной его божественной мощи было достаточно для победы: перед лицом высшего права противники делались слабыми и покорными. На практике в политических и военных делах фараона поддерживала армия. В конце Древнего царства она, вероятно, состояла из местных рекрутов с

региональным командованием; после этого оставался только шаг до появления феодальных властителей и их последователей, которые в конце Шестой династии повергли страну в водоворот гражданской войны. Кроме этого, существовали войска фараона — египетские и нубийские части, более сильные, чем любой из местных отрядов. Обязанности этих частей были связаны с защитой границ, добычей полезных ископаемых в Синае, Вади-Хаммамат, а также в других местах, экспедициями в Пунт. Солдаты одновременно были и рабочими.

Во времена Среднего царства местные армии предыдущего периода еще существовали, но только до прихода к власти Сенусерта I; центральные силы фараона увеличились. Солдат набирали по призыву, но с добавлением некоторого количества нубийских добровольцев. Эта армия, регулярно отправлявшаяся в Нубию, охраняла и торговые посты; она была организована гораздо лучше, чем в прошлые годы. В обязанности солдат по-прежнему входило производство общественных работ и добыча полезных ископаемых, но, без сомнения, растущий профессионализм его армии позволил Сенусерту I обуздать притязания местных правителей.

Тем не менее, армии Древнего и Среднего царств выглядели просто любительскими по сравнению с крупными силами Нового царства, включающими в себя колесницы, пехоту, разведчиков и моряков. Фиванские властители вышли победителями из столкновения с гиксосами и местными повстанцами, и впоследствии их правление имело агрессивный характер. Даже при дворе не склонного вести войны Эхнатона солдаты выделялись из общей массы. Армия была разделена на две дивизии приблизительно по пять тысяч человек в каждой; без сомнения, такое количество людей трудно было собрать внутри страны, поэтому в ней увеличивалось количество наемников — нубийцев, азиатов и ливийцев. В битве при Кадеше Рамсес II имел контингент сардинцев, захваченных в плен в предыдущих войнах; кроме того, свободу могли получить нубийские и ливийские заключенные, согласившиеся служить в армии фараона. Фактически армия давала единственную возможность сделать карьеру жаждущему приключений, но необразованному человеку, будь то египтянин или пришелец, достигнуть власти или влиятельного поста. Прослужив некоторое время простым солдатом, он мог сделаться знаменосцем, командиром отряда, наконец, капитаном лучников или моряков. Из этих полевых офицеров затем отбирали полицейских чиновников, спортивных инструкторов для детей фараона и даже мажордомов для его дочерей, а также и обладателей других придворных sinecur. Многие ветераны получали в виде пенсии надел земли, ценные золотые украшения и пленных в качестве рабов.

Но высшие командные посты в армии предоставлялись только образованным людям, которые могли начать свою карьеру в качестве писцов, выполняющих обязанности казначеев, ответственных за армейские расходы. Затем он мог стать главным писцом, в чьи обязанности входило ведение походного дневника с отчетами и общая секретарская работа. Позже он мог вести запись рекрутов; этот важный пост занимал, например, Аменхотеп, сын Хапу, отвечая за прием и размещение новых солдат различных служб в регулярной армии и на общественных работах. Генеральный штаб больше занимался логистикой, чем стратегией. Главнокомандующим был сам фараон, который часто использовал доверенное лицо в качестве своего заместителя — обычно это был наследник престола. Перед началом кампании фараон собирал военный совет из старших офицеров и высших чиновников государства, хотя смелый и успешный план всегда целиком и полностью приписывался ему. Генеральный штаб имел непревзойденный опыт в искусстве управления большим количеством людей и организации работ. Вероятно, поэтому его членов часто считали наиболее подходящими кандидатурами на пост фараона во времена Восемнадцатой династии, когда после смерти Аменхотепа I и Тутанхамона не осталось живых наследников по прямой линии. Хоремхеп, Рамсес I и Сети I когда-то служили офицерами в армии. В конце периода Рамессидов, когда страна сползала в болото анархии, именно армейским офицерам Пенхазу и Херихору удалось восстановить порядок. Позднее военные так крепко держались за свое положение, что сумели создать свою могущественную касту. Без ее поддержки не мог править ни один фараон, пока ситуацию не изменили греческие наемники.

ПИСЦЫ

Для всех постов высокоцентрализованного государства требовались чиновники, умеющие читать и писать, поэтому для человека, желавшего сделать профессиональную карьеру, первой необходимостью было получение образования в одной из дворцовых школ или храме, где копировали книги и давали некоторые пояснения. Более скромные деревенские писцы сами учили своих детей и детей ближайших родственников. Сложность школьных упражнений, образцы которых нашли в Дейр-эль-Медине и других местах, показывает, что обучение было серьезным.

Если судить по карьере верховного жреца Бакенхонса, жившего при Рамсесе II, то обучение начиналось в возрасте четырех лет и заканчивалось к двадцати. Изучая классические высказывания Среднего царства, которые использовались для монументов или в литературе до греко-римских времен, ученик сталкивался с мертвым языком, который очень плохо понимал, — это видно из обнаруженных копий классических произведений. Поэтому египетская литература дошла до нас в искаженном виде.

Рис. 48. Кусок известняка из Дейр-эль-Медины, теперь хранящийся в Париже. Содержит фрагмент «Рассказа Синухета». Приблизительно 1150 г. до н. э. Длина 7,5 дюйма

Обучение начиналось с заучивания наизусть различных символов, сгруппированных по категориям; затем переходили к словам литературного языка, выбранным по значению. Далее ученик начинал копировать избранные места из классики, иногда переводя их в общепринятую речь.

Для начинающих папирус был слишком дорог, поэтому вместо него использовали черепки и куски известняка. Обучение чтению и письму дополнялось другими дисциплинами. Для того чтобы изображать различные символы, необходимо было научиться рисовать. Географию, математику, иностранные слова, предметы торговли, религиозные праздники, части тела и т. д. изучали одновременно с копированием текстов, поэм о фараонах и их резиденциях, литературных споров между учеными писцами. Возможно, в некоторых аспектах обучение без слез считалось идеалом, но египтяне в общем разделяли мнение тюдоровской эпохи о необходимости телесных наказаний: ученикам говорили, что за лень будут чувствительно бить. Нет ничего удивительного в том, что при таком отношении, а также учитывая сложности обучения, школьники мечтали сбежать и сделаться солдатами, возницами или крестьянами. Поэтому преподавателям приходилось прибегать к сочинениям-нотациям, где легкая участь обученного писца сравнивалась с полной бед участью других людей. Общей темой этой литературы был вывод, что профессия писца ведет к получению удобной и хорошо оплачиваемой работы; там есть намек на обучение для собственного удовольствия: «Получи высокое звание писца; приятным и плодотворным будет твое перо и свиток папируса, и будешь ты счастлив всю свою жизнь». Есть некоторые свидетельства тому, что читать и писать учили

некоторых девочек — для удовольствия и выгоды. Упоминания о женщинах-писцах были сделаны во времена Среднего царства; еще чаще они встречались в поздний период. Сохранились дощечки для письма двух дочерей Эхнатона, а на Ступенчатой пирамиде имеются надписи в рисунках с презрительным упоминанием о литературных потугах женщины.

Когда писец заканчивал школу, он вступал на первую ступень своей карьеры, ведущей к высочайшим армейским, финансовым и придворным постам. В соответствии со своими талантами он мог стать кем угодно: от личного секретаря фараона до деревенского чтеца или мелкого поверенного. Конечно, если той же профессией занимался его отец, это очень помогало в жизни, но иногда человек скромного происхождения мог подняться на очень высокую должность. Некоторые из высших офицеров Египта в период Нового царства настаивали на своем низком происхождении, чтобы польстить возвеличившему их фараону. Например, такой доверенный человек, как Сененмут, имел очень скромных предков — его отец обладал призрачным и, возможно, посмертным титулом «достойного».

Обучение грамоте было необходимо и для таких профессий, как медик, жрец, художник и архитектор. Студентов-медиков отдавали в учение к практикующему врачу, почти всегда отцу или близкому родственнику. Грамота требовалась для заучивания рецептов, заклинаний и диагнозов из медицинских папирусов.

Первоначально во времена Древнего царства жречество было, можно сказать, любительской организацией, причем правитель нома являлся верховным жрецом местного бога. В Новом царстве, когда на таких государственных богов, как Амон из Фив, Птах из Мемфиса, изливались щедрые жертвования, жречество превратилось в профессию. Верховный жрец стал светским администратором не в меньшей степени, чем хранителем священных тайн. Так, у Амона было не только четыре пророка или верховных жреца, большое количество младших, закончивших должность носителя цветочных приношений, но и мирские слуги: главный управитель, смотрители зернохранилищ, складов, скота, охотников, крестьян, ткачей, ремесленников, золотых дел мастеров, скульпторов, кораблестроителей, чертежников и полиции — настоящий анклав внутри государства фараонов. Все эти должности и должности помощников этих лиц должны были занимать обученные писцы, хотя разного уровня профессионализма.

Рис. 49. Юти, главный скульптор царицы, заканчивает статуэтку ее дочери. Рельеф с гробницы в Амарне. Приблизительно 1357 г. до н. э. Масштаб 1:4

Труднее определить, необходимо ли было образование для художников и ремесленников, которые часто анонимно работали в своих мастерских при дворцах и храмах. Ясно, что скульпторам и художникам не было необходимости учиться читать и писать, если они могли скопировать в более крупных масштабах рисунки на папирусе, сделанные рукой мастера-писца или чертежника. Модели иероглифов для неграмотных рабочих поставлялись в гипсе; есть множество доказательств того, что, например, в Амарне определенный набор текстов механически копировали из года в год даже тогда, когда они устаревали, а если даже исправляли, то только после того, как вырезали на камне. В Среднем царстве множество обетных предметов производили в Абидосе ремесленники, не умевшие писать; обычно надписи грубо царапали руки, больше привыкшие держать долото, чем перо. На этом и других подобных свидетельствах обычно основывают утверждение, что с художниками считались мало: скромный работник просто выполнял работу вместо образованного чиновника, пожилавшего все лавры. Но такие суждения не принимают во внимание серьезный подход, с которым древние ремесленники относились к своей работе. Немыслимо, чтобы египтяне того времени, самая артистичная нация древнего мира, о которых говорят, что они не оставляли без украшения ничего, к чему прикасались, не ценили высокого художественного мастерства. В одном тексте есть намек на то, что Тутмос III сам создавал каменные сосуды; почти наверняка

необыкновенный маньеризм искусства Амарны происходил из воображения самого Эхнатона. Известно, что в ранний период художники редко заявляли о своем авторстве; они предпочитали скрываться под такими именами, как верховный жрец Птаха. Некоторым придворным творцам благодарные фараоны жаловали прекрасные гробницы в Фивах. Пареннефу была дарована усыпальница, хотя он больше гордился званием виночерпия фараона, а не его главного ремесленника. В своей интересной автобиографии придворный архитектор Нехебу, живший во времена Шестой династии, мельком упоминает, что начал свою карьеру секретарем своего брата, смотрителя работ; в длинном списке его титулов отсутствует упоминание об обучении грамоте.

КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧИЕ

Пропасть между образованной элитой и темными массами была широка и глубока. Несколько мудрецов увещевали последующие поколения не слишком гордиться знаниями. Советник Птахотеф говорит, что добрая речь встречается реже, чем драгоценный камень, но встречается у служанок при мельничных жерновах. Тем не менее, в среде чиновников бытовало убеждение, что писцы существуют для того, чтобы погонять невежд, подобных вьючным ослам. Это выразилось в египетском подобии барщины — системе, существовавшей с первых лет Египта. В критический момент сбора урожая или разлива Нила здоровых мужчин могли призвать на общественные работы для возведения плотин или очистки каналов. Неквалифицированные рабочие набирались и для сопровождения поисковых экспедиций. Без сомнения, так же набирали людей для переноски готовых камней при строительстве пирамид, возможно, в период разлива, когда большая часть крестьян оставалась без работы. Сомнительно, чтобы заметное количество сельских тружеников можно было забрать с полей, не причиняя вреда экономике страны. Истории переводчиков о строительстве пирамид в Гизе в те времена, когда их посещал Геродот, и пристрастный библейский рассказ о рабстве Израиля породили общее мнение, что Древний Египет был населен угнетенным народом, изнывающим под игом привилегированных господ. Между тем памятники дают нам иные сведения. Действительно случалось, что на человека слишком давили, и ему приходилось обращаться за возмещением ущерба к высшим властям или (в самом крайнем случае) уходить со своих полей. У нас есть сведения о забастовках работников во времена Рамессидов, когда из-за бесхозяйственности им перестали платить. Тем не менее эти случаи — исключение из правила. Мудрецы в своих поучениях пытались внушить, что идеальной является ситуация, когда чиновники проявляют снисходительность к слабым и беззащитным людям. «Если бедный земледelec запаздывает с уплатой налога, сними с него две трети платы», — советовал один из них.

Рис. 50. Старейшина деревни принимает запас семян кукурузы от чиновника и сеет их с помощью примитивного плуга. Рельеф с гробницы возле Эль-Берши. Приблизительно 2330 г. до н. э. Масштаб 1:11

Основное богатство Египту приносило сельское хозяйство, и это хорошо понимали во все времена. Магнаты находили удовольствие в заботах сельской жизни: работали в саду и винограднике, а также на полях и скотном дворе. Возможно, это идеализированная картина, но сельская жизнь, которую они хотели увековечить, считалась совершенной. Мы видим крестьян на полях в сезон сева и жатвы; даже тогда каждый мог сделать перерыв в середине дня или сделать добрый глоток из винного бурдюка. Все, что требовалось от египтян, — это тяжелая работа в короткие периоды времени. Весной, когда страна превращалась в широкое озеро, из

которого поднимались города, у них была возможность отдохнуть. Кроме того, существовали праздники, когда не было принято работать, к тому же у крестьянина всегда была возможность попеть песни на току или в лодке, которую он вел через переправу. В «Сказке о двух братьях» нарисована привлекательная картина сельской жизни, полной забот, достойная и мирная; ее герой — простой крестьянин, ежедневно трудившийся на полях своего брата. Сев и жатва являлись занятиями, которые, по общему убеждению, даже высшие люди страны должны будут выполнять в загробном мире Осириса, где пшеница высотой в девять локтей. Впрочем, для самой тяжелой работы предназначались жертвенные статуэтки, о которых говорилось выше. В «Сатире на торговлю» писец дает красочный отчет о жизни фермера, осаждаемого засухой, саранчой, мышами, ворами и сборщиками налогов. Однако для греков, привыкших к тяжкому труду на сухих холмах и каменистых пастбищах, Египет выглядел роскошной землей, где урожай можно получать почти без усилий. Каждый год разлив Нила наносил богатый слой ила на старые поля; после этого нужно было только рассыпать зерно и зарыть его в землю с помощью примитивного плуга, запряженного парой коров. Каждый год собирали два урожая: основной и более скромный летний, а основной труд приходился на поддержание оросительной системы, постройку плотин, копание каналов, позволявших воде перетекать с одного уровня на другой, и поливку полей летом из колодца.

Рис. 51. Ежегодная выдача одежды и масла сирийским рабам и их детям, принадлежащим храму Амона в Карнаке. Роспись гробницы советника Рехмира № 100 в Фивах. Приблизительно 1440 г. до н. э. Масштаб 1:6

По-видимому, мелкие ремесленники и неквалифицированные рабочие в городах вели менее независимую жизнь. Руины их кварталов нашли в Фивах, Амарне и Лахуне; эти люди жили в домах из двух-трех комнат, окруженных стенами. Рацион этих людей зависел от работы других; если снабжение продовольствием находилось в неумелых или корыстных руках, они голодали. Но нет смысла делать умозаключения на основе исключительных обстоятельств, когда система давала сбой. По сравнению с ванными, кабинетами, лоджиями, залами и хранилищами богатых их жилища можно назвать скромными, но все же они были не хуже лачуг крестьян, которым часто приходилось жить вместе со скотом. У нас есть возможность представить себе картину жизни рабочего в Древнем Египте лучше, чем в других государствах, благодаря профессору Керни из Оксфорда, который завершил изучение огромной массы записей из Дейр-эль-Медины. Здесь почти четыре столетия жили поколения фиванских рабочих, большей частью занятых на строительстве гробниц фараонов в близлежащей Долине царей — каменщиков, художников, чертежников, писцов, работников по металлу, скульпторов, ремесленников всех мастей вместе с подручными. Они были неутомимыми писцами, и во

многих местах поблизости от Фив найдены тысячи фрагментов и некоторое количество свитков папируса с краткими отчетами, списками, докладами о ходе работ, рабочими таблицами, заказами продовольствия, набросками, указаниями и всевозможными другими записями. Жизнь этого давно ушедшего в прошлое сообщества начинает проходить у нас перед глазами по мере изучения материала. Мы знаем, что ремесленники объединялись в бригады под началом старшего; семьи заключали брачные союзы; сыновья обычно получали в наследство должность отцов, за исключением случаев, когда кто-то обходил их благодаря влиятельному знакомству. Невыход на работу был обычным делом, а оправдания по этому поводу — многочисленными и разнообразными. Рабочие не должны были трудиться в те дни, когда у их жен случались менструации, — возможно, тогда они ритуально считались нечистыми. Мы знаем их приблизительный рацион и среднее количество еды на день. Исследование «счетов на светильники» и ежедневный расход фитилей дали нам приблизительную длину рабочего дня, которая удивит тех, кто полагает, будто жизнь древнего рабочего заключалась только в непрерывном труде.

Рис. 52. Сирийский наемник со своей женой пьет пиво через соломинку, ему прислуживает египетский слуга. Стела из Амарны, теперь хранится в Берлине. Приблизительно 1355 г. до н. э. Масштаб 1:2

Есть доказательства того, что работники Дейр-эль-Медины были умелыми ремесленниками; некоторые из них могли позволить себе купить неплохо украшенную гробницу. Нижнюю ступень в социальной системе египтян занимали рабы. Как и любая другая страна античности, Египет использовал рабский труд. Без сомнения, пленники, взятые во время военных действий, считались гражданами второго сорта с древнейших времен. Но со времен Среднего царства в армии уже служили отряды нубийцев и азиатов из людей, которые были проданы в рабство или обменяли неверную и полуголодную свободу на безопасность и относительную стабильность жизни. Некоторым рабам удавалось получить ответственные и важные должности. В более крупном масштабе рабство существовало в Новом царстве, когда войны с соседями и переселения народов привели в долину Нила большое количество узников и беглецов. Пленных отдавали в качестве рабов в храмы и частные поместья, даже в дома армейских офицеров. Впрочем, граница между рабом и свободным гражданином была довольно расплывчатой. Личные рабы высокопоставленных египтян наверняка были богаче большинства местных крестьян. Ко временам Рамессидов иностранцы уже занимали серьезные посты во дворце и в армии. На стеле ранней Амарны изображены египтяне, ожидающие сирийского наемника. Хотя рабов можно было перевозить и продавать, а также одалживать, в Уилбурском папирусе ясно записано, что они могли арендовать и обрабатывать землю на тех же условиях, что армейские офицеры, жрецы и другие чиновники. Для того чтобы превратить

раба в «свободного гражданина земли фараона», достаточно было простого заявления владельца, сделанного при свидетелях. Сохранился документ, согласно которому женщина признает своими наследниками детей умершего мужа от женщины-рабыни в обход близких родственников. В другом случае парикмахер выдал свою сироту-племянницу за раба, которому и передал предприятие. Из всех подданных фараона хуже всего приходилось преступникам, среди которых были чиновники, обвиненные в коррупции: их ссылали в одинокую пограничную крепость Тжель или заставляли работать на синайских и нубийских шахтах, предварительно отрезав нос.

Глава 10. ОБРАЗ ЖИЗНИ ЕГИПТЯН

В предыдущих главах мы уже дали представление об идеологии, которая определяла характер древнеегипетской цивилизации. Понимание особенности этой страны не может быть полным без детального изучения сложных религиозных верований, но нам придется ограничиться рассмотрением самых существенных моментов.

Большинство ученых, изучавших религию Древнего Египта, подвергли ее современному теологическому анализу, для которого она по своей природе не предназначена. В результате появились запутанные и конфликтующие между собой концепции, не поддающиеся логическому осмыслению. Дело в том, что египетский взгляд на реальность отличался тем, что в поздний период своей деятельности Генри Франкфурт (самый точный и доброжелательный из переводчиков) назвал «множественностью подходов» в противоположность единой и логичной теории — детищу греческой мысли. Последовательному сравнению египтяне противопоставляли множество смешанных метафор, возникавших из избытка образов, дополненных воображением.

Решающую роль в формировании их образа мысли должно было играть окружение. Египет — страна противоречий, где все являет собой сборище контрастов. Нет ничего более противоречивого, чем черные обработанные земли и красная пустыня, многолюдная и плодородная жизнь и бесплодная смерть. Возможно, египтяне начали рассматривать свой мир как единство противоположностей, поддерживающих равновесие. Каждый раз, когда оно нарушалось, люди чувствовали психологическое смятение, присутствие зла. Необходимость установления равновесия чувствуется в симметричности их зданий и произведений искусства, сбалансированном параллелизме наиболее важных принципов, создании политической двойственности «Двух Земель». В Египте можно было легко сохранять баланс, поскольку его естественное состояние почти недоступно переменам. Он избежал землетрясений, время от времени потрясавших эгейский мир. Климат в стране был, но не было погоды. Каждый день солнце вставало во всей красе, не затененное облаками, пересекало небо и спокойно заходило. Каждый год в предсказуемое время разливался Нил и обновлял усталую землю; переменным был только уровень разлива. До позднего периода пустыни защищали страну от воинственных нашествий завоевателей, которые радикально изменили историю и судьбу других народов древности. Проникновение новых рас с новыми идеями было постепенным и позволяло обновлять, но не менять национальную культуру. Такое окружение инстинктивно поощряло египтян сохранять статус-кво. Сухие пески сохранили большую часть прошлого в настоящем. Возможно, не был случайным даже тот факт, что в Египте придумали мумификацию.

В таких стабильных условиях и взгляд на космос должен был сформироваться статичный: перемены шли в повторяющемся ритме, не создавая нового. Борьба между противоположными силами поддерживала баланс. Летом земля может высохнуть, но все равно придет разлив. Древний Осирис погибнет, но его сын станет новым Гором и займет место отца. Победа бога-солнца провозглашается с каждым восходом, хотя на закате он умрет. У египтян не было космогонии, которая учила бы, что в начале мира человек был низвергнут за то, что бросил вызов богу, или когда-то мы жили в золотом веке, и с тех пор мир пришел в упадок. Еще меньше было идей о том, что впереди ждет лучшая жизнь. Правители произошли от богов, правивших Египтом с момента его сотворения; следовательно, он с самого начала был совершенен; поскольку страной всегда правил бог, никакое улучшение не требовалось. О людях, стаде бога, хорошо заботятся. Он творит небо и Землю по своему желанию. Он утоляет их печали и заставляет воздух вдыхать жизнь в их ноздри. Они — изображения, вышедшие из его членов... Он также убивает их врагов.

Так писал отец фараона, ссылаясь на древний миф о том, как бог-солнце решил наказать людей за дерзость, но под конец пожалел и смилостивился. По мнению египтян, людям свойственно было ошибаться, а богу прощать их, поскольку «его гнев проходит через минуту». Поэтому в их психике совсем не было чувства вины; беспокойство, которое так часто влекло человечество к хорошему и дурному, у египтян заменялось другим побуждением: не

примириться с богом, а настроиться в соответствии с системой Маат, которую он создал.

Природой они были избавлены от множества забот, осаждавших соседние племена; кроме того, они оберегали свой покой, принимая закон божественной инкарнации. Это дополнялось статичным и радостным принятием мира в том виде, в каком он есть, созданного совершенным и сбалансированным, «живым от края до края». Доказательством тому может служить их искусство, где магнат во всем своем величии изображался за полевыми работами рядом с обычным крестьянином. Достоинство высшего чиновника и его семьи уравнивало агрессивное поведение сборщиков урожая. Пока рыболов трудится на болотах, фараонова мышшь-мародер хозяйничает в гнезде водяной птицы. Если охотник в пустыне, то рядом гиена набрасывается на новорожденного козленка. Эти многолюдные картины мы объясняем острым и юмористическим наслаждением жизнью, присущим художнику. Кроме того, здесь есть инстинктивное чувство, что без таких противоречий вселенная потеряет равновесие.

В египетском мире его олицетворяло Маат — понятие, в зависимости от контекста означавшее «порядок», «правду» и «правосудие». Оно достигалось, когда естественная гармония космоса, существовавшая в момент его создания, заново восстанавливалась после периода беспорядка. Наиболее заметно этот беспорядок, ложь или неправда проявлялись в первый промежуточный период, когда распалась связь времен, установленный порядок сменился анархией и жизнь потеряла смысл. Подобный хаос или антимаат устанавливался между смертью фараона и восшествием на трон его наследника. Кризис прекращался только с восстановлением Маат; в этом смысле очень показателен факт, что нового фараона часто изображали вместе с богиней, персонифицирующей это понятие. Так, радость и облегчение при коронации Мернептаха поэт выразил такими словами:

«Маат победил ложь, грешники повержены, и жадные отторгнуты. Вода стоит и не падает, Нил дает высокий урожай. Дни долги, и для ночи есть часы, и месяцы сменяются вовремя. Боги снисходительны, и в сердцах свет, а жизнь проходит в удивлении и смехе».

Для египтянина цель жизни была в достижении Маат. «Правда хороша, и ценность ее неизменна и не уменьшилась со времен ее создателя, — писал своему сыну Птахотеф. — Тот, кто нарушает ее законы, будет наказан. Она лежит прямой дорогой даже перед невеждами». Невежество можно победить знаниями, поскольку египтяне верили, что, хотя правильного отношения к жизни достичь нелегко, ему можно выучиться. До нас дошел сборник упражнений на эту тему, сильно искаженный, как и школьные примеры, но содержащий описание идеалов, которых следовало достичь. Кроме того, сохранилось множество молитв, написанных людьми, которые, по их мнению, прогневили бога; в них они сознаются в грехах, но говорят, что были не злыми, а невежественными. «Не наказывай меня за злые дела, — писал один. — Я тот, кто сам себя не знает, слабоумный человек. Весь день я следую велению своего желудка, как вол за кормушкой».

Такие люди в *«Поучениях»* описываются как «страстные», обреченные на несчастья и окончательное падение из-за своей гордости, жадности и придиричивости. Они неудачливы, и их лучше избегать. Противоположностью им служат люди «спокойные», довольные своей участью, скромные, терпеливые и благосклонные. Только они достигают успеха, потому что не разрушают гармонию, существующую в космосе, а являются ее частью. Таким образом, если египтянин поступал неверно, то выступал против божественной системы Маат, а не вступал в конфликт с высшим богом, обычно очень далеким и достижимым только через посредство божественного фараона.

Перевороты позднего периода с династическими проблемами, неудачи за границей, подчинение фараонов чужеземными завоевателями и гибель удаче нации нанесли идее еще более чувствительный удар, чем это было в сложные времена первого переходного периода. Лучшее, что мог сделать египтянин, — вернуться в прошлое, когда люди, по-видимому, умели устанавливать гармонию внутри своего мира. Как и все народы до возникновения науки, они в основном полагались на магию, которая в прежние времена работала на благо, давала дисциплину, уверенность и позволяла преодолеть невзгоды. Она давала результаты, поскольку не входила в область эмпирического знания. Ежегодно проводили церемонии, обеспечивающие разлив Нила. Во времена общего упадка древней веры перед лицом постоянных невзгод позднего периода египтяне все больше полагались на сверхъестественное вмешательство: на

оракулов, гороскопы, заклинания, амулеты и все виды магии, которые вызывали недоумение у греков и римлян. Однако мы должны судить древних египтян не по ситуации в момент упадка, а по тем двум тысячелетиям, когда система работала. По словам Франкфурта, «жизнь человека как индивидуальности и в еще большей степени как члена общества объединялась с жизнью природы... Опыт такой гармонии считался величайшим добром, какого мог достичь человек».